

Еще была выставка внедорожной техники. Привезенные на прицепе снегоходы, мотобуксировщики, болотоходы аккуратно спускались по парапету от «Динамо» и начинали бороздить просторы пруда. Выставочные образцы очень быстро превратились в болиды, наперегонки преодолевающие сугробы, торосы и береговую линию. Это вам не в выставочном зале рассматривать полировку авто. Видно не зря некоторые производители не согласились выставить свои «паркетные вездеходы». Все познается в сравнении. И это сравнение состоялось на занесенном снегом городском пруду Екатеринбурга. Мы смогли узнать среди посетителей, объезжающих представленные образцы и начальника Главного управления МЧС России по Свердловской области, и главного Государственного инспектора ГИМС, и представителей Свердловского регионального отделения «Российского союза спасателей», других структур, которым по роду деятельности приходится часто передвигаться по бездорожью. При подготовке фестивальной

площадки организационную весомую поддержку оказал СК «Динамо», на чьей береговой территории был развернут импровизированный штаб праздника. Компания ДАРИК в полевой кухне готовила для участников уху. Подарки для всех участников фестиваля подготовили российское представительство СЭТИЛА и экипировочный центр ВЕК.

Когда УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ приступил к подготовке ЛЕДОВОГО ШТУРМА-2011, от инициативной группы команды «Восхождение» поступило предложение включить в программу фестиваля мероприятия с привлечением инвалидов-колясочников. УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ много лет дружит с Госпиталем для ветеранов войн, поэтому идея помочь людям с ограниченными физическими возможностями принять участие в зимнем фестивале немедленно получила поддержку. Руководитель команды «Восхождение» Анатолий Вязовцев, подготовивший к лету несколько специальных колясок, приспособленных для передвижения по пересеченной местности, вновь принялся конструировать. Теперь коляски надо было поставить на лыжи! Ведь зимой только тротуары кое-где чистят, а на пруду придется передвигаться

по снегу. И вот у энтузиастов стали появляться добровольные помощники. Когда из автомобилей появились 15 человек в инвалидных колясках, кроме друзей и родственников им помогали ребята, проходящие реабилитацию в фонде «Город без наркотиков». О том, как проходила программа фестиваля для спинальников команды «Восхождения» рассказ отдельный, но надо видеть, какие были у них лица после нескольких часов общения на зимнем водоеме! Позже участников проводили в Храм на Крови, где после праздничного обеда их наградили призами за мужество и волю и подарками, с концертной программой выступил мужской хор.

Любопытная деталь: вся подготовительная работа и проведение столь громкого события в жизни Екатеринбурга и Уральского региона в целом были осуществлены исключительно на общественных началах. Наверное, это и есть развитое гражданское общество! Социальные, культурные, молодежные и туристические бюджеты не пострадали.

Журнал УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ, тем временем, начал подготовку к весеннему фестивалю МАЙСКИЙ ЭКСТРИМ. Опять весь день в центре Екатеринбурга будет круговерть активного молодого люда: катамараны, удочки, яхты, веревки, велосипеды, вездеходы, карабины, катера, туристическое снаряжение – обретут своих хозяев. Члены команды «Восхождение» уже попросили помочь приспособить их коляски к катамаранам, чтобы принять участие в водной части МАЙСКОГО ЭКСТРИМА. Снова Анатолий Вязовцев погрузится в конструкторские расчеты, чтобы успеть к сроку и перед фестивалем попробовать сплавиться весной по тихой речке. Думаем, федеральная программа «Туризм, доступный каждому» воплощается на Урале вновь с непривычной стороны.

Влад НЕКРАСОВ, Телевизионное Агентство Урала

«Спасибо, что вы нас вытащили»

Вчера на городском пруду случилась большая культурно-развлекательная программа. С утра вдоль левого берега расселись рыбаки и соревновались, кто больше натягает, ближе к вечеру появились авиамodelисты с кордовыми моделями. Ну а мы в этом репортаже расскажем о самой героической страничке вчерашнего праздника. Об инвалидах-колясочниках, которые вчера совершали горное восхождение и катались на собачьих упряжках (впервые в жизни). В общем, кому как повезло. Автору этих строк вчера, например, вообще категорически повезло: мог стать инвалидом, но повезло. А все собачки – лайки и хаски... Чуть не замесили зверюги! Нет, ну друзья, реально, пять псов сильнее человека! Но это так, в качестве развлечения, на самом деле ничего страшного: с собаками повалялись в снегу, и все. А вот со спинальниками все было гораздо интереснее. Речь идет о людях с парализованными ногами, которые, по сути, заперты в четырех стенах квартиры. И таких людей в Свердловской области пять тысяч человек! Летом прошлого года за реабилитацию спинальников взялась команда «Восхождение». Несколько инвалидов на специально разработанных четырехколесных тележках по веревкам, с помощью жумаров поднялись на две горы: Волчиху и Семь Братьев. На ЛЕДОВОМ ШТУРМЕ команда «Восхождение» впервые опробовала зимний

вариант тележки на деревянных лыжах. Клич кинули всем инвалидам-колясочникам, дескать, на городском пруду будет большой праздник – с помощью интернета это сейчас не сложно. Откликнулось всего 15 человек. Остальные – кто-то без машины, кто-то стесняется свой недуг выставлять напоказ. А те, кто рискнул приехать, не пожалели! На спецанках и за снегоходом покатались, и по веревкам на небольшую, но весьма крутую горку затянулись с помощью волонтеров... Сначала был замысел устроить соревнование, но на месте выяснилось, что, кроме ног, у одного рука не работает, у второго – позвоночник клинит. В общем, все оказались в разных категориях, и состязательный момент отпал сам собой – спиналь-

Владислав Некрасов – журналист Телевизионного Агентства Урала (ТАУ), ведущий новостной программы «Девять с половиной», автор многочисленных спецпроектов ТАУ, посвященных новейшей истории Среднего Урала и экстремальному спорту. Получил высшую телевизионную награду России «Тэффи» за фильм «Экстремальная башня».

Наши проекты

ники просто покорили горку. То, что человеку с ногами дается даром, для них – настоящий труд. Отсюда и радость преодоления и горы, и себя.

Инвалид-колясочник Иван Спиридонов: «Организация этого события дает всем понять, что мы – не люди с ограниченными возможностями, мы – такие же люди, как все остальные, просто мы передвигаемся по-другому: не с помощью ног, как здоровые люди, а с помощью коляски – и все. А в остальном мы такие же люди».

ского, под которым у санок неожиданно сломалась лыжа, но он так хотел покататься на собаках, что, не дожидаясь помощи, на коленях, с лыжными палками в руках помчался к упряжке. Однажды Владимир гулял с ребенком, напали гопники, избили, упал спиной на бордюр – ноги отнялись. Кто из нас от такой беды застрахован?

Капитан команды «Восхождение» Анатолий Вязовцев: «Инвалиды-колясочники, они ведь не виноваты, что стали инвалидами. Любой из нас с нашей бурной жизнью завтра-послезавтра может попасть в подобную ситуацию. В четырех стенах люди сидят, не видят жизни. Вот наша задача им показать и нам вместе с ними. Вот смотрите, сколько людей. И вот ребята говорили: «Спасибо, что вы нас вытащили и мы почувствовали себя кому-нибудь нужными».

После горы спинальники катались на собаках из питомника «Эльбрус» нашего известного собаковода Павла Смолина, который, несмотря на всякие кризисы, все еще содержит собачек системы хаски и лайка в немалом количестве. Завершился праздник в Храме на Крови, где был обед в трапезной, выступление мужского хора и раздача кубков и медалей самым активным и мужественным. Кстати, победителем организаторы праздника признали Владимира Архангель-

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

март 2011

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Наши проекты

В. НЕКРАСОВ	ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ 2011 ..... 1 пол. обл.	
<u>Доступный туризм</u>	«Спасибо, что вы нас вытащили».....	3
С. СПЕКТОР	Команда «Восхождение»	6
В. АРХАНГЕЛЬСКИЙ	Пока живой – бейся	8
<u>Путешествие по Уралу: Пермский край</u>		
Е. ЛИТВИНОВА		
Н. СУББОТИН	Чусовая – снежное сафари	12
<u>Путешествие по Уралу: Ямало-Ненецкий АО</u>		
И. ШАРОВАТОВ	Автопробег по зимникам двух округов	20
<u>Путешествие по Уралу: Свердловская область</u>		
В. БАЙДУКОВ	Река Лозьва	28
<u>Дети в походе</u>		
В. СИДОРОВ	Нас снова ждут дороги впереди	30
<u>Камни Урала</u>		
А. ХАНЖИН	На реке Алабашке	34
<u>Путешествие по Уралу: Свердловская область</u>		
А. ШЕШОТОВ		
О. МОРОЗОВ	Проект туристического маршрута «Царский путь»	36

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Координаты чудес

А. ПОДОЛЬСКИЙ	Повелители мелков	40
<u>Законы Вселенной</u>		
И. ТЁ	Баллистика Талиона	43
В. ВИНТЕР	Случайная колония	47
<u>Повод для улыбки</u>		
К. БАХАРЕВ	Законы человека	53

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Давным-давно

Я. КУНТУР	Государево вино	56
<u>Далекое – близкое</u>		
О. ЧЕРНОВ	Опер Зоценко и сыщик Пушкин	60
<u>В мире прекрасного</u>		
Ю. КЛЮШНИКОВ	Чайковский: хочу своей музыки	62
<u>Знаменитости в Екатеринбурге</u>		
И. ГЛАДКОВА	Командировка с непредсказуемыми последствиями	66
<u>Тропой поиска</u>		
А. ЯЛОВЕНКО	Родственники Гитлера: уральский финал	71
<u>На страже Родины</u>		
Ю. ГОРБУНОВ	Пасынок Литейного проспекта	74

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Литературный консультант – В. Абоян.

Худ. редактор, верстка – С.И. Кормильцев.

Набор – В.М. Кадочникова.

Корректор – Л.В. Юсупова.

Рекламная служба – com@uralstalker.com

Интернет – Е. Марков.

Фото 1 полосы обложки – Е. Фирсова

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – общественная организация «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев, Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич, Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов, Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ,
- Виктор Байдуков.

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, в/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Лидер
Уральского
Турбизнеса
2007

Семен СПЕКТОР

Команда «Восхождение»

На сегодняшний день, по данным Министерства Социальной защиты населения, в Свердловской области проживает около 5 тыс. инвалидов с поражением опорно-двигательного аппарата, передвигающихся с помощью инвалидных колясок, из них свыше 2,5 тыс. живут в г. Екатеринбурге.

К большому сожалению, только 20 человек из общего числа инвалидов-колясочников Свердловской области активно занимаются спортом. Несмотря на тяжелейшие травмы и заболевания, они находят в себе мужество быть сильнее болезни, являются достойными гражданами нашей страны, а не лицами с ограниченными возможностями.

Пройдя курс восстановительно-профилактического лечения и комплексной реабилитации в ГОУЗ СОКП госпитале ветеранов войн и иных медицинских центрах Свердловской области, инвалиды-колясочники нуждаются в последующих адаптационных и реадaptационных мероприятиях.

Помогают восстанавливать физические и духовные силы занятия с психологами, ЛФК, массаж, АПИ и гирудотерапия, занятия музыкой, живописью, ремеслами, посещение концертов, музеев, экскурсионные и паломнические поездки, важную роль в процессе реабилитации инвалидов играет санаторно-курортное лечение.

Тем не менее, многие виды эффективных методик восстановления недоступны и для такой категории нашего населения, как инвалиды-колясочники. Отсутствие элементарной инфраструктуры делает окружающую среду недоступной. Более того, как понимают читатели журнала, состояние здоровья и уровень пенсионного обеспечения инвалидов-колясочников не позволяют им рассчитывать исключительно на собственные возможности и личные средства для создания достойных и оптимальных условий жизнедеятельности.

В данной ситуации остается надеяться на медико-социальную поддержку со стороны государства и помощь добровольцев-энтузиастов, которые могут и готовы рабо-

тать с инвалидами-колясочниками, создавая для них условия для развития и жизненного роста.

К счастью, в г. Екатеринбурге есть такие замечательные люди, способные вдохновлять и принимать нестандартные решения – заниматься спортивным туризмом с инвалидами-колясочниками.

Как врач, я убежден, что сочетание физической нагрузки и положительных эмоциональных впечатлений всегда дает отличный результат в процессе реабилитации людей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации.

Необходимо учитывать, что для занятий спортом требуются специализированные инвалидные коляски, которые имеют больше возможностей в плане активного передвижения.

Типовые инвалидные коляски очень громоздкие и предназначены для передвижения по дому (квартире) или улице, их передвижение по лесу, а тем более по горам, исключено.

Учитывая все трудности передвижения инвалидов на стандартных колясках промышленного производства, была сконструирована и изготовлена специализированная трансформируемая коляска. Ее особенности заключаются в том, что она может катиться как на велосипедных колесах, так и на лыжах. Более того, универсальная коляска может устанавливаться на плавсредствах, например, катамаране, что позволит преодолеть инвалиду самостоя-

тельно водные преграды. Наличие у человека с ограниченными физическими возможностями мобильного и удобного средства передвижения даст ему возможность вести активный образ жизни, путешествуя круглый год. Инвалид-колясочник сможет стать поистине свободным и независимым, сможет увидеть мир за четырьмя стенами.

Для сопровождения на сложных туристических маршрутах нужны здоровые, физически развитые люди, туристы-волонтеры. Данный аспект чрезвычайно важен, так, помогая инвалидам, люди получают колоссальный урок милосердия, взаимовыручки, безвозмездной и бескорыстной помощи, те душевные

качества, без которых немислим не один человек.

Спортивный туризм и участие в нем инвалидов-колясочников – абсолютно новый и нужный вид туризма, а также великолепный реабилитационный прием, дающий видимый и осязаемый восстановительный эффект.

С точки зрения медицины спортивный туризм – находка для людей с «другими» возможностями, их шанс новой и активной жизни.

Команда «Восхождение» (так назвали себя добровольцы-энтузиасты, единомышленники, создавшие новую общественную организацию) пока немногочисленна, но люди узнают о ее работе, предлагают посильную помощь: приносят веревки, карабины, каски, лыжи и иную туристическую амуницию.

Убежден, что спортивный туризм инвалидов-колясочников – прекрасная и благородная идея, которая должна быть поддержана и реализована с участием представителей власти, общественных и религиозных объединений, представителей бизнеса, граждан Свердловской области.

Мы вместе сможем помочь другу другу и людям с тяжелой судьбой, быть нужными, востребованными, гуманными, сможем сделать наше государство социальным, а Россию – достойной страной для жизни каждого человека.

Владимир АРХАНГЕЛЬСКИЙ
Фото Екатерины ФИРСОВОЙ, Евгении РОКОТЯН

Пока живой – бейся

ДАВНЕЕ

В «прошлой жизни» мне было интересно побродить по лесам и горам – часто в одиночку.

Иной раз казалось: один неверный шаг, и простой вывих может стать фатальным концом – в морозном снегу можно и не доковылять.

Зря боялся: экстрим – это не одиночка в лесу при -30 с хвостиком – городская улица гораздо опаснее...

Осенним вечером 2007 года решил выгулять сынулю-грудничка и жену перед сном, и все изменилось. Дело было в Кургане – «бригадные» беспредельщики развлекались нападениями и мордобитием (на центральной улице).

Среди битых ими тогда черепов оказался и мой – а куда денешься!? Их трое, слева темный двор, справа дорога с едущими машинами.

Успел отвести за спину жену с дитем и пытался тормознуть гадов: «Вы чего, мы с мелким». В ответ: «Ну и че?» Мразь оказалась редкостной и ушлой.

БОЛЬ

Если в походе или еще где вдруг сломаете ногу, то вам будет плохо и больно – но это не самое страшное. Даже очень сильную боль можно победить.

Главное – собраться с силами и уметь терпеть, ну если не потеряете сознание и контроль над собой.

Тогда вы сможете преодолевать ее по секундам: движение – боль – отдых – движение...

Хуже, скажем, бывает при гиперстезии (повышенная чувствительность – возникает при проблемах с неврологией, позвоночником), когда страданием будет любое прикосновение. Даже к волоскам на ноге!

Впечатление такое, как будто по коже проводят зажимкой или скребут острым краем жести от консервной банки, и это продолжается минуты, часы и сутки. Елки-заиньки, даже это не самое ужасное!

Жуть страшная будет, когда исчезает боль и все ощущения, как это ни странно – именно такая пустота просто непереносима! Тогда исчезают силы и наступает паралич,

ноги лежат палками, а руками не можешь взять даже лист бумаги.

У меня есть некоторый опыт.

ПОКА ЖИВОЙ – БЕЙСЯ

Как лежать «батонком колбасы», мне известно. И видеть, как такие же больные просто гниют заживо. Но еще знаю, как приходится карабкаться из этой ямы.

Когда ты уже не веришь, и тут везение – снова про-скальзывает тень исчезнувших ощущений. Пусть даже минимальных, но ЕСТЬ! Даже если это боль. Можешь на несколько миллиметров пошевелить одним пальцем! Еще большая радость! За нее цепляешься и стараешься не упустить – монотонно и нудно двигаешь. Пошевелил раз-другой, устал – отдохнул и снова. За час несколько «подходов».

ЛЮДИ, если вы не любите зарядку, боитесь оторвать попу от дивана и лишний раз выйти в лес подышать свежим воздухом – балбесы вы домашненькие! Имея возможность Жить, Двигаться и Видеть Прекрасное – вы это не цените! Вам обязательно нужно потерять, чтоб потом это оценить?

СНАЧАЛА ИЗВИНЮСЬ И ПОБЛАГОДАРЮ

Еду на коляске как-то по Ленина в Екатеринбурге, мама, бедная, сзади толкает – на бордюрах и кочках с ямами уже вымотались. Очередной бордюр у почтамта, при преодолении напряжение уже просто оупляющее.

Подходит мужик с бородкой, помогает, и мы вползаем на тротуар, молча бредем дальше – ну не было уже сил и внимания. Он отходит и тихо так бурчит: «Хоть бы спасибо сказали».

Были и еще аналогичные случаи, когда я был невежлив – надеюсь, простите. Честное слово, это бывает, когда задолбает боль и усталость – может, вспомните, каким учтивым бывает человек, если даже просто зуб болит.

А потому надеюсь на снисходительность.

«ЕСЛИ ДРУГ ОКАЗАЛСЯ ВДРУГ»

Разное в жизни бывает, может, кому пригодится – когда близкий заболел:

1. Врачи говорят: большой бесперспективный (так в Кургане сказали моей жене) – это им просто вломы работать.

Ищите тех, кому не лень. Мне помогли в Екатеринбурге: в 1-й, 40-й больницах, спасибо им. С позвоночными больными возиться многим докторам лень – поэтому особо приятно было оказаться в реабилитационном на Широкой.

2. Если ваш знакомый заболел – не исчезайте. Хотя бы просто позвоните. Звонок для парализованного – как для сидящего в камере. Только для больного счастьем бывает и меньшее: если кто-то поможет сесть и в окошко глянуть. Когда валялся в 25-й, смог увидеть дерево! Всем, кто помогал, заходил и звонил – без вас было б так хреново...

Без помощи тех, с кем работал, хорошо, если мог сам переворачиваться в койке.

3. Экстрим. Для спинальника это любой выход из квартиры.

В мороз нужно добавлять -20: те -20 для него – как -40 для здорового человека, который сидит и не двигается. Нужно обязательно следить за ногами: плохая чувствительность и кровообращение, легко отморозить.

То же и с высокой температурой, сколько знакомых обжигали ноги до волдырей, просто забыв убрать их с батареи.

ВОСПОМИНАНИЯ О ТУРИЗМЕ

Даже минимальные знания и навыки туриста помогли мне. Туристы ориентируются и на автономность, и на руку друга, в психологии обычного городского жителя этого нет.

Умения и навыки из прошлого сильно влияют на больного. Особенно это видно на ДЦПшках и людях с нарушением восприятия окружающего мира. Опыт походов, работ и экстремальных ситуаций дают дополнительные шансы. Те, кто этого не имеет, теряют время, а главное – боятся учиться.

Бегло вспомню навыки, принципы и походные полезняшки, пригодившиеся мне.

1. Неторопливость и подстраховка уберегут от ошибок и падений. Сколько случаев было, когда больные с травмами позвоночника, уже учась вставать и ходить, проявляли небрежность. Затем падали и получали травматический перелом. Возвращаться обратно в положение бревна на диване очень не хочется.

2. Контролируй ситуацию и не расслабляйся. Как-то утром в больнице я поленился это сделать – и медсестра вместо вены вошла иглой в артерию. Сонливость как рукой сняло. Медик – это человек, и может ошибаться.

3. В холод двигайся, не можешь ногами – шевели, чем можешь. Главное не останавливайся, пока не найдешь другой способ согреться – если есть силы.

4. Влажность кожи враг и зимой, и летом: отморозишь или получишь воспаленную опрелость. Мокрая и сдавленная кожа для лежачих больных – это значит лечить пролежни. Когда шкура сгнивает до кости.

5. Рассчитывай и планируй маршрут, остановки и резервные варианты.

Как-то остался дома один, потребовалось добраться до соседней комнаты – обдумал варианты:

- как сползти на пенку;
- что надо взять с собой: пенку, сотовый,
- обезболивающие и конфеты;
- куда положить, чтоб руки были свободны;
- где планирую отдыхать;
- как ползти и перемещать то, что возьму в другой комнате – стараться на «пятой» точке;
- если возьму жидкое, то в чем, предметы придется толкать рядом собой;
- сколько этапов, сколько уйдет времени на отдых и путь обратно;
- в каком случае и кому придется звонить с просьбой о помощи.

Минут двадцать обдумывал, что и как. Решил, что стоит попробовать – хоть и будет неприятно (к тому времени был тощий и слабый).

Четверть часа полз в комнату, взял необходимое (хорошо, что все стояло низко), отдохнул минут двадцать на полу – и в обратный путь. С грузом двигался пятнадцать минут, что не плохо – так как сложнее. Заполз на диван, приходил в себя больше часа – устал сильно. Из расчетного времени не выбился, боль перетерпел – поставленную задачу выполнил.

Желания повторить не возникало, зато знал – смогу.

6. Полезное турснащение для инвалида:

- пенка (тепло, смягчение, легко моется и не набирает грязь);
- термобелье и шерстяные вещи домашней вязки;
- льняные ткани лучше хлопковых, когда потеешь;

- мини-аптечка;
- небьющаяся бутылочка с водой, в холод носится у тела;
- НЗ калорий (сахар или конфеты, галеты и т.п.);
- металлическая посуда - не бьется, когда выронишь из дырявых рук, и легко подогреть;
- шнур (использовался для перевязки вещей и подстраховке при спуске на коляске по лестнице) и умение вязать узлы;
- одежда с застегивающимися карманами;
- документы или копии, записная книжка и карандаш (для борьбы со склерозом);
- надежная обувь (крепкая, теплая и непромокаемая), одноразовую китайскую не покупайте. Нет возможности взять хорошую походную, подойдет из спецодежды – я покупал в «Восток-Сервисе»;
- пленка, чтоб подстелить или накинуть;

- пакеты для упаковки - в крайнем случае можно использовать под жидкость или, скажем, когда тошнит, ... если укачало к примеру;
- налобный фонарик, чтоб руки были свободны – если ночью нужно посветить (не будешь включать большой свет и беспокоить других);
- надежный сотовый, т.к. корявые ручки его не держат и роняют – хорошо, если вместе с гарнитурой;
- рюкзак на спинку коляски.

7. Альпинистское правило: двигаясь по скале, перемещайте только одну точку опоры – три точки надежно зафиксированы. Пригодилось, когда после госпиталя ветеранов смог стоять на четвереньках и стал учиться ходить. Другой упал, сломал шейку бедра – кости от лежания становятся хрупкими. Полгода снова без движений, плюс проблемы с легкими и почками.

ХВАТИТ О ПЕЧАЛЬНОМ, ИЛИ БОЛЬШОЙ ЭКСТРИМ

Здорово, что мне позвонили из госпиталя и сказали про Фестиваль «Ледовый штурм» – это УРА! Он немного вернул меня к временам, когда я был здоровым.

Было приятно, что именно «Уральский Следопыт» – его организатор. Вспомнил, каким был прежний «УС», пусть на другой бумаге – но в какой стране! Люди читали большие книги, а не пялились в «мыло». Думали о большем, чем «срубить бабло по легкому». Походниками отправлялись в походы, а не туристами в Турцию – за проданными ощущениями. Как проходили фантастические «Аэлиты», с мечтами о братьях по разуму и встречами: Стругацкие, Кир Булычев, Крапивин... ДК «Автомобилист». музей «Следопыта»...

Годы, как гады, изменили многое. Все порознь, хомячкуются по норкам и боятся. И вот такое событие – видно, туризм крепко помогает людям не «унасекомиться». Становится той веревкой, что не дает сорваться в бездну городского одиночества.

Как можно объяснить, что множество людей объединяются и не только хотят повеселить себя.

Они поднимают с промятых диванов таких, как я, помогают и вливают новые силы – дав возможность преодолеть тиски болезни. Ощутить свежий ветер, скорость и не валяться забытым поленом.

Кто добровольно взял на себя подобное и помогал? Люди, которые раньше так или иначе знали вольный ветер странствий и цену мужества:

- «ВЕК», Корбут Евгений – турист;
- МСП обслуживания лифтового хозяйства, руководитель – бывалый альпинист Михаил Морозов.
- Ветеранская организация, генерал Юрий Дмитриевич Судаков – сколько ветеранских лыж мы переломали на испытаниях саней...
- Госпиталь ветеранов войн. Принял участие даже экс-начальник госпиталя Спектр Семен Исаакович – чьими стараниями создавалась реабилитация для тяжелых спинальных больных в нашей области. Добровольцы из госпиталя контролировали медицинские вопросы.
- Команда «Восхождение» – сборная туристов и инвалидов-колясочников. Эти ребята-

туристы знают: тяжелый человек – это когда тяжесть на душе, которую надо облегчить.

- Руководит всем Анатолий Палыч Вяземцев, у него опыт подъема по горе Эльбрус со спинальным. Помогал ему делать коляски для горных восхождений преподаватель Екатеринбургского Горитехникума Александр Петрович Баков, редкий педагог, так как еще и кузнец.
- Екатеринбургский Клуб туристов, Татьяна Сигалева – обеспечивали горячим питьем (кому-то надо пояснять, что значит горячий чай в холод?)
- Фонд «Город без Наркотиков», ребята-волонтеры, на чьи руки легла тяжесть наших тел – жаль, не успел толком с ними пообщаться. Без дела они не стояли, только успевали помогать – то одному на коляске, то другому. Как таскать тяжелую коляску по снегу – это знают немногие. После такого становится в мороз жарко и дрожат руки.

Еще были нарты отважного покорителя вершин Павла Смолина, дважды рекордсмена книги Гиннеса – мне было интересно поближе подбраться к собакам в упряжке и каюрам. Коляска не проходила по снегу, пришлось на четвереньках подползать к ним – как были удивлены четвероногие друзья! Видно, не могли понять – что за зверь к ним идет..

Стоят смотрят, как приближаюсь – потом начинают пятиться. Потом успокоились, за ушками гладить давали.

Альтернативы собачьей упряжке представил магазин «Лодки и Моторы», их две.

Мотособаки были для меня открытием – главное к ним не было очереди. С управлением «Рексом» справился, хотя на снежных наметах пришлось напрягаться, но главное то, что сам мог двигаться по снегу со скоростью до 20 км в час. С таким мотобуксировщиком может справиться даже инвалид.

Снегоход вещь более серьезная – и по весу, и по расходу горючки, разница в поведении с мини-тягачем – как у мопеда и тяжелого мотоцикла. Однако адреналин заливается по ноздри, и чуток страшно.

ЗА ВСЕМ НАБЛЮДАЛИ

МЧС, в том числе сам генерал Зеленицкий. Они несли дежурство и были удовлетворены отсутствием внештатных ситуаций.

ГИМС – организация, которой вверено отвечать за пруд, и смотреть, что там люди на нем вытворяют. Им, вероятно, тоже пришлось скучать, так как никто не проламывал лед дурной башкой с целью занырнуть – с льдом все обращались аккуратно.

Храм на Крови – дал возможность восстановить силы телесные и духовные. Слушать многоголосое пение в век плеерных погремушек и караоке – это настоящий живой звук.

КОЛЯСОЧНЫЕ

Вот такая разносторонняя группа и составила замечательный ледовый праздник, вытаскала больше десятка рискованных лежек на колясках и без, обеспечив впечатлениями, и наполнила сердца благодарностью.

Всего столько и сразу! Хотелось не упустить возможность – и попробовать все. Поговорить с людьми, опыт которых может помочь в решении мелких, но таких болезненных вопросов.

Главное и удивительное: никто из участвовавших спинальных больных не простыл и не заболел!

Хотя риск был, многие от долгого лежания по квартирам отвыкли от морозного воздуха. Одежда у некоторых тоже была не для мороза и ветра – не туристы, видеть.

Самыми подготовленными из колясных оказались, знаете, кто?

Две отважные женщины:

Лида Перфилова из госпиталя. В этом году она на коляске поднималась на «Волчиху» с группой «Восхождение».

Марина Викулина, победитель соревнований по спортивному ориентированию на чемпионате России.

СОРЕВНОВАНИЯ

Судейство даже в параолимпийском спорте очень сложное, здесь же, в прикладных дисциплинах туризма, еще запутанней.

С моей точки зрения преимущество альпинистской подготовки показал Иван Спиридонов: он умудрялся руками на жумарах подтягивать железные сани вместе с собой на подъем – сила!

Однако первое место дали другому участнику, преимуществами которого были активность на большинстве участках праздника и количество сломанных лыж.

PS

Бывает, мои знакомые мне рассказывают, как им плохо, и про трудности жизни. Смотрю им тогда внимательно в глаза и говорю:

«И ты это считаешь неразрешимой проблемой? Ты действительно так думаешь?» Тушуются и говорят: «Да нет, вроде все решаемо».

Помните: невыполнимых задач нет – есть проблемы с подготовкой и оснащением экспедиции. У Вас есть Силы, Время и Друзья – что еще нужно?

Берегите это.

Евгения ЛИТВИНОВА
Николай СУББОТИН
Фото предоставлены авторами

Чусовая: снежное сафари

Чусовая – идеальная река для путешествий. Причем путешествовать по ней можно не только летом, сплавляясь на катамаранах или байдарках. Зимнее «сафари» по главной реке Урала доставит не меньшую радость всем любителям скорости и экстрима. Правда, в отличие от летних маршрутов, такое путешествие не получится провести в режиме «эконом класса», ведь главным средством передвижения в зимнем походе станет снегоход. И все же удовольствие, которое даст участие в «снежном сафари» на Чусовой, не измерить никакими деньгами.

Чусовая – главная река Урала. Она единственная пробилла Уральские горы и смогла соединить Европу и Азию. По чусовским скалам можно прочесть всю историю земли. По ее водам неслись узкие вогульские лодки, плыли средневековые торговые караваны. Чусовая стала воротами в Сибирь для дружины Ермака. А в XVII веке Чусовая оказалась главной дорогой горных заводов – по ней на грузных барках сплавляли в центральную Россию уральское железо.

Основой для маршрута могут стать романы Алексея Иванова, Мамина-Сибиряка. Чусовая – река приключений и риска.

ДОРОГА

Маршрут, который мы предлагаем для «снежного сафари», составляет порядка 350 километров. Он начинается в Перми (как правило, «снегоходные экспедиции» стартуют в районе яхт-клуба в Шустовке), проходит через город Чусовой и поселок Усть-Койва. А его «якорной точкой» станет село Кын. Здесь можно будет осмотреть достопримечательности самого Кына, в котором сохранился уникальный горный завод XVIII века и каменный Свято-Троицкий храм. А затем подняться вверх по Чусовой мимо скал-бойцов, о которые когда-то вдребезги разбивались барки сплавщиков, до знаменитых «демидовских крестов».

ПОДГОТОВКА ПОХОДА

Подготовка снегоходного тура – дело серьезное и ответственное, потому что, несмотря на надежность техники и уверенность в благах цивилизации, зимняя река таит много коварства. Здесь все – по-настоящему,

и просчеты в подготовке могут жестоко отомстить.

Идеальное число участников такой экспедиции – не менее шести. Желательно, чтобы среди путешественников были люди, имеющие навыки инструктора, механика и опыт относительно долгих походов. Класс снегоходов подбирается в зависимости от предпочтений, стоит только учитывать, что основной маршрут предполагает движение по льду.

Продолжительность похода может изменяться в зависи-

мости от желания участников поближе рассмотреть те или иные достопримечательности. А посмотреть на маршруте захочется многое! В «базовом» варианте на его прохождение предполагается 4 дня.

Из необходимых предметов отметим, естественно, запас топлива и питания, теплую одежду, удобную обувь и GPS-навигатор. Пригодится, естественно, термос с горячим кофе-чаем и небольшой «тормозок» с шоколадом и орехами. Хорошо взять с собой фото-

аппарат – такого количества красивых кадров, как на Чусовой, сложно увидеть в другом месте Урала.

ВРЕМЯ И ПОГОДА

«Бархатным» сезоном для путешествий по реке на снегоходах принято считать вторую половину февраля – начало марта. Наш маршрут не исключение. В январе Чусовая встречает путешественников действительно экстремальными температурами – здесь бывает до -55 . К этому стоит добавить знаменитые чусовские ветра, которые в каньонах узких гор пощады путешественникам не дают. В общем, если у вас нет желания стать «последним героем», лучше выбрать февраль-март.

Толщина льда на Чусовой в это время может достигать 1-1,4 метров, в иных местах реку промораживает до дна. Но даже в самые лютые холода на реке можно столкнуться с наледью. При этом появиться она может как у берегов, так и на середине реки. Во время похода об этом нужно твердо помнить и стараться проходить эти места с максимальной скоростью. И еще – несмотря на то, что в феврале Чусовая – река безлюдная, на маршруте всегда есть шанс встретить любителей зимней рыбалки, поэтому нелишне помнить о «правилах речного движения».

В НАЧАЛЕ СЛАВНЫХ ДЕЛ

В районе Шустовки Чусовая представляет собой ледяную бескрайнюю пустыню, пространства которой едва можно окинуть взглядом. Глядя на Чусовую возле Перми, сложно себе представить, почему название реки переводится с угорского как «река теснин». На первых порах путешественникам сосредоточиться здесь будет особо не на чем, поэтому лучше будет просто быстро двигаться вперед.

Путеводитель

По пути на маршруте на левом берегу Чусовой можно будет увидеть Верхнечусовские городки с монастырем – Казанской женской Свято-Трифоновской пустыней и храмом в Успенке. Успенка – легендарное место, связанное с именем святого Трифона Вятского. Здесь же, рядом с Успенкой, можно увидеть памятный знак, посвященный походу Ермака: его путь в Сибирь начался отсюда. Правда, для того, чтобы добраться до него, нужно будет сделать изрядный крюк. И – помним про наледь, потому что в этом месте Чусовая разделяется на несколько проток.

Первый этап пути довольно длинный – порядка 186 километров. Заночевать можно будет либо в городе Чусовом, либо чуть дальше – на турбазе в Усть-Койве. Кстати, Чусовой – едва ли не единственное на маршруте место, где без проблем можно разжиться бензином, дальше с заправками могут возникнуть проблемы.

Путеводитель:

Если ночевать было решено в Чусовом, то на утро перед выходом можно побывать в знаменитом Музее истории реки Чусовой при спортшколе «Огонек». Это удивительный этнографический парк, в котором можно увидеть старинные часы, памятные знаки, в парке действует сразу несколько музеев. Музей находится под Арининой горой, рядом с местом впадения в Чусовую реки Архиповки. Заблудиться будет сложно, поскольку местонахождение парка в Чусовом подскажет каждый.

Если в качестве места для ночевки была выбрана Усть-Койва, то на пути к ней можно будет увидеть еще несколько удивительных мест. С левой стороны по ходу движения примерно через десять километров можно лицезреть высокие скалы – камни Большие и малые Глухие, где находится высокая карстовая арка. Еще через 20 километров опять же на левом берегу можно увидеть развалины бывшего лагеря «Створ», входившего в систему ГУЛАГовских лагерей. Но зимой осматривать лагерь смысла нет – здесь все скрыто под глубоким снегом. Еще через 10 километров на вашем пути окажется река Поныш, от которой можно добраться до пещеры Чудесница.

ДОРОГА В КАМНЯХ

После Усть-Койвы Чусовая становится значительно уже – теперь она и правда напоминает узкий каньон, по обоим берегам которого стоят камни-бойцы. Примерно в 50 кило-

метрах от Чусового вверх по реке стоит боец Четыре брата, под которым, по легенде, Пугачев спрятал свой клад, а еще на пять километров выше – легендарный боец Разбойник, когда-то наводивший ужас на сплавщиков. В 1877 году об него разбились сразу 23 барки и погибли больше 100 человек.

Еще одним интересным местом в 80 километрах от Чусового станет боец Ермак. В нем на высоте 21 метра находится небольшая пещера. По легенде – это место зимовки отряда Ермака по пути в Сибирь. Правда, в реальности пещера слишком мала для этого. Но то, что Ермак в здешних местах бывал, – несомненно, археологи нашли рядом с бойцом фрагменты вооружения той эпохи. Здесь хорошее эхо, которое с удовольствием отвечает – а кричать здесь принято, естественно, «Ермак! Ермак!»

В 20 километрах выше по реке находится деревня Верхняя Ослянка, откуда идет хорошая дорога на Нижний Тагил.

КЫНОВСКИЕ ЧУДЕСА

К вечеру второго дня экспедиция добирается до старинного горнозаводского села Кын. Расстояние от Усть-Койвы до него составляет примерно 115-120 километров.

В Кыне можно с комфортом устроиться на ночлег – здесь действует муниципальная гостиница и несколько частных гостевых домов. В селе есть несколько магазинов, а вот заправки нет. Все следующее утро можно посвятить собственно Кыну – здесь есть что посмотреть.

Путеводитель:

Кын был основан в 1759 году как поселение при горном заводе графов Строгановых. У завода был целый каскад прудов, здесь выпускали железо в слитках, которое отправляли вниз по Чусовой. Специально для отправки барок в Кыну на берегу Чусовой была построена пристань, сложенная из огромных тесаных валунов, скрепляли которые большие кованные скобы. И пристань, и заводские корпуса, сложенные из речного плитняка, можно увидеть и сейчас. Кын – единственное место на Чусовой, где все сохранилось в том виде, каким было 200 лет назад.

Обязательно стоит посмотреть удивительно красивый каменный Свято-Троицкий храм.

В Кыне есть небольшой, но очень интересный музей, который рассказывает об истории села и всей Чусовой. В нем можно узнать многое о тех местах, мимо которых будет проходить дорога экспедиции.

ВВЕРХ – ДО КРЕСТОВ

Если время позволяет, в Кыне стоит провести весь день и заночевать. После того, как глаз пресытится культурными достопримечательностями, в окрестностях села можно найти много отличных склонов, по которым можно погонять. А с утра, с новыми силами, отправиться дальше – покорять реку.

Сразу за поворотом реки путешественников встречает громада камня Великан – это самая длинная и высокая скала на Чусовой. Ее высота достигает 115 метров. На Великан можно подняться на снегоходе – слева перед началом гряды есть дорога. Подняться на Великан стоит хотя бы для того, чтобы почувствовать себя настоящим покорителем Чусовой. Оттуда открывается изумительный вид, а сделанные на Великане фотографии станут предметом зависти всех, кто не был с вами в экспедиции.

Путеводитель:

У Великана река делает крутой поворот и справа виден боец Печка – огромное устье его

и правда ее напоминает. К гроту-устью можно подъехать и посмотреть на его каменные складки – лед здесь крепкий.

Постепенно позади будут оставаться невысокие скалы, отвесный утес Кирпичный, который выглядит так, как будто вправду сложен из кирпичей, очень красивый камень Дужной, по которому можно читать всю геологическую историю Урала. Кстати, в этих местах проходила дорога не только Ермака, но и открывателя знаменитого пермского периода геолога Родерика Мэрчисона – его экспедиция проходила по Чусовой в 1841 году.

В 34 километрах выше Кына, на устье реки Серебряной, – еще одно культовое место для всех любителей истории Урала. Отсюда дружина Ермака, поднимавшаяся по Чусовой, свернула на Серебряную и, поднявшись по ней, остановилась на зимовку в Кокуй-городке. А весной, сделав новые струги, поднялась выше и перешла Уральские горы, найдя путь в Сибирь, на Искер.

На устье Серебряной стоит памятный знак Ермаку. Здесь же можно сделать дневку, перекусить и отдохнуть. А потом – снова вверх!

ДЕМИДОВСКИЕ КРЕСТЫ

Через 18-20 километров река доходит до финала нашего маршрута – знаменитых Деми-

довских крестов. На правом берегу, напротив камня Писаный, находится большая поляна, на которой гордо высится каменный крест высотой 2,6 метра. На кресте выбита надпись: «1724 года сентября 8 дня на сем месте родился у статского действительного советника Акинфия Никитича Демидова (что тогда был дворянином) сын Никита, статский советник и кавалер святого Станислава. Поставлен оный крест на сем месте по желанию его 1779 года мая 31 числа».

Путеводитель:

Это историческое событие действительно произошло в здешних местах. Точно такую же надпись и крест можно увидеть напротив – на громаде камня Писаный. На скале тоже выбит крест высотой в 2,1 метра, а под ним расположена надпись. За две с половиной сотни лет буквы слегка выветрились, но все же надпись до сих пор читается хорошо. Демидовские Кресты – память о знаменитых «хозяевах Урала».

Обратная дорога в Кын займет не больше 1,5-2-х часов. В Кын можно заказать трансфер до Перми – зимой здесь изумительная дорога.

Игорь ШАРОВАТОВ

Фото: И. Шароватова, И. Кузнецова

Автопробег по зимникам двух округов

19 января 2010 года в 4 часа утра из города Надыма на автомобиле ВАЗ-21099 стартовал автопробег по зимникам двух северных округов – ЯНАО, ХМАО (Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ).

В состав автопробега вошли три участника экспедиционной команды РГО «Северный путь» из п. Пангоды и г. Надым: Сергей Осипенко, Игорь Шароватов и Игорь Кузнецов.

Цель экспедиции: ознакомление с отдаленными и труднодоступными поселениями Крайнего Севера, посещение краеведческих музеев и, конечно, испытание своих сил по зимникам Крайнего Севера именно на такой неполноприводной машине российского автопрома, как ВАЗ 21099. Автопробег проходил без участия спонсоров, только на личные средства участников.

Маршрут автопробега: Надым – Аксарка – Салехард – Лабытнанги – Катравож – Шурышкары – Мужы – Азовы – Горки – Теги – Пугоры – Березово – Игрим – Перегребное – Большой Камень – Приобье – Нягань – Ханты-Мансийск – Нефтеюганск – Муравленко – Губкинский – Пуровск – Тарко-Сале – Новый Уренгой – Пангоды – Надым.

Первый участок, который предстояло преодолеть – это зимник от г. Надым до п. Аксарка. Яркий свет автомобильных фар пронзал темное пространство поллярной ночи, шел мелкий снег.

Дорога местами пересекает железнодорожное полотно, местами отходит от него на несколько километров. Нередко можно увидеть заснеженные полуразрушенные деревянные мосты. На 28-м километре около дороги стоит огромный железный мост 50-х годов прошлого века через реку Пензерьяха. С этим местом у местных оленеводов-ненцев связано много интересных случаев. Они рассказывают, что там необходимо обязательно остановиться и что-нибудь оставить, иначеглохнут двигатели снегоходов, олени

неожиданно останавливаются и не идут дальше. Не раз мы слышали рассказы ненцев про женщину в белой ягущке, которая появляется в этих местах, зовет за собой, и тот, кто ее встречал, погибал или сильно заболел. Ненцы рассказывали случай, когда эта ненка в белой зимней одежде появлялась на нартах идущей упряжки, и потом те, кто сидел рядом, умирали... Мы остановились, посмотрели на мост, на замерзшую реку, вокруг тишина...только мелкий снег плавно появлялся сверху, из темноты, будто из ниоткуда, и падал на заснеженную землю. Через 40 км от Надыма мы остановились – по дороге ходили олени... Один из крупных самцов с огромными рогами подошел вплотную к автомобилю и в упор через лобовое стекло вни-

Игорь Юрьевич Шароватов – председатель отделения Русского Географического Общества в Ямало-Ненецком автономном округе, руководитель районного историко-краеведческого клуба «Лукоморье». Один из основателей команды путешественников и краеведов-любителей «Северный путь». Организатор и участник многодневных экспедиций и походов в отдаленные и труднодоступные места Крайнего Севера. Изучает этнографию коренных народов, проживающих на территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Занимается изучением истории древней Сибири, собирает копии старинных карт этой местности. Руководитель общественного проекта – интернет-музея «ГУЛАГ. Стройка №501». Имеет грамоты и медаль Исполнительного комитета Федерации Независимых Профсоюзов России.

мательно посмотрел на нас. Олени привыкли, что здесь постоянно ездят машины, и уже не боятся шума.

Мы подождали, пока несколько оленей перейдут дорогу, и продолжили свой путь. Зимник от Надыма до Аксарки проходит рядом с заброшенной железной дорогой 501-й стройки, экспедиция по которой у нас была прошлой осенью. На пути очень много спусков и подъемов в связи огромным количеством рек и проток, берега которых встречаются достаточно высокие. При переезде тундровых участков местами попадались снежные перемены, и причины их возникновения за короткое время понятны: в тундре (на десять километров не видно лесных участков, а только одиноко стоящие невысокие березки и елки, открытое пространство до самого горизонта) постоянно дует ветер, что переносит массы снега с места на место даже небольшой поземкой.

Когда начало рассветать, мы доехали до верховьев реки Ярудей. Около дороги стоит база организаций, работники которых обслуживают зимник. Тракторы, машины и гусеничные вездеходы стоят рядами, изредка из барака в барак проходят один-два человека – раннее утро, многие спят перед трудовыми буднями. Около одной из машин стоял водитель, раздетый по пояс, и обтирался снегом, на улице минус 30 градусов. Такие сюжеты в нашей местности не редкость.

Не доезжая до Аксарки, встретили ненцев на снегоходах, остановились, поговорили, спросили про

дальнейший путь. Они живут в Белоярске, ехали со стойбища, рассказали нам, что впереди будет сложный открытый, обледеневший участок трассы. В тундре часто встречаются люди и обмениваются рассказами о пути, поэтому даже за триста километров отсюда ненцы могут знать состояние кочевого пути, была метель или нет, когда была и насколько сильная. Нам потребовалось двенадцать часов, чтобы добраться до Аксарки. Перед поселком ровная дорога обледенела и около восьми километров пришлось постоянно выходить из машины и помогать шлифующим колесам, из-под которых летели мелкие осколки льда.

Мимо нас в другую сторону проехал снегоход (видимо на стойбище): за рулем ненка, сзади снегохода прицеплены нарты, на которых сидели двое ребятишек.

Село Аксарка стоит на высоком месте, постоянно продуваемом ветрами. Упоминание об этом поселении относится к концу девятнадцатого века. В начале 30-х годов XX века начали строить дома ссыльные, позже репрессированные, которые изначально жили в землянках. Все село расположено на семи холмах, и поэтому постройки разбросаны неравномерно. С 1940 года Аксарка – это центр Приуральяского района, в котором есть двух- и трехэтажные дома, спортивный комплекс.

Мы заправили автомобиль и поехали дальше, начиналась метель. От Аксарки до Салехарда хорошая асфальтовая дорога в 59 км, по которой после зимника ехать довольно приятно. Вот уж действительно: все познается в сравнении. Позади остался первый зимник, который мы прошли, впереди еще предстояло проехать по зимнику от Лабытнанг на юг, в Ханты-Мансийский округ.

До столицы Ямало-Ненецкого округа мы добрались быстро. В городе нас тепло встретили работники музейно-выставочного комплекса им. Шемановского, телевидения ЯМАЛ – Регион. В Салехарде (в переводе с ненецкого – город на мысу) была остановка на один день. Значительную часть времени провели в библиотеке музея, просматривали книги с описанием маршрутов путешественников по нашему округу в прошлые века. Чем больше знакомимся с историей родного края, тем больше открывается ин-

тересного... В соответствии с историческими данными мы наметили новые маршруты, которые предстоит проработать для воплощения. В конференц-зале MBK провели встречу с работниками культуры и студентами Ямальского полярного агроэкономического техникума по теме нашей экспедиции «ГУЛАГ. Стройка №501», показали фото и видеоматериалы.

Город Салехард находится на Полярном круге, о чем свидетельствует установленный памятный знак. Днем его поверхность блестит синим цветом от лучей солнца, а ночью включается внутри подсветка и вся конструкция переливается разноцветием, напоминающим северное сияние.

Естественно, есть смысл остановиться на кратком описании музейно-выставочного комплекса, по которому для нас провели экскурсию: при входе огромный зал, посередине которого установлены скелеты мамонта и шерстистого носорога, ранее обитавших в наших краях, на плазменной панели идет фильм о жизни мамонтов.

В зале также хранится копия мамонтенка Любы, которого нашел на полуострове Ямал в верхнем течении реки Юрибей оленевод Юрий Худи в 2007 году.

В музее много отдельных залов с экспозициями, которые посвящены жизни в округе, фотовыставки, макет Обдорского острога (ранее г.Салехард называл-

ся Обдорск), который установили казаки по приезду в этот край.

Большая часть представленных экспонатов посвящена коренным жителям Крайнего Севера. Примечательно то, что эти экспонаты не являются предметами, ушедшими из обихода. До сих пор ненецкие пояса, одежда, женские сумочки не претерпели изменений. Дрель, с помощью которой сверлят отверстия (при изготовлении нарт и прочих предметов), до сих пор можно встретить в качестве рабочего инструмента. Когда мы были у оленеводов из Яр-Сале, то именно таким инструментом делают отверстия. Объясняется это надежностью конструкции и неприхотливостью: не требуется электричества, которого нет у кочевых народов в тундре, не ржавеет (как современный металлический аналог) и при поломке не требует замены шестеренок (которых в тундре тоже нет), ремонтируется подручными средствами.

Ранее летние чумы покрывались сшитой берестой, теперь оленеводы используют более практичный брезент. Зимний чум, как и в древние времена, покрыт оленьими шкурами... В хранилищах музея четко распределены по ящикам и стеллажам экспонаты будущих выставок – это археологические находки города Мангазея XVII века, который был на берегу р.Таз, Усть-Полуя, Надымского городища, и многое другое. Чтобы осмотреть все собранные экспонаты, требуется не

разований. Следующую ночь мы провели в пути вдоль Оби по направлению на юг, к селу Мужи. Дорога от Лабытнанги до Мужи была разбита, видимо, впереди прошла не одна большегрузная машина. К ночи стало холодать, и разбитые снежные колеи подмерзли, кроме этого, за день до нашего отъезда из Салехарда прошла большая метель, и переметов было не избежать. Одновременно с нами из Лабытнанги выехал бортовой «Урал», за рулем которого был Евгений – житель с. Мужи. По нашей просьбе он сопровождал нас до села. Три раза он перетаскивал нас через несколько-километровые снежные перемоты, остальные мы просто перелетали

на скорости, снимая все на видеокамеру. Радует, что на зимних трассах и сегодня встречаются открытые и отзывчивые люди, для которых взаимовыручка – норма жизни. Переезд по этому зимнику оказался намного сложнее, чем на участке Надым – Салехард, не раз приходилось откапывать машину лопатами. На этом участке пути с нами произошел интересный случай. Евгений предупредил, что впереди, справа от трассы, будет святое место «Лысая гора», около которого надо обязательно остановиться. По незнанию местности в кромешной темноте мы проехали это место мимо... и буквально через несколько минут в машине запахло паленым, дым быстро окутал внутри весь салон нашей машины. Сергей (водитель и руководитель пробега) сорил

один день, не два и не три. В фондах библиотеки хранится большое количество книг не только современных, но и редких изданий прошлых веков. Несомненно огромная заслуга уникальных собраний И.С. Шемановского, чья просветительская деятельность дала будущее музейному комплексу, которое уже поддерживают и развивают наши современники.

О собраниях Салехардского музея можно много рассказывать, но оставим это на будущее и вернемся к автопробегу. Вечером наш путь продолжился в сторону Лабытнанг. По дороге от Салехарда стоит памятник строителям стройки №501, на берегу Оби возвышается огромный мамонт. Глядя на этот заснеженный памятник, невольно представляются животные, что когда-то в большом количестве населяли эти места. Уже смеркалось, когда мы переезжали огромную сибирскую реку, и к КПП Лабытнанг (Лабытнанк – в переводе с языка ханты означает «Семь лиственниц», поселок основан в 1868 году) подъехали в темноте. Дальше нам предстояло ехать по зимнику вдоль Оби, мимо старых поселков Шурышкарского района Ямало-Ненецкого округа, и, конечно, следующей ключевой точкой автопробега должен быть музей в Березово Ханты-Мансийского автономного округа.

Места на Крайнем Севере так или иначе связаны между собой общей историей и событиями. Бе-

резово и Салехард – это ключевые поселения, через которые проходил ход кочей в Мангазею через Обскую губу в реку Таз. Многие поселения были отмечены на картах чертежной книги Сибири, составленной Семеном Ремезовым в 1701 году.

На карте справа можно найти местность, которую мы уже проехали в ходе автопробега, – это область между рекой Надым и рекой Полуй, Обдорск (Салехард), переезд через р.Обь на Запад. Если посмотреть на современную карту, то мы выехали из Надымского района, пересекли Приуральский район и двигались по Шурышкарскому району Ямало-Ненецкого автономного округа. Интересно смотреть на старую карту и угадывать в ней территории с современным административным разделением муниципальных об-

ентировался очень быстро, схватил огнетушитель, выбежал из машины и открыл капот... дым валил... Мы с Игорем прихватили бутылки с водой и вместе тушили двигатель. Пар от тушения водой окутывал всю машину и схватывался на поверхности автомобиля тонкой наледью. Справились быстро, но что же произошло? Вакуумный шланг, который идет на инжектор, попал на коллектор, загорелся и прогорел. Как он туда попал, для нас это осталось загадкой, ведь машина готовилась серьезно. Запасного шланга, конечно, под рукой не оказалось, но оказалась китайская прозрачная ручка. Соединив ею концы шланга, машина вновь стала готова продолжать автопробег. Около нас остановился «Урал», Евгений вышел из кабины: «Ну, вы, ребята, и просквозили! Вот видите, проехали мимо святого места... сразу поломка...». На Севере много таких мест, и как бы ни было странно, но действительно часто происходят подобные случаи с поломками транспорта.

Ночью мы проехали мимо села Шурышкар. Это название легко можно найти на картах Ремезова, также как и название поселения – Войкары. В 1993 году городок Усть-Войкары (о котором упоминается еще в XVI веке) был обследован разведочной группой Ямальской археологической экспедиции в составе Н.В.Федоровой и Е.И.Кочегова. За годы раскопок археологи собрали большое количество артефактов, исследовали несколько жи-

лых построек. В округе много старых мест, одно из таких – Усть-Полуй, которое находится прямо на окраине Салехарда. Раскопки Усть-Полуя проходили в начале 30-х годов, потом продолжились в 90-х. До сих пор археологи находят все новые и новые свидетельства жизни людей на северной земле...

На территории МО Шурышкарское в ходе археологических работ обнаружены древние памятники, названные Белая гора, Черная гора, Городище – Шурышкарский сор 1. В с. Мужей (с языка ханты означает: «живун», «родник», «незамерзающая вода»). Вблизи Мужей есть озеро, в котором рыба может перезимовать, так как, со слов хантов, вода подо льдом остается живой. Сейчас Мужей – современное село, а ранее здесь были древние поселения. По словам археологов: первые люди пришли на эти места в 1-ом тысячелетии до нашей эры.) мы въехали поздно ночью и только вышли из машины, как в небе яркими вспышками разорвались фейерверки. Вот уж чего не ожидали! «Сегодня здесь свадьба», – пояснил Евгений.

Мы поблагодарили Евгения за помощь и двинулись дальше, зимник впереди лучше, ровнее. Летом, четырехста лет тому назад, по Оби в этих местах шли деревянные кочи промышленников в Мангазею, поэтому история поселков неразрывно связана с теми событиями. Ранее село Мужей относилось к Березовскому уезду Тобольской губернии, теперь к Шурышкарскому району Ямало-Ненецкого автономного округа. Ночью мы проехали село Азовы (с языка ханты: «устье реки») и повернули к с. Горки, которое находится чуть больше двухсот километров южнее Салехарда. Горки основа-

ны в 1931 году спецпереселенцами с Поволжья, немцами и калмыками. В горках жил хантыйский поэт и переводчик Микуль Шульгин, член союза писателей СССР.

*Вот он – северный олень,
Белый, словно снег.
Пусть сугробы до колен,
Легок его бег.*

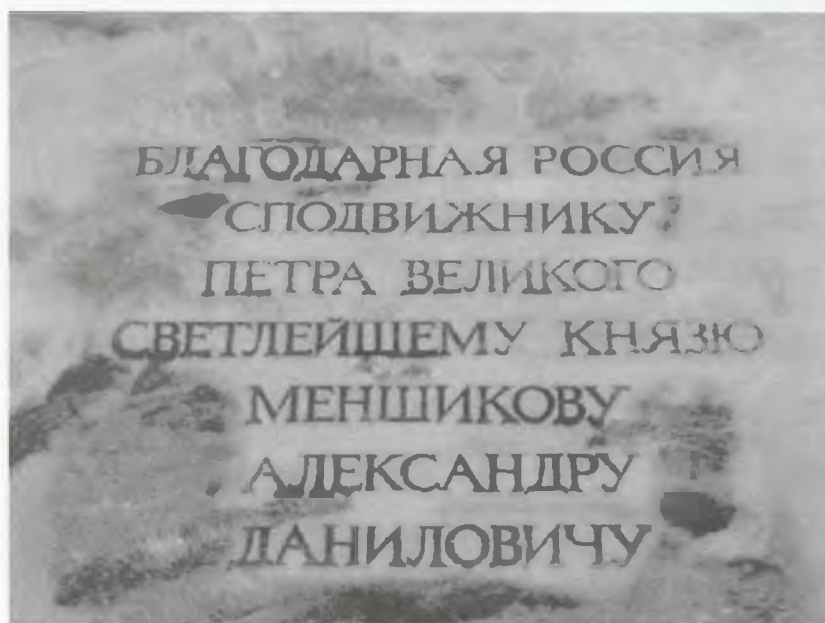
*Я сожму в руках хорей,
Только кину взгляд,
Только лихо крикну: "Эй!" –
Все скорее и скорей
Нарты полетят*

*Среди снежной кутерьмы
В тундре голубой,
Сквозь дыхание зимы –
Солнечной стрелой!..*

*Друг мой – северный олень,
Белый, словно снег.
Он в сугробах до колен
Не убавит бег.*

1960 М. Шульгин

Проехав какое-то расстояние, мы вспомнили, что Евгений говорил нам еще об одном святом месте, но, как он отметил, мы его не найдем – ночь... – «Просто не увидите» – сказал он. Время было позднее, глубокая ночь. Мы решили остановиться, открыть термос, заправленный чаем со смородиновым листом и шиповником. Но когда я вышел из машины, то был поражен увиденным... Напротив машины с правой стороны зимника стоит дерево, и все оно украшено разноцветными ленточками. Я попросил ребят выйти из машины и посмотреть на это. Сергей с Игорем, увидев ли-

ственницу, удивились не меньше моего! Вот совпадение! «Во как остановились точно!» – сказал Игорь! Оставив у дерева конфет, сфотографировали и поехали дальше. Проехав несколько метров, с левой стороны зимника мы увидели маленький чум. Сомнений не было – это и было то святое место, про которое говорил нам Евгений.

Далее были поселения Теги, Пуго-ры, и в 11 часов 23 января наша команда сделала остановку в Березово, посетили музей и знаменитый сквер. Именно в Березово установлен памятник российскому государственному и военному деятелю, сподвижнику Петра Великого – князю А.Д.Меньшикову, который был сослан со своей семьей в этот сибирский поселок. С этого поселения начинался великий Северный Мангазейский путь.

Вдоль реки стоит много деревянных рубленых домов, катера ждут навигации, в загонах ходят лошади.

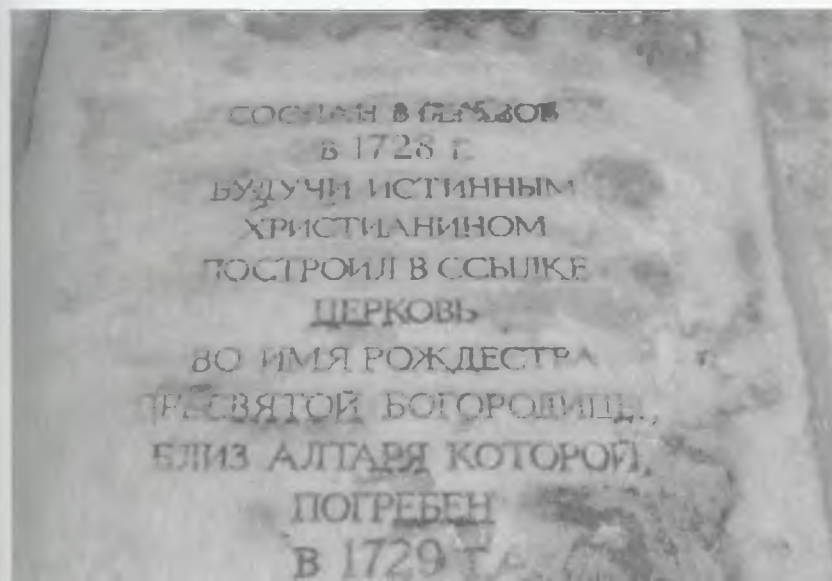
Жизнь здесь заметно отличается от более северных поселений. Примечательно, что здесь летает огромное количество сорок, они везде снуют и придают некоторую особенность. Периодически встречаются небольшие стожки и коровы.

Березово, как крепость, основано казаками по «Указу» царя Федора Иоановича в начале 1593 года. Наиболее интересным и значимым из памятников является каменная церковь Рождества Богородицы, поставленная в конце XVIII века на месте храма, в которой служил службу сподвижник Петра I – А.Д.Меньшиков. В настоящее время это действующий храм.

Князю Александру Даниловичу Меньшикову в сквере установлен памятник. В Березово мы посетили музей, по которому нам провели экскурсию. Поселок буквально пронизан историей насквозь, многие события здесь происходили: во времена жизни казаков, которые пришли вместе с Ермаком, во времена заключенных острога, который был построен по указу Петра I, восстания хантов и многое другое...

Итак, мы добрались до места, откуда начинался промышленный путь в Златокипящую Мангазею – город на реке Таз, откуда поставлялась пушнина и другие товары северного промысла.

К сожалению, в музее нет действующей экспозиции, посвященной промышленному ходу в Мангазею в начале XVII века. Именно эта часть истории

Березова нас больше всего интересовала, но увы...

Мы еще раз посмотрели на поселок, с которым связана история не только этой местности, но и России, проехали мимо знаменитого сквера и продолжили автопробег. Следующим населенным пунктом был Игрим, весь заснеженный... мороз крепчал...

Проехав Перегребное, мы целенаправленно свернули с трассы и проехали до п. Большой Камень. Чем заинтересовал нас этот путь? По берегам Оби много деревень и поселков. Все они впечатляют историческим дыханием. Много старых рубленых домов, на берегах Оби ждут своего сезона деревянные лодки. Поселения находятся в живописных местах, и, естественно, было внутреннее желание погрузиться в атмосферу сибирской глубинки. Одно из таких поселений – Большой Камень. Поразила удивительная природа этих мест. Зимняя дорога в лесу с частыми подъемами и спусками добавляет ощущений, вокруг высокие заснеженные хвойные деревья, как в сказке. Это место, в которое хочется вернуться. Дальше путь лежал: Приобье – Нягань – Ханты-Мансийск – Нефтеюганск... Время у нас было ограничено, и в этих городах мы уже не посещали музеи, они требуют специальной, целенаправленной поездки.

Следующая остановка с посещением краеведческого музея была в молодом городе Муравленко. В небольшом помещении качественно представлены экспозиции разной направлен-

ности. Одна комната посвящена разнообразию животного мира этих мест, привлекло внимание художественное панно, посвященное нефтедобыче в этом крае. В музее широко представлены детские работы, относящиеся к культуре коренных народов Севера. В городе построен красивый снежный городок, от которого веет теплом заботливых рук мастеров. Так планомерно мы приехали в Пуровский район Ямало-Ненецкого округа.

Наш путь продолжался, солнце скользило оранжевым цветом по макушкам деревьев хвойного леса. В пути мы не раз вспоминали построенные белые скульптуры снежных городков и красивые новогодние елки г. Муравленко и г. Губкинский.

Разноцветными огнями встречали нас ночью города Тарко-Сале и Новый Уренгой. Вдоль дороги

плавно уходили пейзажем вышки нефтяных и газовых промыслов. Город Тарко-Сале мы проехали ночью. Его местонахождение тоже связано с историей: основан в 1932 году. На ненецком диалекте название Тарко-Сале означает «мыс на развилке». Когда-то на место, где стоит город, приехал шаман и открыл на месте слияния двух рек стойбище.

Следующая остановка перед приездом домой была в музее п. Пангоды, в котором наше внимание привлек фотоальбом со старыми черно-белыми фотографиями представителей коренных народов Севера и книга известного автора Лара «Шаманы и Боги».

Музей в п. Пангоды занимает всего одну комнату, но усилиями работников все-таки собран интересный материал.

На следующий день мы подъезжали к г. Надым, где уже нас встречали представители управления культуры района и города. Конечной точкой автопробега стал краеведческий музей «Дом природы», в котором прошла теплая встреча с учениками, сотрудниками музея, корреспондентами телевидения.

Мы проехали по городам и поселкам Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского автономных округов. В каждом поселке, городе Севера есть своя история и интересные люди. Еще раз убедились, что наш край богат историей и, конечно, требует более внимательного изучения.

Таким образом, автопробег «Северный путь» замкнулся дорожным кольцом.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Путешествие по Уралу. Свердловская область

Виктор БАЙДУКОВ
Фото автора

Река Лозьва

Первые упоминания о Лозьве относятся к концу XVI века, когда на ней в устье Ивделя был построен Лозьвинский городок. До основания Верхотурья именно здесь проходила главная дорога через Уральский хребет в Сибирь. У манси река называлась Луссум, что было связано с названием озера, из которого вытекает река – Лунт-Хусап-Тур («Озеро гусиного гнезда»). Современное название реки имеет коми-пермяцкое происхождение и означает «голубая вода».

Начинается Лозьва в удивительном месте, где сходятся водоразделы трех великих рек России: Волги, Печоры и Оби. Сначала это бурный ручей, но вскоре он превращается в настоящую горную реку с порогами, перекатами и кристально чистой водой.

До поселка Бурмантово, расположенного на берегу Лозьвы в ста километрах от ее истока, река принимает воды десятков горных речек и ручьев. Наиболее крупные из них: Сульпа, Ауспия, Ушма, Северная Тошемка и Вижай. После Бурмантово Лозьва постепенно теряет свой бурный нрав. Скалистые, покрытые лесом берега уступают место заболоченной пойме и старицам. Река часто меняет направление течения, образуя причудливые изгибы, чередующиеся с обширными плесами. Неподалеку от поселка Гари Лозьва сливается с Сосьвой, образуя полноводную Тавду.

Владимир СИДОРОВ

Нас снова ждут дороги впереди

Дети в походе

Был месяц май. И Веселые горы. Но был еще февраль, и Таганай, и мартовский Конжак, главный Уральский хребет, Поясовый камень с печально известным перевалом Дятлова. И много еще чего было за эти годы. А главный итог прошедших лет – даже не количество и качество походов, а то, что мы встретились. Встретились, чтобы не расставаться. Пусть у каждого из нас будут тропинки, по которым мы пойдем к своей мечте. Но вершина, на которой мы рано или поздно встретимся, будет одна на всех, главное – никому не изменить своей мечте. Ведь рано или поздно на восходе или закате жизни несбывшаяся мечта позовет нас, и как важно, чтобы на склоне лет, подводя итоги жизненного пути, человек мог сказать: «Все, о чем мечтал, свершилось».

Мечта – начало движения. В октябре 2003 года мы со студентами социального института РГППУ во главе с автором этих строк (старшим

преподавателем кафедры спортивных дисциплин Сидоровым Владимиром Павловичем), находясь в туристическом походе в окрестностях горы Шунут (самая высокая в окрестностях Екатеринбурга), строили свои планы на будущее. Планы были грандиозные и казались несбыточными. Например, пройти за время обучения в институте Южный, Средний, Северный Урал до самой крайней вершины Свердловской области, горы Отортен. Сейчас скептики молчат, потому что в марте 2007 года мы достигли этой вершины. Впереди необъятные просторы приполярного Урала с их высочайшими вершинами Манарага и Народная. Но прежде чем вырваться на эти просторы, мы хотим закрыть одно белое пятно своей туристской биографии. Это хребет Тулымский. Кто-то скажет, покорять горы интересно? Мое твердое убеждение – покорить горы нельзя. Можно достичь уровня подготовленности, когда

Владимир Павлович Сидоров – педагог дополнительного образования ГБОУ СО «Дворец молодежи», старший преподаватель Российского Государственного Университета Туризма и Сервиса.

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

вершина позволит тебе на нее взойти. Но стоит высокомерно отнестись даже к уже знакомым вершинам, и они обязательно тебя накажут. Так было со мной на Конжаковском Камне, когда, поднявшись на него из долины реки Конжаковки, я в облаках самоуверенно начал спуск и оказался в долине реки Катышер, где устроил себе суперхолодную ночевку.

Что влечет нас в горы? Этот вопрос мы не раз слушали в свой адрес, да и сами себе его задавали. У каждого свое, но в целом, наверное, это неуемное желание через преодоление познать себя и расширить собственный горизонт. Мы совершенно не знаем резервов своего организма. Живя в городских кварталах, ежедневно спускаясь в метро, чтобы доехать до работы и обратно, дыша выхлопными газами несущихся мимо автомобилей, многим людям трудно представить себя в роли туристов, преодолевающих снежные вершины Уральских гор, путешествующих по бескрайним водным просторам Уральских рек. Обидно. Прожив солидный отрезок времени, многие так и не открывают для себя удивительный мир окружающей природы, а заодно и мир природы человека, идущего с рюкзаком по бескрайним Уральским просторам. Надо

отметить, что это целая философия, тут свои писанные и неписанные законы, соблюдая которые, ты можешь достойно пойти маршрутом любой сложности. Мы пока остановились в этой вертикали на лыжных походах 4 категории сложности, которые совершили в 2007 – 08 годах в районе Молебного и Поясового Камня. А дальше был пресловутый кризис, которым было легко оправдать свое неумение и нежелание двигаться вперед. Но мы молодцы и нам рано подводить итоги и писать мемуары. Следовательно, мы снова мечтаем. И, вспомнив закон диалектики, что история развивается

по спирали, мы поняли, что находимся не в кризисе и не в тупике, а в начале нового круга, еще более крутого и длинного. И начинаем мы его не с походов выходного дня, не с Шунута и Таганая, а с Уреньги, Нургуша и Иремеля. Не правда ли, неплохой трамплин для еще более дальних полетов в неизведанное. Как говорится, нет худа без добра. Повернувшись лицом к высотам Южного Урала, мы были вынуждены временно приостановить свою экспансию на север, в силу вышеупомянутого кризиса. И не забывая о своих приполярных и полярных планах, ближайшей осенью мы намерены освоить нехоженые нами места в окрестностях хребтов Зигальди и Нары. Желающих приглашаем присоединиться.

«И с каждой осенью я возрождаюсь вновь» – писал классик русской поэзии. Эти слова нам очень созвучны, потому что уже который год мы встречаем новый год не за учебными партами, а в походе по Уралу. Такое начало учебного года стало символичным, ведь обучение в университете – это тоже своего рода поход, только намного длиннее и сложнее. Золотая осень – лучшее время для походов: ни тебе холодов,

ни комаров, ни мух. А нынешняя осень вообще подарила нам идеальную погоду. Впервые за много лет автор этих строк носил на себе, ставил для группы и снимал палатку, а ночевал исключительно под открытым звездным небом. Ведь август и сентябрь – это еще и пора звездопада. Только успевай загадывать желание.

Главное желание уже сбылось. Это то, что поход состоялся. А ведь до последнего дня все висело на волоске.

Если говорить образно, то наш поход чуть не сгорел в огне лесных пожаров, которые бушевали по всей стране и особенно в нашей области.

Может быть, нам повезло, что мы, любители экстрима, стараемся ходить в походы в те места, куда очень редко ступает нога человека. А если и ступает, то это нога профессионального охотника или туриста, то есть людей, которые даже в современном урбанистическом мире еще не разучи-

лись чувствовать себя частицей природы, а не ее господами и потребителями.

Когда мы в очередной раз зашли в малоисхоженные дебри Уреньги и Нургуша, где только непуганые глухари вылетали у нас из-под ног, иногда дорогу пересекали лоси да

хозяин местной тайги сопровождал нас вдоль туристской тропы, периодически отмечая свое присутствие отходами своей жизнедеятельности, я поймал себя на мысли, что есть некоторая закономерность в распространении нынешних лесных пожаров.

Вот мы идем по диким местам, на неохраняемой территории, и ничего не горит. А по другую сторону Златоуста горит природный парк «Таганай». На севере области горит заповедник «Денежкин камень», а на среднем Урале и летом, и даже осенью полыхает Висимский заповедник. Все лето горят Башкирские места в районе Маркова камня.

Горят охраняемые территории, куда туристам вход воспрещен или строго регламентирован.

И в то же время в ноябре 2009 года в районе Маркова камня мы наблюдали массовую вырубку и вывоз леса. Ставолы вывозят, ветки сжигают. Так было в ноябре, так продолжалось зимой, весной и даже летом. Спрашивается, от кого охраняем? Для настоящего туриста, коими являются и мои воспитанники, природа – это святое. Они даже обертку от конфет не бросят в лесу, не то что непотушенную спичку. Объединяет все эти горящие «охраняемые территории» то, что все они находятся в зоне активного природопользования, то есть вырубки и вывоза леса.

Проблема, на мой взгляд, заключается в том, что так называемые заказники и заповедники стали объектом бизнеса со всеми вытекающими отсюда последствиями. Где бизнес, там и временщики, живущие по принципу «а после нас хоть потоп».

В своем недавнем выступлении В.В.Путин назвал Россию великой лесной державой. Жаль, что он не бывает там, где бываем мы, любители дикой, первозданной природы. В Свердловской области ее практически не осталось. Весь Средний и Северный Урал – это сплошной лесоповал. А ведь именно там расположены все вышеперечисленные заповедники.

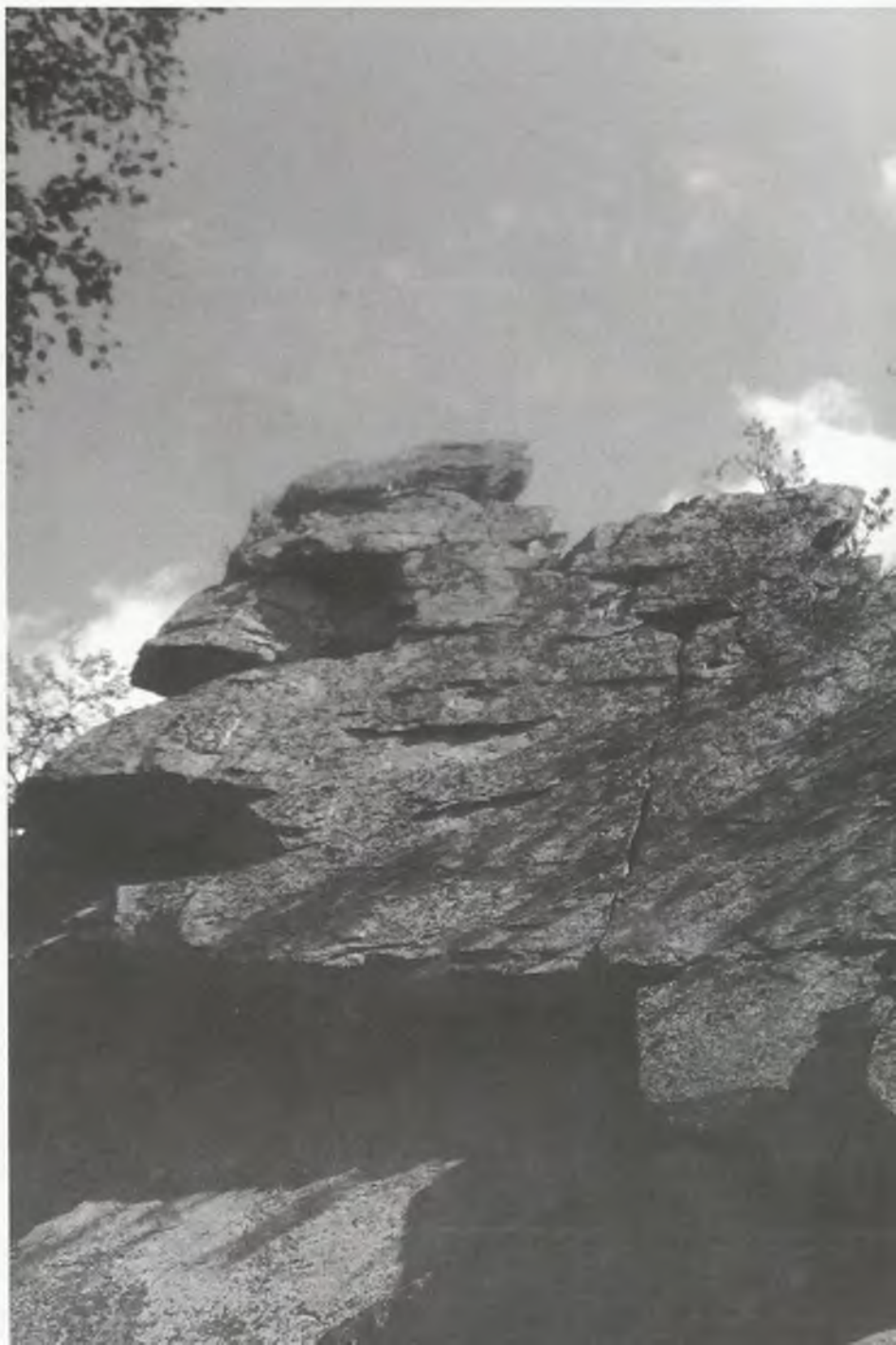
Еще держится из-за своей удаленности Урал Приполяр-

ный, да и то благодаря не мудрому природопользованию, а потому что туда не добрались еще две главные российские беды: алчные дураки и дороги. Добираются же сюда избранные бессеребренники, кто еще любит и бережет природу, как мать родную. Такие люди в России еще есть, но они не в состоянии спасти природу от варварского нашествия первоначального рынка.

Много желаний хотелось нам загадать в этом походе, глядя на падающие звезды. Но когда мы уходили с маршрута, главное желание было одно: чтобы нам было куда

вернуться. Чтобы, не дай Бог, какой-нибудь бизнесмен или чиновник не взялся для «себя любимого» охранять эти прекрасные места, которые, к счастью, пока еще не горят. Вернуться, чтобы продолжить путешествие к своей мечте, ведь вершины и дороги, ведущие к ним, – это наша судьба. И нам ее не обойти.

*Хоть не одна вершина позади,
Готовы вновь в дорогу рюкзаки.
Нас снова ждут дороги впереди
И снова будут версты не легки...*

А. ХАНЖИН

На реке Алабашке (рассказ)

Этот удивительный случай произошел со мной 6 сентября 2005 года в районе самоцветных копей, близ с. Мурзинское, на р. Алабашке.

5 сентября я с двумя друзьями, любителями камня со стажем, Курочкиным Иваном и Бахтиным Юрием прибыли в Мраморный лог. На месте бывшей д. Нижней Алабашки встали лагерем. Стояла золотая осень, было тепло и комары не кусали. Мраморный лог всегда славился рубинами. Рядом с отвалами стоял двухэтажный деревянный дом, оставшийся от бывших предпринимателей – арендаторов. В нем мы и поселились (печально, но в 2008 году его сожгли).

Как полагается, вечером мы отметили приезд, я вспомнил 1-й и 2-й приезд в этот район в 2002 году. В этот год Курочкин Иван показал мне почти все копи на р. Алабашке. Я собрал в отвалах неплохую коллекцию камней-самоцветов.

Все работы по добыче самоцветов прекращены в 90-х годах XX века. Все зарастает травой.

На следующий день рано утром мы втроем пошли на копь Хрустальница. Там мы взяли хороших щеток горного хрусталя и одиночных. Поработали там часа три и отправились по дороге на бывшую д. Верхнюю Алабашку, на копь Голодный лог. Осмотрели отвалы, посетили знакомую избушку-сарайчик, где обычно останавливаются любители камня (она до сих пор цела), немного покапались в отвалах и через лес подошли к копи Мокруша, пообедали там.

Вечерело. Мои друзья предложили здесь не работать, а идти в лагерь, готовить ужин. Я сказал, что немного поработаю, затем зайду на копь Старцева яма, сфотографирую место, т. к. в 2002 году, когда мы там были с Иваном, у меня кончилась пленка в фотоаппарате.

Они сказали, что скоро стемнеет, чтобы я поторапливался, и ушли. Я покопался в отвалах в нескольких местах. Нашел неплохих одиночных кристаллов горного хрусталя и дымчатого кварца и отправился в сторону д. Н. Алабашка. Прошел копь Казенница и свернул направо на лесную до-

рогу. Я знал, что копь Старцева яма находится недалеко, по пути должен лежать кузов от старой авто скорой помощи.

В XVIII веке местный житель Старцев нашел на месторождении крупный берилл – гелиодор золотистого цвета, который в настоящее время экспонируется в музее Горного Университета г. Санкт-Петербурга.

Наконец показался кузов старого автомобиля. Значит Старцева яма где-то рядом. Я прошел метров 100 вперед, дорога кончилась, трава была высокая, покрутился немного по лесу, выхода пегматита не нашел и вернулся к кузову. Темнело. Заглянул внутрь, никого нет, зашел, решил перекусить и идти на место нашей стоянки. Я немного устал за день, присел на сиденье, закрыл глаза и через некоторое время, уже в полудремоте, услышал шорох рядом, вышел из кузова.

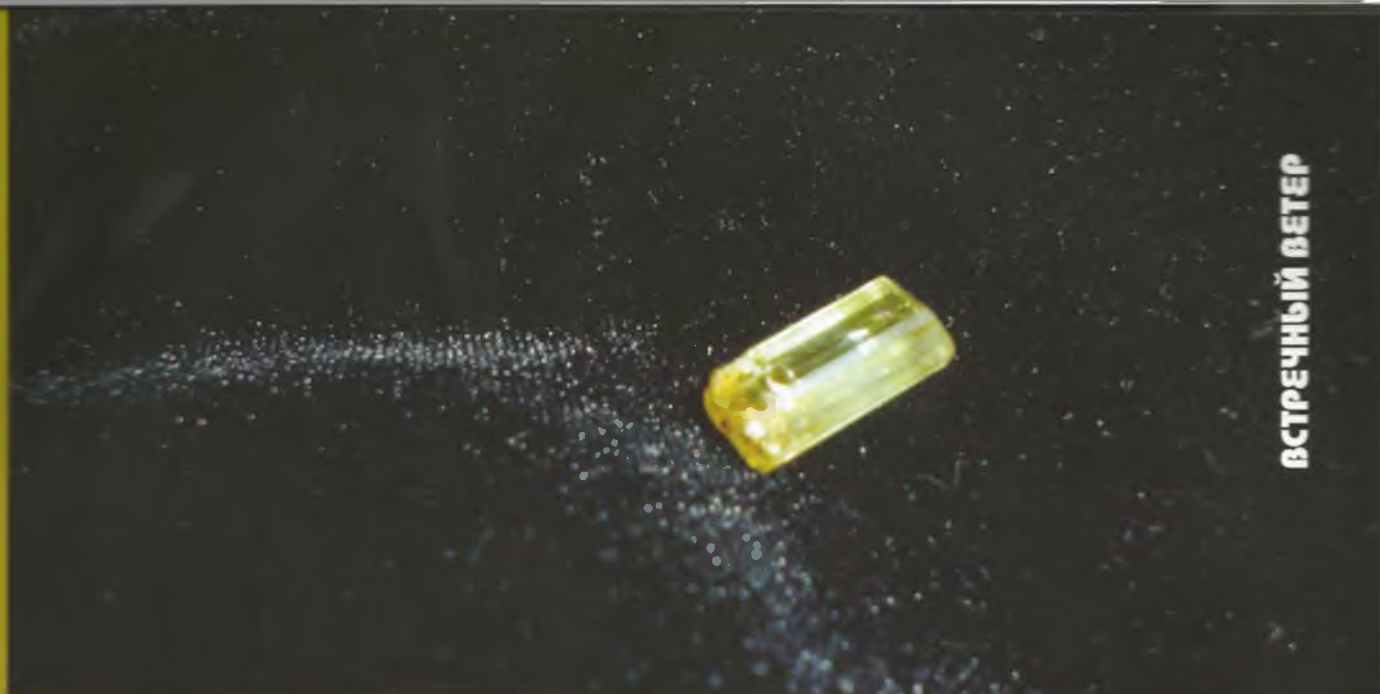
Передо мной стоял высокого роста старик, неопределенного возраста, с седой бородой, длинными волосами, глаза голубые, серая мешковатая одежда, за спиной какой-то мешок, в руке палка, на ногах у него что – я не разобрал, была высокая трава.

Я немного оторопел и не мог сразу что-то сказать, в горле пересохло, даже не поздоровался, только мысль пронеслась: «Передо мной Данила-мастер, сказочный персонаж Бажова».

Он спросил: «Что делаешь здесь, мил человек?» Я ответил, немного заикаясь, что ищу месторождение бериллов – гелиодоров Старцеву яму, немного заплутал и сразу спросил его, где он живет и чем занимается. Он сказал: «Живу недалеко, приглядываю за могилами, деревень-то давно уже нет. Пойдем со мной, покажу тебе камень», – и посмотрел на меня своими голубыми глазами, а я, как под гипнозом, последовал за ним.

Теперь я рассмотрел, что у него на ногах. Это были кирзовые сапоги, модель 60-х годов XX века. Шли мы недолго, подошли к какой-то штольне, я видел такие на амethystовых копиях на Ватихе, и вошли внутрь. Пахло холодом. Старец, так он и не назвал своего имени, я его по дороге спрашивал, зажег свечу. У меня был фонарик, но я не стал

его вытаскивать из кармана, не знаю почему. Прошли метров 20, и я увидел на земле горку золотистых камней, он поднес свечу ближе, это были гелиодоры, их было много. В других углах тоже были кучки камней-самоцветов, но разобрать было невозможно, что там лежит, из-за темноты.

«Бери, мил человек, сколько душа просит», – сказал он, я подошел, осмотрел камни и взял один, прозрачный. Он сказал: «Что взял мало?» Я ответил, что мне один, в качестве талисмана. «Раз ты не жаден, дарю тебе камень, пусть будет он тебе оберегом», – и протягивает мне самоцвет голубого цвета. Я коснулся его руки, она была холодная и тяжелая, как этот камень, и я понял, что он подарил мне топаз. Затем мы вышли из штольни, я первый, и оглянулся почти сразу, старца нигде не было, вокруг был лес, входа в штольню я не обнаружил.

Очнулся я от голосов – «Завтра приедем, порежем болгаркой»; и двое удалились. Это были охотники за металлоломом (уже ни одного копра нет на колях). Немного погодя я вышел из этого кузова, приснится же такое, подумал я, и пошел по лесной дороге к д. Н. Алабашке.

Когда подходил к избе, было темно, ярко светились звезды.

Друзья сказали мне, что уже стали беспокоиться, хотели искать меня. Ужин был готов. Я не стал рассказывать про сон, сказал: «Наливайте, завтра домой».

Рано утром мы собрались и пошли по дороге, вдоль р. Алабашки к Алапаевскому шоссе, чтобы через 6 км выйти к с. Мурзинскому, сесть в автобус на г. Нижний Тагил, а затем на электричку в г. Новоуральск, на Родину, но, выйдя на шоссе, через 4 км нам в спины – автомобиль «Ока». Шли мы в один ряд, по правилам, навстречу транспорту. Друзья

разлетаются в разные стороны, меня машина не задевает. Юра и Иван, слава богу, живы остались, только немного ушиблись.

Когда до с. Мурзинского оставалось 2 км, мы с Бахтиным Юрием, по его просьбе поменялись местами, я сначала шел в середине, потом перешел на левый край, поэтому и остался цел.

Дома я стал вытряхивать из разных карманов камни: турмалины-шерлы, пегматит, дымчатый кварц, горный хрусталь, топаз и берилл-гелиодор!?

Топаз я нашел на копи Мокруша, а вот гелиодор я не находил, помню точно. Значит, топаз оберег меня от автопроисшествия.

Прошло несколько лет, но я не могу понять, был ли это сон? Ни дать, ни взять, мистика какая-то.

Вот такая история.

PS. Берилл-гелиодор так и лежит у меня в коллекции на полке, в квартире в Новоуральске.

Голубой топаз я всегда ношу с собой. В 2006 году я с головой провалился в каменную яму на карьере Заплотный Камень. Думал – погибну, но выбрался.

Александр ШЕШОТОВ
Олег МОРОЗОВ

Проект туристического маршрута «Царский путь»

Путешествие по Уралу: Свердловская область

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

Император Николай II придавал большое значение развитию железных дорог. Еще в юности он участвовал в строительстве знаменитой Транссибирской магистрали. В 1891-м году, будучи цесаревичем, Николай Александрович заложил близ Владивостока первый камень в насыпь Трансси-

ба. К 1916 году дорога, строившаяся частями, была запущена в эксплуатацию на всем протяжении. Она пересекла Урал посредством двух ранее построенных параллельных веток: в районе Челябинска - Златоуста («Южный ход») и через Тюмень - Екатеринбург - Пермь («Северный ход»).

Так случилось, что именно по северной ветке Транссиба оболганного и оклеветанного Государя Императора Николая II с семьей везли в Екатеринбург из Тюмени после Тобольской ссылки. «Кругом измена, и трусость, и обман!» - это не просто упрек императора Николая II, брошенный современникам, это его боль за них - «ибо не ведают, что творят». Когда развеялся ядовитый угар революционной пропаганды, после клеветы и плевания в адрес царской семьи всей советской историографии, когда открылись архивы, когда опубликованы хотя бы некоторые письма, дневники, воспоминания, свидетельства очевидцев и другие документы, когда мы стали свободны дать себе трезвый отчет в трагедии убийства царской семьи, мы вдруг поняли, что это чудовищное злодеяние было простым желанием самоутверждения конкретных, тщеславных людей.

Цель проекта «Царский путь» - показать жизнь царской семьи, их теплые, дружные семейные отношения, истинные православные ценности, а также изменить исторически сложившийся имидж города Екатеринбурга как «места убиения царской семьи». Екатеринбург и Тобольск являются городами, где августейшая семья провела последние годы своей жизни. Учитывая печальные события, происшедшие с царской семьей в 1918-м, можно говорить о негативной исторической репутации, которой обладают эти два города. Тем не менее, мы не можем вычеркнуть события, связанные с расстрелом семьи, из истории России и города, в частности. Но в наших силах изменить отношение в обществе к личности Николая II и его семье.

Об исторических фактах, связанных с политической, экономической и военной деятельностью царя, о его человеческих качествах, о взглядах

и убеждениях, о его семье и отношениях внутри нее, о тех ценностях, которые он воспитывал в своих детях, можно будет узнать во время путешествия из Екатеринбурга в Тобольск и обратно.

На начальном этапе связь между городами будет осуществляться посредством проходящих поездов, к которым будет прицепляться дополнительный вагон-музей.

Прицепной музей на колесах

Санкт-Петербург - Москва 18 августа 1851 года, состоял из: паровоза заграничной постройки, вагона-салона, вагона-кухни, вагона-опочивальни, вагона-столовой, служебного вагона и свитских вагонов (давших престижную аббревиатуру СВ). Вагоны соединялись крытыми переходами.

Парк Царского поезда постоянно изменялся и пополнялся. Каждый император вносил

Возле Царского пути. — Grand Chemin de la Sibirie. № 11.

представляет собой стилизованный вагон со специальным внешним и внутренним оформлением и экспонатами в духе того времени.

В дальнейшем, при росте популярности данного туристического маршрута, возможен вариант составления целого стилизованного поезда, где как минимум интерьеры вагонов разных классов, ресторанов, а возможно и их внешний вид будут максимально соответствовать лучшим образцам техники царской России.

По словам историка-публициста Ю. Новосельского, традиция создания Императорских поездов в России началась с момента постройки Николаевской железной дороги.

Состав первого Царского поезда Николая I, совершившего свой первый переезд по

свою лепту в развитие железнодорожного транспорта России.

На отечественных заводах строились паровозы различных серий, по своим техническим данным не отличавшиеся от паровозов заграничной постройки. Флагманом русского паровозостроения был Александровский завод в Санкт-Петербурге.

Для постройки Императорского поезда существовал особый Высочайше утвержденный Строительный комитет при непосредственном наблюдении Инспекции Императорских поездов. По инженерно-техническому решению, комфортабельности и безопасности Императорские поезда были уникальны - другие страны Европы ничего подобного не имели.

Наибольшего расцвета Царский поезд получил в царствование последнего российского Императора Николая II, который вообще железным дорогам России уделял особое внимание. Так, в письме Георгу V он писал: "Слабость наших железных дорог – уже давно предмет моих забот. Подвижной состав был и остается недостаточным, и мы с трудом восстанавливаем выходящие из строя локомотивы и вагоны".

К 1894 году в России длина железных дорог составляла 32 709 верст. К концу 1909 г. эксплуатационная длина железных дорог общего пользования в Российской Империи достигла 65 991 версты. Кроме того, России принадлежала Китайская Восточная ж. д. (КВЖД) протяженностью в 1617 верст. К концу 1910 г. в постройке находилось 5448 верст. Подвижной состав к 1910 году: паровозов – 20 004, вагонов товарных – 445 014, пассажирских – 22 369, что на 25-30% больше по сравнению с 1904 годом. Особое внимание к подвижному составу и, прежде всего, к Императорскому поезду стало уделяться после "крушения века" (17.10.1888 г. на 277 версте Курско-Харьковско-Азовской ж. д.), когда было много жертв, и се-

мья императора Александра III не пострадала лишь чудом. Крушение произошло на глазах наследника и он, конечно, не мог не сделать определенных выводов.

К 1903 году парк Императорских поездов состоял из 5 составов:

– Императорский поезд Николаевской ж. д. для путешествий Марии Федоровны с вагонами на 4-осных тележках. Состав включал 10 вагонов.

– Собственный поезд Его Императорского Величества для дальних путешествий по России на 4-осных тележках.

– Императорский поезд для заграничной колеи на 4-осных тележках из 11 вагонов.

– Пригородный состав с 3-осными вагонами для путешествий в окрестностях Санкт-Петербурга из 13 вагонов.

– Императорский поезд Курской ж. д. для путешествий иностранной и местной знати с восемнадцатью 3-осными вагонами.

В дореволюционной России вагоны красились в разные цвета: 1 класс – темно-синий, 2 класс – желтый, 3 класс – зеленый.

Вагоны Императорского поезда были выкрашены в синий цвет с золотой полосой по линии подоконников. Верхние части окон были украшены золочеными двуглавыми орлами. Крыши вагонов имели светло-серый цвет. Рельефно выделялись бронзовые головки входных поручней.

Внутреннее убранство вагонов поражало. Наиболее роскошными были вагоны заграничного поезда. Вот как описывал Императорский поезд начальник канцелярии министерства Двора А. А. Мосолов, часто сопровождавший Царя в поездках: "В первом вагоне находился конвой и прислуга. Как только поезд останавливался, часовые бегом занимали свои места у вагонов Их Величеств. Во втором вагоне находились кухня и помещения для метрдотеля и поваров. Третий вагон представлял собой столовую

красного дерева; треть этого вагона отведена была под гостиную с тяжелыми драпировками и мебелью, обитой бархатным штофом; там же стояло пианино. Четвертый вагон пересекался во всю ширину коридором и был предназначен для Их Величества. Первое купе представляло собой гостиную Государыни серо-лиловых тонов. Если Императрицы не было в поезде, купе это закрывалось на ключ. В пятом вагоне находилась детская: драпировки были из светлого кретона, а мебель – белая. Фрейлины помещались в этом же вагоне. Шестой вагон отводился свите. Он был разделен на 9 купе, из которых одно – двойное посередине вагона, предназначалось для министра Двора. Наши купе были много просторнее, чем в международных спальных вагонах. Комфорт был обеспечен, конечно, полностью. На каждой двери была рамка для помещения визитной карточки. Одно купе всегда было свободным: в него помещали лиц, представлявшихся Их Величествам в пути и почему-то оставляемых в поезде. Седьмой вагон предназначался для багажа, а в восьмом находились инспектор Высочайших поездов, комендант поезда, прислуга свиты, доктор и аптека. Вагоны освещались электричеством, обогревались паровым отоплением, в каждом купе был телефон. Внутренняя отделка вагонов выполнялась ведущими специалистами фирм Г. Г. Бюхтгера, Н. Ф. Свирского и др.” В одном из своих докладов на заседании МПС Инспектор Императорских поездов, гофмейстер Н. Н. Копыткин произнес: “Современный Императорский поезд – Дворец на колесах”, комментируя трудности обслуживания и эксплуатации.

В годы войны Царский поезд использовался в сокращенном составе. Флигель-адъютант полковник А. А. Мордвинов вспоминал: “Императорский

поезд был невелик. Он состоял в центре из вагона Его Величества, где находились спальня и кабинет Государя; рядом – свитский, с одной стороны, а с другой – вагон-столовая. Далее шла кухня с буфетом, вагон с туалетом и кабинетом, и последний вагон, где помещались железнодорожные инженеры и начальник той дороги, по которой следовал поезд”. Царский поезд сопровождался служебным, следовавшим обычно в часовом интервале от него. Часто поезда менялись местами для дезинформации. В Императорских поездах прошли последние годы царствования последнего Русского Царя Николая II.

После Февральской революции Императорскими поездами короткое время пользовались министры Временного правительства.

После Октябрьского переворота из остатков Императорского поезда был собран состав для Л. Д. Троцкого, ставшего с 26.10.1917 (85 лет назад) Наркомом по иностранным делам и использовавшего их для поездок по фронтам гражданской войны.

Цель проекта «Царский путь» – привлечь внимание к

новым штрихам, характеризующим фигуру государя, как личности, которая возвела империю в ранг экономически развитых стран.

Проект также демонстрирует как места убиения Царской семьи, а так города, в которых воссияло страстотерпчество, проявилась жертвенность и любовь правящей династии к русскому народу. Проект будет основан на паломничестве в стилизованном под эпоху последнего Российского императора вагоне-музее из Тобольска в Екатеринбург, то есть между городами, последними принявшими венценосную семью. Для реализации проекта были привлечены ведущие историки, архитекторы, неравнодушная общественность, которая поможет с воссозданием экспонатов дореволюционной эпохи для необычного музея. Благодаря этому маршруту туристы смогут посетить не только интересные памятники истории, культуры и религии, которые так или иначе связаны с жизнью царской семьи в Тобольске и Екатеринбурге по отдельности, а смогут составить полное впечатление о последних годах жизни царской семьи.

Повелители мелков

Город рос не по дням, а по часам. Мосты перепрыгивали реки, каменные коробки с людьми обрастали зеленью, парки множились в каждом районе. Дружные хорооводы машин тащили своих хозяев на работу, а веселые стайки птиц в солнечном небе даже и не думали гадить на головы прогуливающихся по набережной старичков.

Город толстел, город удлинялся. Его границы сторожили танки с зелеными солдатами, а на центральной площади довольных жителей поливал огромный фонтан. По железной дороге катался поезд с доверху набитыми деньгами вагонами. Наверное, развозил зарплату. А рядом с депо отворил двери циклопических размеров магазин шоколадных конфет. Он был такой огромный, что даже непонятная корова-великан не могла накрыть его своей тенью.

– Аленка! Ну что ты тут нарисовала опять!

Девчушка поморщилась и с высунутым языком подкрасила корове хвост.

– Это коровка, – смущенно сказала она Максиму, который весь был измазан мелками, а пот с кудрявой макушки перебирался к лицу.

– Да какая это коровка?! – верещал Максим, самопровозглашенный градоначальник. – Это ж целая Годзилла!

Левка, выцветший на солнце восьмилетка, похожий на альбиноса, отвлекся от создания грандиозного кинотеатра своей мечты. Он глянул на друзей-одноклассников и ядовито захихикал.

– А ты чего ржешь? – продолжал возмущаться Максим. – Это чудище хвостатое нам тут все портит!

– Тебе всегда ничего не нравится! – Аленка тоже повысила голос. – А коровка тут просто травку жует, ты сам вон какой луг нарисовал!

Максим закатыл глаза. Взвалив на себя обязанности главы города, мальчишка и не думал, что придется так тяжело. Двое помощников постоянно пытались изобразить что-то непонятное, их выдумки никак не хотели ложиться в ряд с городскими сооружениями. Но, даже несмотря на это, результат общих трудов не мог его не радовать. Город на асфальтовой дороге стал настоящим украшением парка. Прохожие подбадривали детвору, подбрасывали

идеи, а старшие ребята, которые поначалу приписывали к рисункам нехорошие слова, быстро оставили их в покое. Теперь даже девчонки рисовали квадраты для своих «прыгалок» ближе к центру парка, оставляя место на асфальте либо для судходного причала, либо для аэропорта.

– Да не жалко мне, – чуть успокоившись, говорил Максим, – только чего она у тебя такая здоровая? Мы же ее не прокормим.

– Она, просто она такая потому... – замялась Аленка. – Не знаю.

Левка вновь захихикал, потирая замазанную зеленой коленку.

– Ладно уж, пусть до утра попасется, – сказал Максим. – Хватит на сегодня, а то меня мамка уже три раза звала.

– Ага, – кивнул Левка, – мне вообще по шее дадут, опять чумазый весь приду.

Аленка, в отличие от мальчишек, умудрялась оставаться стерильно чистой, хотя мелков расходовала больше всех. У Максима даже возникали подозрения: уж не ест ли она их?

– Ну и идите домой, малыши, – пробурчала девчушка. – А я еще к Ольке пойду, будем мультики смотреть на новом телевизоре!

Шагая на родной седьмой этаж мимо давно замороженных лифтовых дверей, Максим не мог сдержать улыбки. Город получался чудесный, в таком сказочном царстве не отказался бы жить любой человек. Даже сам президент! Создавать этот мир было настолько увлекательно, что неразлучная тройца проводила едва ли не все свободное время у входа в парк, где и ширился их асфальтовый холст. Дождей не было как по заказу, так что творить идеальное общество никто не мешал. Единственное, что огорчало Максима, так это никак не шедшее в голову название. Грешно было оставаться такому городу безымянным.

Дома Макса заставили съесть целую тарелку борща, а папка сказал, что в следующий раз придется мыть сына из шланга. Спать Максим отправился как всегда – на балкон. Мягкий матрас и любимое одея-

Александр Подольский (литературный псевдоним). Родился 29 июня 1985 года. Будучи по образованию инженером-информатиком, сменил множество профессий: от грузчика до риэлтора. В настоящее время проживает в подмосковном Подольске, работает в одной из крупных торговых фирм Москвы. Литературой занимается с 2007 года, является членом литературного общества «Тьма». В основном работает в жанрах мистики и хоррора. Неоднократный призер различных литературных конкурсов, несколько рассказов озвучены радиопроектом «Темные аллеи». Публиковался в журнале «Искатель» (США), сборнике «Зомби в СССР. Контрольный выстрел в голову». Свободное время посвящает футболу, пейнтболу и роупджампингу.

ло уже давно дожидались хозяина, а за окнами ворчали полчища насекомых. Это лето выдалось очень жарким, за день стены прогревались так сильно, что ночью в комнате нечем было дышать. Поэтому Максим и переполз с липкой и горячей кровати на проветриваемый и прохладный балкон. Обидно только, что следом за ним ушли и комары.

На следующее утро ребят ждали неприятности. От кровки остались только полупрозрачные линии-кишки, но это не было самым страшным. Город изменился. Зелень словно отцвела, по высотным домам пошли трещины, а поезд обокрала, выпотрошив все вагоны. Кроме того, на месте центральной площади расплодилось какое-то болото с вытянутыми из жижи черными перекрестьями. Кладбище.

– Это, это, как это? – тараторила Аленка.

Максим в ужасе смотрел на старания неизвестных и не мог выдать ни слова. Ладно еще найти собачью какашку в городском пруду – ничего страшного, это все-таки парк, – но такое! Рисунки были весьма неплохи, так что времени они заняли прилично. Получается, кто-то заранее это спланировал, а потом и провернул. Но когда? Неужели ночью?

– Старшаки, козлы! – выплюнул Левка, косясь пороссячими глазками на кинотеатр, который переплетали стальные цепи с амбарным замком.

– Ничего, – процедил Максим, – мы все поправим. И сделаем еще лучше!

Вновь закипела работа, засверкали на солнце разноцветные мелки. Пыхтящая ребятня устраняла последствия чьей-то злой шутки, ползая по асфальту, как муравьи. Сложнее всего пришлось с кладбищем. Разгоняя мрачность, Аленка превратила кресты в деревья, а Максим на ходу выдумывал зверей для будущего заповедника. Левка же с осторожностью хирурга освобождал от пут кинотеатр, стараясь не протереть в его стенах дыры.

К обеду город вернул свое величие, что не осталось без похвалы гуляющих в парке молодых мам с колясками. Солнце жарило нещадно, поэтому ребятня перебралась к фонтану, опустив руки в холодную воду и сделав себе смешные прически.

– А если они опять все испортят? – спросила Аленка.

– Может, оставим часовых? – предложил Левка.

– Да у нас и так здесь целая армия, – усмехнулся Максим.

Левка хитро посмотрел на друга и выдал фирменное зловещее хихиканье. На таком солнышке бледная кожа Левки будто просвечивалась, поэтому сейчас он походил на призрак.

– Я имею в виду настоящих часовых.

– Ночью? – изумился Максим. – Ты что, мне папка таких часовых устроит, мало не покажется.

– Ага, – кивнула Аленка, – я даже спрашивать не буду.

Левка развернулся и опустил босые ноги в фонтан, имитируя движения ластами.

– Да и мне не разрешат, – сказал он. – Просто я могу и не спрашивать, все-таки на первом этаже живу и дорогу на улицу через окно знаю.

– А обратно как?

– Что-нибудь придумаю.

– Ага, знаем мы тебя, – лыбился Максим. – Придумаешь себе домашний арест до конца лета.

Друзья заготовили, а потом брызги фонтана в их руках превратились в опасное «умокряющее» оружие. Спустя пару минут довольные и насковзь сырые повелители мелков, как их окрестили зеваки, ковыляли к дому. За ними шлепали мокрые отпечатки ног, а справа раскинулся небывалых размеров чудный город на асфальте, имя которому еще только где-то зарождалось.

Днем позже родители Аленки утащили дочь в зоопарк, показывать жирафа, поэтому новый образ города довелось увидеть лишь Максиму и Левке. Кинотеатр спорел дотла. На железной дороге выстроилась вереница людей, закапывающая останки поезда. Все здания приобрели заброшенный вид, в парках царил запустенье. Огромные очереди змеились всего к двум открытым заведениям – булочной и водонапорной башне. Все остальное, включая магазин конфет и заповедник диких зверей, погибло и развалилось. Кладбище теперь проглотило полгорода, едва не захватывая бесконечные очереди черных человечков. Райский уголок превратили в выжженный край, жители которого могли сразу становиться в другую очередь – к могилам. В этой долине теней не было ничего, только толпы голодных людей. Вся красота, все цветущее великолепии, над которым так долго трудилась ребятня, исчезли под беспроглядным слоем тьмы.

– Это уже не смешно, – чуть слышно буркнул Левка.

– Кто же это делает... – стараясь сдержать слезы, проговорил Максим. – Разве так можно шутить?

– Наверное, их много. Как бы еще они столько успели.

– Я все папке расскажу! – не выдержал Максим. – Он им так уши отдерет!

– Да ты чего, нас же тогда все малявками звать будут. Родителям ябедничать ведь последнее дело. Тем более, мы ж не знаем, на кого.

– Ну да, – вздохнул Максим, – жаль, нет у меня старшего брата. Но мы подловим их... А пока надо эту гадость стереть.

Этой ночью Максим упросил родителей разрешить ему ночевать на втором балконе – кухонном, который выходил в парк. Разобрав залежи каких-то банок и ведер, Максим приютился в импровизированном спальном мешке и стал ждать. Балкон не был застеклен, а у самого соединения пола со стенкой располагалась щель в несколько сантиметров. Максим не понимал, для чего строители выбрали именно такой вид конструкции, но любил высовывать наружу ноги, когда дышал тут свежим воздухом. Теперь же это место превратилось в отличный наблюдательный пункт.

Вход в парк лежал прямо по курсу, забор из черных прутьев уходил в темноту. Свет из окон дома медленно пропадал, оставляя гореть снаружи несколько фонарей у тротуара и россыпь ламповых глаз в глубине парка. Ветер свистел в пролетах и крустил карнизами. Ночь приходила спокойно, словно подкрадываясь. Тьму в центре парка не рассеивал и электрический свет, а округа затихала под убаюкивающие насекомые.

Максим слушал писк комаров над головой и смотрел из своего укрытия на улицу. Ничего особенного там не происходило: изредка проезжали машины или местная дворняга ковыляла вслед улетающему мусорному пакету. Нарисованный город почти целиком скрывался за густыми елочными ветвями, похожими на старинные сарафаны, но часть его все же попадала в кружок света. Старшие пока не показывались, но Макс знал, что они обязательно явятся. В его девятилетнем понимании это было настолько же очевидно, как и полная несъедобность всех видов каш.

Внизу что-то скрипнуло. Угол обзора не позволял разглядеть источник шума, и Максиму пришлось подняться. Легонько высунув голову над поручнем, он уставился в небольшой сад, который примыкал к дому. В тамошних зарослях что-то шевелилось, и это был не ветер.

Максим вжался в железную шкуру поручня и задержал дыхание. Ему казалось, что таким образом он точно станет невидимкой. Теперь Макс уже не хотелось никого выслеживать, потому что вдруг до него дошло, что портить рисунки могли не только старшие. Совсем не старшие.

Существо продолжало шуршать в карликовых кустах. По дороге проскочил кошачий патруль, наполняя ночь отважным мяуканьем. Тогда из садовых угодий и показалась голова, и даже с высоты седьмого этажа не узнать ее Максим не мог. Левка! Он, как мешок с картошкой, перевалился через невысокий забор и метнулся в парк. Макс улыбнулся, глядя на друга-разведчика, однако улыбка быстро сползла с его лица. За Левкой двинулась огромная тень, все это время дожидавшаяся под заброшенным столетом назад грузовиком. Слово масляное пятно на воде, она переплыла дорогу и вошла в русло парка. Вскоре темнота опоясала редкие осветители, и асфальтовая дорожка провалилась в ночь. Электрические глаза потухли, как залитые водой угли.

Не дать испортить, не дать сломать, не дать вновь развалить идеальный город, куда ушло столько трудов! Но ведь там сейчас Левка и... эта штука. В голове Максима плясали фразы, мысли, но сделать он ничего не мог. Бродя взад-вперед по балкону, мальчишка натякался взглядом на черноту парка. Что там могло происходить в этот самый момент? Что там могло происходить с его лучшим другом?!

Наконец ноги сами потащили Макса в нужном направлении. Входная дверь была рядом с кухней, поэтому выскользнуть на улицу он смог очень быстро. Ворчание замка и дверных петель разбудило кого-то из родственников, но Максиму было не до этого. Он пересчитывал ступеньки вниз, стараясь за раз захватить по две ступеньки.

Обежав дом и выскользнув из-под защиты тротуарных светил, Макс остановился. Темнота плескалась в парке, как мутная вода в бассейне, но две фигуры, уходящие в глубину черной воронки, он все же разглядел

– одна маленькая и едва ли не прозрачная, а вторая высоченная и нескладная, как огородное пугало.

– Левка! – крикнул Макс во тьму, подняв в воздух птиц, ночующих в тополиных кронах.

Эхо его голоса пронеслось по сумрачному парку, и фонари зажглись. Обе фигуры исчезли, на дороге возились только клубки мертвых листьев.

– Оно нас поджидало, – прошептал Макс, и по щекам поползли слезы. – Специально портило город, чтобы мы...

Откуда-то из другого мира прибежали родители с вылупленными глазами. Максим пытался все объяснить, но это оказалось совсем не просто. Ближе к утру милиция прочесывала парк, а Левкин отец устанавливал на окна решетку. Кроме заспанного бомжа, они так никого и не нашли.

Историю Макса обозвали расстройством на почве шока, а в городской розыск объявили маньяка. Левкины родители почему-то перестали здороваться, но Максим не обращал на это внимания. Теперь он облюбовал кухонный балкон, хотя прекрасно знал, что тень вряд ли тут опять появится. Но, когда в ночной уличной тишине раздавался шорох, Макс вскакивал на месте, а с губ летело простое слово:

– Левка.

Когда у Аленки наконец-то закончились слезы, они сидели на прогретом асфальте у своего города и ловили нитки солнечных лучей. Город стал лучше. Страшные очереди разошлись, вновь открылись магазины, а на дорогах появились автомобили. Машиниста денежного поезда теперь можно было разглядеть: им был худой мальчишка с полупрозрачной кожей. Похожий на альбиноса.

Ни Аленка, ни Максим этого не рисовали – картинка изменилась в ту ночь. С тех пор прошла почти неделя, а город словно остался на фотографии. В новостях крутили сюжеты о еще двух пропавших детях, и в каждом из них Макс видел игровую площадку с необычными рисунками. Много ли еще повелителей мелков осталось в их городе?

– Все равно когда-нибудь дождик смоем, – грустно сказала Аленка.

– А мы новый нарисуем. А потом еще один. И еще.

– Правда?

– Конечно, – кивнул Максим, доставая коробку с мелками. – И на этот раз уже не безымянный.

Они нависли над асфальтом и стали выводить название города. Дурацкое, но зато правильное. Не просто надпись, а настоящую вывеску, которая должна встречать всех гостей.

Левкиноград.

И это был не бедный и полумертвый мир, который рисовала сама ночь, а натуральный чудо-град. Город, в котором поезд с полными вагонами денег развозил зарплату. Город, где был самый лучший кинотеатр в мире. Город, в котором не отказался бы жить любой человек.

Даже сам президент.

Баллистика Талиона

Выскользнув из паромобиля, я хлопнул дверцей и быстро поднялся по мраморным ступеням. Удивительно, но здание Верховного Суда казалось мне значительно больше, когда я смотрел на его черно-белую фотографию, находясь в Шанхае. Блюстрады, портики, фантастический ряд коринфских колонн, украшающих фасад здания, и даже блистающий вкраплениями лазурита каррарский мрамор – все было тем же. Однако совершенно иным, по всей видимости, являлось теперь мое восприятие. Ранее мне казалось, что строгая архитектура этого воистину уникального места должна поражать входящих своей простотой и масштабностью, пробуждать в душах смертных священный трепет или, по меньшей мере, вызывать некую сдержанную боязнь, подсознательный страх, которую обязан испытывать каждый имеющий человеческие потроха идиот, что входит в истинную Обитель Смерти... Однако ничего подобного я не чувствовал.

Верховный Суд являлся старой богадельней. Задуманный еще во времена основания Унитарной Республики и построенный два века назад в самом сердце Форты Росс, прямо на аллее Царей, Верховный Суд считался высшей инстанцией для рассмотрения ужасающих уголовных преступлений и служил, таким образом, своеобразным олицетворением республиканского правосудия. Теоретически он оставался таковым до сих пор. Именно – теоретически. Ибо одиннадцать лет назад все решительно изменилось...

Кивнув на входе дежурному приставу, я протянул ему свой яркий жетон интерпрето, затем показал заветный шанхайским судом лист Приведения Приговора и вежливо поинтересовался, как пройти в местную исполнительную палату. Услышав вопрос, до этого доброжелательный полисмен брезгливо осклабился. Чуть отстранившись, он ткнул пальцем в висающую на стене план-схему и многозначительно отвернулся.

Пожав плечами, я продолжил свой путь. В Шанхае к моей профессии относились по-разному. Стезя интерпрето тяжела, если вы понимаете, о чем я толкую. Причем не только в профессиональном плане, как

тяжелая работа, но и в плане моральном – люди нас не особенно уважают. Что удивительно, нас не ценят даже клиенты, хотя уж они-то, без сомнения, должны быть более чем благодарны за наш горестный труд.

Изучив схему, я без труда добрался до нужного мне кабинета. Встав перед дверью, легонько постучал по дверному полотну, а затем, не дожидаясь ответа, ввалился в комнату, размахивая чемоданом. В комнате за безликим канцелярским столом восседал угловатый человек в мятом твидовом костюме с галстуком-бабочкой неопределенного цвета. Человек был высок, обладал вытянутым лицом, маленькими глуповатыми глазками и большими, торчащими в стороны ушами. Увидев знакомую и такую родную мне лошадиную морду, я с удовольствием хмыкнул.

– Здравствуйте, Джордж, – произнес я и шагнул к старому другу.

Джордж посмотрел на меня и спустя долю секунды, потраченную на узнавание, радостно приподнял брови.

– Айван? Приветствую.

Он поднялся из-за стола и протянул мне свою крепкую руку.

– Прибыли так скоро? Не прошло и четырех дней с момента заявки. Оперативно.

В ответ я лишь улыбнулся и нравоучительно воздел палец вверх.

– Современные паровые дирижабли могут развивать фантастическую скорость, Джордж. А товарищество «Буш и компания», разумеется, сделало мне скидку на авиабилеты.

– Ах, товарищество... – услышав свою фамилию, Джордж немного сконфузился. – Ну и как поживает мой разлюбленный папаша?

– О-о, – протянул я, – жив и здоров, слава богу, однако по-прежнему неумеренно болтлив. Хотя... простите. Учитывая причины моего визита, выражение «жив и здоров», должно быть, несколько неуместно.

– Да бросьте, Айван, – махнул рукой Джордж, – я не институтка, а потому не склонен к душещипательному бреду, что ныне модно у интеллигентов. Хеб-сед есть Хеб-сед, что еще можно тут сказать?

Я мысленно поддержал Джорджа: действительно, Хеб-сед есть Хеб-сед и сказать тут более совершенно

Илья Борисович Тё родился 4 декабря 1975 года во Владивостоке. Среднюю школу окончил с серебряной медалью. В 1998 году окончил юридический факультет Дальневосточного государственного университета. С 2002 года работает генеральным директором ООО «Красный Мамонт». Автор нескольких фантастических романсов, вышедших в «Ленинградском издательстве».

нечего. Крепко обнявшись и еще раз обменявшись рукопожатиями, мы вышли из его кабинета. Затем проходили длинными коридорами куда-то за поворот и далее – к темному лестничному пролету, ведущему в подземные этажи.

– Ну и как вам перелет через Тихий Океан? – поинтересовался на полпути Джордж, пытаясь поддержать приятельский разговор во время движения по сумрачным переходам огромного здания. – Я лично боюсь подниматься в воздух до дрожи в коленях. Разве что по лестнице. – Он рассмеялся. – В пассажирских дирижаблях, говорят, очень тесно.

– Ну, не настолько тесно, как здесь, – рискнул пошутить я, показывая на давящие бетонные своды, проползающие над нами, – однако летать через Океан действительно тяжело. Стоимость билетов умопомрачительна, но даже в первом классе кресла поставлены очень близко. Сидеть совсем не удобно.

– Особенно вам, сударь, с вашими длинными ногами и острыми коленями, – усмехнулся Джордж.

– Особенно мне, – улыбнулся я ему в ответ.

Оба замолчали. Говорить на самом деле было нечего. Мы с Бушем-младшим являлись старинными приятелями, знакомыми еще с гардемаринского класса в Шанхае, а потому понимали друг друга с полуслова и, более того, могли непринужденно молчать если говорить было не о чем, не испытывая при том какого-либо дискомфорта.

В Шанхае он учился в училище имени Апраксина на штурмана, я там же, но на морского баллистика. По окончании владеющий авиационной компанией папаша пытался пристроить Джорджа к себе, гонять дирижабли над бескрайними просторами Северной Пацифиды. Однако Буш младший, к удивлению своего «небесного» пращура, ненавидел небо до рвоты. Не то чтобы он физически не переносил перегрузки или боялся высоты, а просто не любил летать – категорически. Да и предпочтения в те годы у господ гардемарин Унитарной Республики были совершенно иные.

В общем, несмотря на перспективы и увещевания предков, «младший» Джордж оказался строптивым малым. Он решительно послал папашу подальше с его дирижаблями и поперся сначала в Высшее флотское училище в Гонолулу, а затем, когда выгнали за неуспеваемость, отправился добровольцем в Лахор. Паки там шалили, постреливали по индусам из трехлинеек, а пару раз, как сообщали в «Репабликтелеграф», дело доходило даже до сабельной рубки. До наших казачков, впрочем, пакам было далеко, как в смысле организации, так и в смысле личной боевой подготовки, ведь донские и техасские сотни в экспедиционные корпуса Пенджаба набирались из ветеранов. Так что же говорить о морской артиллерии? Тут, разумеется, дикари тягаться с Республикой не могли. Снятые с крейсеров тяжелые картауны и единороги, поставленные в окрестностях Лахора, сравнивали паков с землей. Впрочем, не только их военные лагеря и кавалерийские эскадроны, но и мирные поселения

с маленькими детьми, седыми стариками и с женами, закрытыми паранджой...

Как бы там ни было, спустя три года Джордж-младший вернулся с войны. В Шанхай, к родителям, он не поехал, отделавшись коротким письмом, а отправился сразу в столицу. На деревянной ноге, с повязкой через выбитый шальным осколком глаз, с щегольскими, круто закрученными усами гвардейца, огромной суммой наградных и премиальных республиканских долларов, а также чудесным орденом Князя Владимира Святого (с бантами), приколотого к цветастой ленте над сердцем. Несмотря на оторванную миной ногу, которую ныне заменял костыль-имплантант из мореного дуба с широким каучуковым «копытцем», армейский френч на нем сидел как литой. В военной форме, с прямой, как полет свинца, спиной, в тот год Джордж казался не человеком – скалистой грудой, незыблемой, непобедимой и безумно лихой.

Демобилизованного кавалера Святого Владимира, приняли на службу в полицию Форты Росс без проволочек – отказать такому калеке никто из тыловых крыс не посмел. А поскольку инвалидность мешала Джорджу патрулировать улицы миллионного и, безусловно, самого большого города в мире, его зачислили в штат судебных приставов. В результате молодой, всего тридцатидвухлетний ветеран Пенджабской кампании и блистательного кавалерийского сражения под Лахором протирал зад в кабинете и раскладывал по папкам стряпчие бумажонки...

– А вы-то как сами, Айван? – спросил вдруг меня Джордж. – Все так и мотаетесь по тюрьмам да по острогам? Не надоел еще интерпреторский хлебужек?

– Деньги есть деньги, – пожал плечами я, – это всего лишь бизнес.

Буш-младший кивнул. Он всегда соглашался со мной в этом щекотливом вопросе. Интерпретор на самом деле являлись не государственными служащими, а работниками коммерческих корпораций. Услуги подобных мне специалистов ценились дорого – ведь второго такого, как я, нужно было поискать. Впрочем, работа того стоила. Во всех смыслах, как ни крути.

Подземный этаж, в котором мы очутились, спустившись по лестнице, оказался неожиданно велик для Палаты исполнения приговоров. До этого мне приходилось бывать в разных вариантах Палат, но в основном в Сибири, в Монголии и однажды – в Польском доминионе. В столичном же варианте Обители Смерти я пребывал в первый раз. Впечатления, впрочем, она особого не производила. Больше, чем остальные, по размеру – но и только. Планировка местной Палаты исполнения приговоров на первый взгляд показалась мне обычной: вход в нее предврал длинный, но при этом широкий коридор, отгороженный от лестницы тремя рядами решеток, с небольшими дверцами. За каждой решеткой располагалась бронированная кабинка полисмена, вооруженного семизарядным кольцом детройтской сборки (у столичной полиции водились только такие) и декоративной

полицейской сабелькой, совершенно бесполезной в настоящем бою.

С презрением покосившись на сабельки, Джордж невнятно буркнул начальнику караула и забрал у меня лист Приведения Приговора. Что-то переписал оттуда в караульный журнал, подписал сам, дал расписаться мне, а после удовлетворенно ткнул пальцем в сторону двери. Манерам, как видно, в Пенджабе учили плохо.

Мы прошли. За дверью все было жестче. Как оказалось, внутри самого коридора дежурили, зыряка злыми взглядами, охранники-карабинеры. Дежурили вчетвером и, как объяснил мне Джордж, поочередно, сменяясь каждые два часа с другими четырьмя бойцами, отдыхающими в соседней комнате. В отличие от полицейских с кольтами на входе, эти охранники являлись не просто «вахтерами» или «ключниками». Их головы в касках, плечи и грудь, закрытые кавалерийской кирасой из многослойной стали, говорили мне об одном – перед нами стояли подготовленные бойцы, натасканные для тактических схваток. Злой штык, накрученный на карабин, и короткий кинжал на поясе также показали мне необычайно красноречивыми предметами.

Далее по коридору одна за другой следовали закрытые камеры. Чуть ближе – комнаты отдыха полицейских, совмещенные с маленькой оружейной, кухня, бытовка и туалет. Чуть дальше – еще одна решетка, полисмен-вахтер с кольцом, снова решетка и, наконец, камеры смертников.

Ни мало не стесняясь, Джордж снова ткнул пальцем куда-то в глубь.

– Наш клиент там, в последней камере, – сказал мне Буш-младший, шурясь от света неоновой лампы. – Я не пойду туда, хорошо? Твой Рамон просто бешеный зверь, и я могу не сдержаться... Знаешь, глядя на таких ублюдков, как он, мне хочется отключить Хеб-сед и сломать его проклятые машины.

– Да брось, – хлопнул я его по плечу, – каждый человек достоин права на жизнь и, что гораздо более важно, права на прощение. Кто мы такие, чтобы осуждать?

– Кто мы такие, чтобы прощать?

Тут я развел руками.

– Мы те, кто наказывает, Джордж-младший. Мы те, кто наказывает справедливо.

Джордж улыбнулся мне очень печально, пригладил пальцем гвардейский ус, оставшийся еще от Пенджаба, и медленно качнул головой.

– Ты правда считаешь это справедливостью? – спросил он меня. – Ты действительно так... считаешь?

Моя ладонь вонзилась ему в плечо.

– Я уверен, брат мой. Я уверен.

* * *

Спустя минуту я надеваю тонкие резиновые перчатки цвета топленого молока и прохожу вовнутрь «зоны смертников», за решетку. Здесь ждут еще четыре ка-

рабинера. Они не шарахаются от меня – и это, я считаю, уже чудесно. Утро и правда великолепное, думаю я, а жизнь – не так уж плоха. Когда я прохожу мимо бойцов в кирасах, эти бывалые люди – вооруженные до зубов высокие мужчины, стараются на меня не смотреть. Они сконфуженно прячут глаза и неуклюже отворачиваются при моем приближении. Под их опущенными, часто мигающими ресницами живет зримый страх. Или отвращение? Нечто недоброе сочится из их влажных пор, нечто едкое, называемое отчего-то потом, но являющееся на деле материализованным ужасом – перед моей скромной персоной. Улыбаясь, я иду дальше, не глядя по сторонам.

Последний коп открывает передо мной последнюю дверь.

– Мой клиент готов? – спрашиваю его я.

– Ждет, – слышу скупой ответ.

И захожу внутрь.

В маленькой комнате – действительно маленькой по сравнению с только что пройденными мной секциями коридора, с комнатами полицейских и даже с обычными тридцатиметровыми камерами, где проживают одиночные смертники, – комната просто микроскопична. Я мог бы прошагать ее за десять шагов, если бы шел вдоль одной из стен, и за пять шагов – вдоль второй. Все-таки у длинных ног есть свой плюс, думаю я, и приступаю к своей нелегкой работе.

Я опускаю на голову маску из марли и натягиваю белый медицинский халат. На маленький узкий столик, что стоит рядом с дверцей, я опускаю свой чемодан и набираю на замке код. Чемодан раскрывается, и я достаю инструмент.

Бетонный пол здесь особый. Он прорезан стальными полосами решеток. Под решеткою – сливы. Для крови и потрохов. Они доставят лишнюю жидкость и извлеченные органы в канализацию. На стене – раковина и кран для мойки рук. Моих рук, конечно, а не рук клиента, ведь после встречи со мной рук у него не останется. В углу стоит специальный клозет, с широким раструбом зева. В раструбе, прямо в воде, блистают нержавеющей стали ножи, острые, как опасная бритва. Я знаю, если туда бросить вырванную с мясом печень, а потом смыть, она пройдет без проблем.

В центре комнаты – стул. На стуле сидит человек. Он полностью обнажен.

Я беру тонкий ланцет и внимательно изучаю его отточенную кромку, затем откладываю. Достаю маленькие никелированные клещи, щупаю пальцами риски на их изогнутых «челюстях». Я улыбаюсь и вспоминаю. В то время, как Буш-младший швырял артиллерийские бомбы в лагерь беженцев в Пакистане, я изучал науки помельче – прикладную хирургию, например. Но не только ее одну. Когда я окончил училище, ученые головы, запертые в секретных лабораториях под Иркутском, как раз открыли Хеб-сед, и мне предложили остаться, чтобы освоить новую, необходимую в связи с клонической реинкарнацией специальность. Профессия эта оказалась чрезвычайно многообразна. В нее вошли криминалистика и анатомия, рукопаш-

ный бой и знания фармацевтики, уголовный закон и баллистика, человеческая психология и даже ... стеллярное ремесло.

Говорят, Рамона, сидящего передо мной, с мелкой дрожью в круглых коленях, до поимки называли «стрелком». По вик-эндам, он выезжал за пределы своей деревни – маленького селения где-то на голливудских холмах, со снайперской винтовкой, огромным глушителем и коробкой бронепатронов. Он расстреливал проезжающих. Увечил и убивал зверским способом, а машины скатывал в пропасть...

Знаток баллистики и анатомии, зло усмехаюсь я, почти коллега, черт возьми, почти коллега.

Отложив клещи, я достаю из-за пояса детройтовский кольт, такой, как у копов за соседней решеткой, и обхожу своего клиента по кругу. Он поднимает глаза. В зрачках его плещутся беспокойными волнами то ли мольба, то ли ужас ...

Впрочем, какая разница?

– Мистер Крюгер, Уильям Оливер, по прозвищу Рамон, – произношу я бюрократическим речитативом, – два года назад, вы были осуждены Верховным Судом Объединенной Евразии и Русской Америки за совершенные Вами ужасающие преступления против жизни. Общий срок наказания, назначенного за двадцать три умышленных убийства, сопряженных с истязанием жертвы, составил по совокупности две тысячи триста лет тюремного заключения. Однако пять дней назад от Вас поступила апелляция с просьбой заменить срок тюремного заключения двадцатью тремя смертными казнями по принципу талиона. Четыре дня назад Верховный Суд удовлетворил Вашу просьбу. Сейчас, мистер Крюгер, я спрашиваю Вас перед непосредственным исполнением приговора: по-прежнему ли Вы тверды в своем намерении и согласны с такой заменой?

Рамон хрипит и кивает. Колени его дрожат все сильнее.

– Тогда приступим, – говорю я и немедленно приступаю.

Двенадцать мужчин и одиннадцать девушек, подстреленных, похищенных, изувеченных им, а затем также убитых – давно воскрешены. Хеб-сед есть Хеб-сед, как любит говорить Джордж, тут нечего больше добавить. Клонические фабрики выпускают по всей планете сотни тысяч здоровых тел – точных копий скончавшихся мертвецов. Приборы считывают матрицы с воняющих трупов в морге и записывают их в новые искусственные тела. С Хеб-седом наши мертвецы возрождаются!

О да, мистер Буш, улыбаюсь я, мы живем в мире бессмертных богов – восьмисот миллионов счастливых бессмертных людей, что выжили в чудовищном пламени Мировой Войны, которая, как мы надеемся, никогда не повторится. Затравленная ядовитыми газами, так и не вставшая с колен Европа. Россия, Китай и САСШ, объединенные в монолит Унитарной республики. Ничтожные варварские диктатуры, возникшие в Азии, Африке и Америке,

на месте разрушенных войной колониальных империй. Совсем недавно покоренные Унитарной республикой Мексика, Япония и Корея. Союзные нам Индия, Австралия и ЮАР...

О да, мистер Буш, это так. Наши дирижабли снуют в безоблачных небесах, и огромные паровые составы пронзают гигантские континенты, мчась по нашим железным дорогам. Повсюду избыток ресурсов. Повсюду избыток земли, что объясняется ничтожно маленьким для такой огромной планеты количеством населения. Наука и промышленность торжествуют. Теперь мы контролируем рождаемость. Теперь мы клонируем «себя». Теперь мы контролируем смерть.

Но контролируем ли мы Человека?!

Самых первых из своих жертв проклятый ублюдок Рамон убил почти восемь лет назад. Это значит, что сейчас они, даже самые юные, уже стали взрослыми, выросли, может быть, поженились и нарожали детей, если смогли получить на то разрешение от Республики. Однако травма в их в головах, след памяти о чудовищной смерти останется навсегда.

А значит, слюнявый подонок Рамон будет страдать не зря – часы, а может быть, сутки. Наше общество должно вернуть ему то, что он посмел в него принести – боль и смерть, ужас смерти и смерть от боли!

Я убью его ровно двадцать три раза. И двадцать три – воскрешу. Потом он выйдет отсюда – свободный и искупивший вину, чистый перед законом, как девственная невеста на брачном ложе. Заставит ли это его исправиться, воздержаться? Я не знаю ответа, мистер Буш, ведь я плохо знаю людей. Там, в училище, меня учили их качественно убивать, а вовсе не копаться в рефлексках и мотивации. Но одно я знаю наверняка: ни один из моих прошлых клиентов не совершил преступления вновь. Станет ли Рамон исключением? Я не знаю. Но сделаю все, чтоб не стал.

Именно это я зову справедливостью и законом. В мире, где смерти не существует, есть единственный способ наказать неистового убийцу или конченного садиста. Этот способ называется – талион. Око за око и зуб за зуб. Рамон должен испытать все, что чувствовала, умирая, каждая его жертва. А после этого – он будет прощен, ведь каждый из нас – воистину! – достоин права на искупление.

Я снимаю предохранитель и стреляю в Рамона два раза – в коленную чашечку и в мошонку – точно так, как он стрелял в первого из убитых мужчин.

Через минуту я выстрелю ему в лоб. Но не ранее – он должен чувствовать боль. Я щелкаю секундомером и прикрываю глаза. Рамон визжит как безумный, неистово бьется на стуле. Наконец, секундомер мой пищит. Я с облегчением поднимаю веки и целюсь Рамону в голову. Боек стучит о запал. Пуля в пламени вырывается из ствола.

О да, мистер Буш, это и есть справедливость!

Случайная колония

«Три вещи осталось со времен Рая:
Звезды, Цветы и Дети».
Данте Алигьери (1265– 1321)

Темно-красный песок, тихо шурша, тонкими струйками сыпался с верхушек изогнутых колонн песчаника. Своими плавными изгибами они были обязаны капризным ветрам, бушевавшим в недавно закончившийся зимний сезон.

Ураганы, опускавшиеся из стратосферы в холодные сезоны, каждый раз творили из податливо мягкого материала новый и недолговечный шедевр в переплетениях узких долин. Поэтому красные столбы высились здесь всюду, словно потерявшие листву, обуглившиеся багровые деревья, торчавшие где поодиночке, а где, переплетаясь красными «ствололами».

Узкая долина лежала между высокими, скальными грядками из белого гранита, сверкавшего снежно-белой отполированной поверхностью, будто настоящий снег. Из-за этого, если смотреть сверху, песок долины казался красным, зазубренным шрамом на теле планеты. А над всем этим, в глубине лазурного неба, с ошеломляющей быстротой проносились полупрозрачные гроздьи растрепанных облаков, кромсаемых убравшимися далеко вверх ураганами.

Но маленький мальчик, спрятавшийся в углублении у основания одной из колонн, не замечал ослепительной красоты ландшафта вокруг себя. И этому было простое объяснение: он родился в этом мире, и все вокруг казалось ему обычным и даже скучным. Да, к тому же, сейчас он был занят – вот уже полчаса, как он прятался среди нагромождений красноватых столбов, и Элли пока не нашла его. Хотя Макс и Алекс, игравшие с ними, уже давно стояли в отдалении возле одинокой перекошенной колонны, торчавшей посреди круглой, как тарелка, гранитной площадки, и служившей им вроде места сбора. В игре еще оставался

Сергей и, конечно же, Элли, искавшая их в лабиринте застывшего песка.

Справа раздался еле слышный шорох, и Стив быстро забрался поглубже в свое тесное убежище. Это укрытие он нашел только сегодня – небольшое выветренное отверстие, тесное, но имевшее одно неоспоримое преимущество по сравнению с укрытиями других: его можно было обнаружить, только натолкнувшись случайно. Стив обнаружил его первым, и о нем еще никто не знал.

Затаившись в округлой выемке, мальчик настороженно прислушался. Шорох больше не повторялся, и Стив, было, уже снова расслабился. Но тут сверху посыпался красным водопадом песок, и прямо перед его укрытием, взрыв наметенные между камнями ребристые песчаные волны, прыгнула Элли. Присев, она заглянула в его пещерку, показав конопатое, широкоскулое лицо с ослепительной улыбкой. Весело смеясь, девочка закричала:

– Попался, малыш! Думал, я тебя тут не найду?!

Стив не любил, когда его так называли, и, наступившись, стал выбираться из оказавшегося таким ненадежным тайника. Наступив на шнурок ботинка, он упал, пробороздив носом канавку в мелком песке. Элли снова принялась звонко хохотать, а он, перевернувшись, сел и принялся завязывать длинные шнурки тяжелых, великоватых ботинок. Наступившись еще больше, Стив спросил:

– Как ты меня нашла?! Это место я обнаружил только сегодня!

Элли снова весело засмеялась и быстро протаторила в ответ:

– Это я нашла его первой, малыш! Ты тогда еще был маленький. И тебе не разрешали так далеко уходить от базы, а мы первые играли тут с Сергеем

Виталий Федорович Винтер родился 24 июля 1983 года в городе Харцызске Донецкой области в Украине. Учился в ОШ №19, затем в Донецком Национальном Техническом Университете на факультете геотехнологий и управления производством, специализация разработки полезных месторождений. После переезда в Германию отслужил в Бундесвере в саперных войсках. После армии закончил обучение на водителя-экспедитора, кем в настоящее время и работает.

Писать начал в начале 2010 г., публиковался в журналах «Магия-ПК» и в крымском альманахе «Фанданго».

и, – она запнулась и отвела взгляд, уперев его в красный песок вокруг. Еле слышно договорилась: – С Анджеем.

Анджея он помнил плохо, тот был намного старше его. Он пропал со второй и последней спасательной экспедицией три года назад. После исчезновения связи с ними окончательно пропала и надежда найти остальных. А недостроенный купол базы почти совсем опустел. Он потерял половину своих обитателей. Поэтому теперь им не разрешали отдаляться от купола, но эта долина была единственным исключением. В долине стояли сторожевые датчики.

Через мгновение к Элли вернулась ее прежняя жизнерадостность. Она вскочила на вылизанный ветрами круглый валун и принялась оглядывать окрестности.

– Теперь остался только Сергей – и я выиг...

Но тут из близкой «рощи» каменных деревьев появилась высокая, затаенная в черный комбинезон фигура. Сергей быстро шагал в их сторону, перепрыгивая через поваленные колонны. Приблизившись, он показал на свои наручные часы и прокричал:

– Нам пора идти назад. На базе начнут волноваться.

И, замахав руками, позвал к ним остальных, стоявших в отдалении.

Сергей был самым старшим, и его слушалась даже непоседливая Элли. Поэтому он и ходил с ними сюда, но игры давно уже не интересовали Сергея, хотя ему не исполнилось еще и шестнадцати – дети быстро взрослеют, видя смерть близких.

Собравшись вместе, они двинулись вверх по песчаному склону между двух ослепительно-белых скал, стискивавших пески в узкую красную полосу. Вставшее над близким горизонтом солнце начало поливать пустынный ландшафт жестким, негреющим излучением, которое, почти не задерживая, пропускала атмосфера этой небольшой планетки. Дети ускорили шаги – никто не хотел получить ожоги, а еще больше нагоняя от взрослых: к летним ожогам они привыкли, но все взрослые стали в последнее время сильно раздражительными.

Большой красный шар V645 Центавра или Gliese 551C – такое название, согласно звездным каталогам, носило солнце, ставшее им родным. Оно обладало столь малой светимостью, что его открыли лишь в 1915 году. По классификации звезда относилась к неприметным карликам М класса. С массой около 12% от массы главного солнца системы, красный карлик излучал в тысячи раз меньше энергии, да и большинство излучения находится не в видимом диапазоне. Если бы Проксима была бы на треть меньше, то в ней даже не смог бы происходить процесс горения водорода, и она бы не была больше звездой, а стала всего лишь коричневым карликом.

К счастью для остатков экспедиции, этого не произошло, но, будучи периодической звездой, древ-

нее светило 442 дня обрушивало на этот мертвый мир потоки рентгеновского излучения, которые за несколько минут могли удвоить или даже утроить свою силу. Из-за таких периодических всплесков на поверхности и не смогла развиваться нормальная биосфера. Ничто не напоминало здесь о жизни – за исключением редких лишайников и мха, цеплявшихся за стены в темных ущельях. Только недавно появившиеся тут люди могли предсказывать всплеск активности капризного солнца и позволить себе пребывание вне купола.

Все эти сведения в виде точных данных дети получали на уроках, организованных взрослыми. Без бессмысленных на первый взгляд столбцов цифр выживание на поверхности кажущейся довольно приветливой планетки становилось практически невозможным.

Они поднялись на темно-красный холм, усыпанный кристаллами изморози, блестящей, словно искорки далеких звезд, упавших с низких светло-синих небес. Отсюда местность просматривалась далеко в обе стороны. Сзади переплетались в бесконечном лабиринте долины: стиснутые белыми отполированными скалами, торчащими в беспорядке до самого горизонта, скрывающегося в уходящей от солнца темноте. Впереди на плато находился их дом – полусфера атмосферного купола, сверкавшая в красных утренних лучах, словно огромный бриллиант. Точнее, сверкала его часть, покрытая защитным бронепластиком на участках, обращенных на восход и закат звезды, другая же ощерилась пустыми железными ребрами каркаса. Под куполом виднелись приземистые коробки жилых блоков и зеленая стекляшка оранжереи, выделявшаяся на фоне багрово-красного ландшафта неестественной в этом полузамороженном, изъеденном ветрами и излучением мертвом мире цветовой гаммой. Рядом с куполом, словно огромное белое блюдо, примостилась антенна радиотелескопа. В пристройке-стебле под ней располагалась станция связи, а на равнине перед куполом растянулся жидкой цепочкой десяток сверкающих в лучах утреннего светила платформ с солнечными батареями.

Вдалеке за куполом, почти у самого горизонта, накренившись в небо, торчал корпус корабля-шатла. Если присмотреться, можно было заметить, что вздымавшийся в высоту и блестящий холодным металлическим сиянием остов был наполовину своей высоты изъеден черными пятнами гари, выплеснувшейся из прогрызенных огнем дыр в корпусе. Вокруг опорных мачт почва также была угольно-черной, выжженной на сотни метров вокруг.

Этот корабль когда-то доставил их родителей на эту планету и остался стоять здесь вечным памятником. Взрослые объясняли, что близко к месту посадки подходить нельзя – там произошел взрыв топливных элементов, и выброс топлива отравил

останки корабля и почву вокруг него. Оставшиеся в живых построили из того, что удалось спасти, купол станции, где теперь все и жили.

Дети поспешили к куполу – ветер, дувший с равнины, усилился, пробирая сквозь одежду морозным дыханием и заметая ноги стелющейся красно-бурой поземкой из гранул песка и кристаллов изморози. Стив шел последним и, оглянувшись, посмотрел через плечо в долину. То, что он там увидел, заставило его замереть на мгновение, как статую. Но он быстро взял себя в руки и двинулся догонять остальных.

В зажатой скалами узкой долине резвились маленькие серые тени, перемещавшиеся с огромной скоростью на самой грани восприятия человеческого зрения. Они то появлялись, то исчезали на фоне красных песков. Стиву показалось, что тени гоняются друг за дружкой и играют, словно обрадовавшиеся освободившемуся месту дети.

Стив догнал остальных через полсотни шагов там, где закончился песок холма и началась каменная равнина, представлявшая собой бескрайнее, до горизонта, поле, усеянное валунами разных размеров и форм. Идти по камням стало труднее.

Когда они добрались до рельс с платформами потрепанных солнечных батарей, из-за одной из них, увенчанной блестящими лепестками расколотых панелей, неожиданно вынырнула высокая фигура. Грубый, скрежещущий, словно ржавый металл, голос раскатился по равнине, как громовой раскат:

– Снова опаздываете! – фигура в тени резко махнула рукой в сторону восходящего над горизонтом багрового светила. – Хотите получить ожоги?! Идите на станцию, живее!

И так же внезапно, как и появившись, фигура исчезла в тени платформы.

Стив и все остальные узнали в напугавшей их тени Джейка. Его все немного побаивались, поэтому дети, ускорив шаг, поспешили к близкому куполу.

Проходя мимо платформы, Стив успел снова заметить Джейка, склонившегося над переплетением проводов внутри панели. Солнечный луч скользнул сквозь одну из многочисленных щелей в щербатых лепестках солнечных батарей и выхватил на мгновение безбровое, покрытое пятнами ожогов лицо мужчины. Рядом с ним стояла прислоненная к панели управления штурмовая винтовка, тускло сверкнувшая в тени наростом снайперского прицела.

Джейк внезапно поднял голову и встретился взглядом со Стивом. В нем он прочитал то же самое, что и три года назад на северной равнине, когда Стив нашел его, умирающего от ожогов, посреди безжизненной пустыни.

С тех пор они ни разу не разговаривали друг с другом, боясь и не понимая увиденного тогда. Каждый справлялся с этим по-своему: Джейк не расставался с оружием ни на минуту, а Стив старался не обращать внимания на происходившие вокруг

странности, которые открывались только ему, да, вероятно, еще и Джейку. Зато другие этого ничего не замечали, словно тени их сторонились, пряча свое существование.

Стив ускорил шаги и побежал к вознесшимся вверх, в светло-синее небо, металлическим ребрам купола. Джейк, выйдя из-под платформы, неподвижно стоял и смотрел ему вслед, а затем, закинув резким движением винтовку на плечо, торопливо направился в сторону долины, где до этого играли дети. Стив в это время был уже за фундаментом защитного купола, где начинались полусоборные и брошенные щитовые строения колонии. Жилые блоки остались только в центре периметра. К ним вели залитые пенобетоном дороги, лучами сходящиеся в центре жилой зоны. Все вокруг покрывали песчаные волны, нанесенные ветром снаружи.

Пройдя мимо брошенных зданий, они подошли к двухэтажному строению в центре. Толстые бетонные стены кое-где прорезали узкие квадраты забранных жалюзи окон, а дверь служила вороташлюз, срезанные с челнока. Сейчас, летом, все створки были открыты, так как в это время года никто уже много лет не утруждал себя поддержанием земного атмосферного давления внутри жилого комплекса.

Зимой дела обстояли иначе. Планета удалялась от нестабильного светила, и атмосфера охлаждалась до минус семидесяти, рождая циклоны, рвущие сначала облака в стратосфере, а затем постепенно опускавшиеся на поверхность, где начинали менять ландшафт до неузнаваемости. Из-за этого людям пришлось сделать рельсовую дорогу. Теперь солнечные батареи, а точнее, то, что от них осталось после первого зимнего сезона, втягивали внутрь купола.

Пройдя шлюзовую, дети все вместе направились в конец длинного коридора и попали в просторный зал. Зал когда-то был кинотеатром и местом собраний. Здесь повсюду стояли ряды сдвинутых к стенам кресел. Посередине располагалось несколько столов, окруженных такими же, как и стоящие у стен, креслами. Из одной из дверей, выходящих в зал, разносились аппетитные запахи. Но за столами уже было пусто, видимо, они опоздали.

Из двери, испускавшей кухонные запахи, появилась низенькая, плотная женщина, одетая в серый рабочий комбинезон, – Маргарет, астрофизик, как ее называли взрослые между собой.

– Дети! Снова опаздываете?! – покачав головой, сказала она. – Садитесь! Сейчас мы с Анной разогреем вам обед.

Они расселись за столами, и скоро появилась еда: стандартные, как и каждый день, белковые кубики, немного зелени и мелко нарезанные овощи – все, что удавалось вырастить в оранжерее. Женщины тоже сели за стол, и Маргарет, расположившаяся рядом с Сергеем, спросила его:

– Снова играли в долине?

Паренек, оторвавшись от еды, утвердительно кивнул:
– Да, там после зимы все стало совсем другим.
– И снова опоздали! Рассвет почти застал вас снаружи. Мне звонил Джейк, – сказала Маргарет.

«Звонить» – так у них говорили про связь по коротковолновым персональным рациям, действовавшим только на коротких расстояниях и только, когда солнце не мешало своими безумными вспышками.

Немного помолчав, Сергей осторожно ответил:

– Мы его видели, у солнечных батарей, и... – он замылся, – у него была винтовка...

Лица женщин сразу стали серьезными. Маргарет сказала, обращаясь к сидевшей рядом Анне:

– Он так и не оправился! Все бредит идеями, что поисковые группы погибли из-за местной формы жизни. Поэтому и таскает повсюду оружие, хотя никто ничего не обнаружил, кроме лишайников и мха.

– Мы, наверное, никогда не узнаем, что же все-таки с ними произошло, – медленно произнесла Анна. – Внезапный ураган? Песчаная буря? Это совсем чужой для нас мир. А Джейк, ты же знаешь, потерял все во время последней попытки достичь места посадки второго грузового шатла. Он просто чудом уцелел во время урагана. Один выжил из всей группы, и кто знает, что он на самом деле видел... Хорошо еще, что он зациклился на охране купола, а не совсем свихнулся...

Женщина оборвала себя, вспомнив, что они не одни, а детям подобного слышать не следует.

Через несколько минут поздний обед закончился, и все стали расходиться кто куда: малыши пошли наверх, в жилые блоки, Сергей ушел, сказав, что ему нужно помогать отцу в мастерской. Стив же вышел из столовой вместе с Элли, которая пыталась затащить его в оранжерею на гидропонные плантации. Там было сыро и приходилось копать в странной черной земле, так непохожей на ту, что снаружи. Стиву это не нравилось, и он избавился от настырной Элли, с облегчением вспомнив, что толстый и улыбочивый Том приглашал его в радиорубку послушать звезды.

Выйдя из жилого блока, Стив медленно пошел к антенне радиотелескопа, видневшейся сквозь голые металлические ребра купола. За полчаса его отсутствия снаружи местность разительно изменилась. Солнце, взойдя, осветило все вокруг кровавым светом. Контрасты сделались еще ярче и острее. Красная, каменистая равнина вокруг, казавшаяся на рассвете багровой, под прямыми лучами звезды стала ярко-красной, режущей глаза.

Еще сильнее это стало заметно при взгляде на торчавшие в отдалении белые скалы – место недавних игр. На фоне бледно-голубого неба, подсвеченного у близкого горизонта темной мертвой космоса, все кругом казалось неестественно ярким. Перистые белые облака уже не носились в вышине – с рассветом лучи близкого светила нагревали верхние слои атмосферы и бушующими в стратосфере ураганами отгоняли облачность на темную сторону.

Стив взглянул вверх. Стеклоанный купол кое-где тускло поблескивал, отбрасывая блики в местах, где зимние

ураганы струями песка и мелких камней сделали поверхность стеклянных блоков матовой. Пройдя заброшенными улицами, покрытыми песчаными волнами, мальчик свернул к переходу, ведущему к радиорубке, по узкой стеклянной трубе которого он попал к круглому люку, ведущему внутрь.

Радиорубка была малым атмосферным челноком, со временем переделанным, как и все остальное на станции, для других нужд, так как топлива для него все равно не осталось. Внутри радиорубки все было не таким, как снаружи в куполе, где буквально каждая деталь говорила о сделавших их руках и имела индивидуальность: грубоватые стены жилых модулей и установленные кое-где механизмы, не всегда работавшие или предназначенные для совершенно иных целей. Во всем под куполом чувствовалось творение людей, пытавшихся обжить кусочек негостеприимного, чуждого мира. Интерьер же радиорубки выглядел просто и функционально: узкие металлические коридоры с такими же узкими комнатками-каютами, заставленными до потолка приборами, смонтированными в нескончаемые безмолвные панели.

Почти все оборудование бездействовало, и помещения скрывал пыльный полумрак. Только в нескольких дальних отсеках попискивали и перемигивались между собой немногочисленные рабочие мониторы, а в воздухе чувствовалось дыхание мощных вентиляторов, охлаждавших процессоры навигационных блоков. Из последней каюты лились в полумрак коридора потоки белого света. Там находился центральный пост связи, и оттуда доносились голоса.

Подойдя поближе, Стив услышал громкие голоса, о чем-то спорившие:

– ...что можно сделать!? – раздраженный голос Дэрэка, единственного врача в колонии, гулко разносился в тесных помещениях. – Ты думаешь, я об этом не думал?

– Успокойся! – перебил его спокойный голос Тома. – Надо искать какой-то выход. Нельзя сидеть и просто ждать конца.

– Послушай! Нас осталось всего девять человек, детей я не считаю. Ресурсов, как энергетических, так и технологических, почти не осталось. Восстановленные после первой зимовки солнечные батареи дают достаточно энергии только коротким летом. Летний сезон закончится через пару земных месяцев, и они станут снова фактически бесполезными до следующего потепления. А оно снова начнется только через десять месяцев. Но до него мы вряд ли дотянем. Мы попросту замерзнем. И что предпринять, я ума не приложу!

Повисла тяжелая тишина, которую нарушил решительный голос Тома:

– Реактор – вот выход! Достроить купол мы все равно не сможем, да это и не поможет. Но реактор-то исправен. Если приглушить мощность до минимума, то хватит для жилых помещений и оранжерей.

– Я рассчитывал, – глухо ответил Дэрэк, – топливных патронов хватит на пару месяцев. Это при минимальном потреблении – реактор, ты сам знаешь, не был предна-

значен для этих целей. Зима продлится впятеро дольше, снаружи будет шестьдесят-семьдесят по Цельсию. Единственная положительная новость – то, что артезианская скважина дает достаточно воды. Но насосы и очистительная аппаратура также требуют энергии.

– Хоть в этом нам повезло. Пробурили всего пару скважин и нашли хоть грязную, но воду, а то бы давно перешли в этой ледяной пустыне.

– Ну, возможно, что она не такая уж и необитаемая, – помолчав, добавил Том. – Просто хозяйева не хотят или не могут с нами общаться.

– Ты имеешь в виду рассказы Джейка?! – раздраженно хохотнул Дэрэк. – Да у него с головой не все в порядке после того урагана, погубившего спасательный отряд! Получить такие ожоги, да еще одному из всей группы остаться в живых. Вот и привиделось – от боли или еще от чего.

– Ну, с его ожогами тоже не все так просто. Как ты сам сказал, они от воздействия высоких температур. Например, как холодная плазма. И следует учесть то, о чем рассказывал Стив, то, что помогло ему найти Джейка. Эти серые тени напоминают плазмиды или, как их еще называют, криттеры. Ты можешь себе представить, как это могло происходить. У молодой звезды на планете зародилась белковая жизнь, и стала с течением времени разумной, а звезда состарилась. Цивилизация сначала развивалась своим путем, звезда же стала превращаться в красного карлика и тем самым вынуждать разумную жизнь приспособливаться, чтобы выжить, а заодно и перейти на более высокую ступень развития – энергетическую.

– Все может быть, но нам что с того?

После этого надолго повисло тяжелое молчание.

– Ты все так же пытаешься наладить связь? – тихо сказал Дэрэк. – Это тоже энергия. Можно отключить все приборы, тогда...

– Много энергии моя аппаратура связи сейчас не потребляет, – перебил его Том. – Я почти все отключил. Сейчас только просеиваю радиочастоты, и, конечно, работает аварийный маяк. Пока есть надежда, что нас найдут, хоть и слабая, нужно продолжать. Иначе у нашей случайной колонии нет шансов выжить.

– Ты сам должен понимать, что надежда на спасательную экспедицию исчезающее мала, если не сказать больше. Радиосвязь на таких расстояниях вообще практически бесполезна – запаздывания просто огромны. Корабли на субсвете слишком медлительны, да и курс им поменять – не простая задача. И, самое главное, мы даже не в той системе, где должны были быть по плану полета! Если спасательную экспедицию и отправят, в чем я сильно сомневаюсь, то точно не сюда, к Проксиме. Эту систему давно признали бесперспективной. После того, как автоматические разведчики, на наше счастье, проглядели этот песчаный Янус. Кто же знал, что это действительно тройная система Проксимы и Альфы А и В Центавра, а между ними полно всякого дрейфующего мусора. Нам просто повезло, что тут оказался камень, да еще с пригодной для дыхания атмосферой. Если бы мы не потеряли базовый корабль, то смогли бы выжить

без проблем. Если бы базовый корабль не продырявил чертов метеоритный поток! Да еще при посадке не подломись опора шатла... Все было бы по-другому. Если бы да кабы... Но, к сожалению, у нас есть то, что есть: недостроенный купол без ресурсов и сгоревший челнок с кладбищем вокруг. Где выход? Я его не вижу!

– Помощь может прийти, я рассчитал вероятность и время! – упрямо сказал Том и глухо добавил: – Я, наверное, единственный тут, кто еще верит. Шансы есть, как я уже говорил. С Земли помощь не придет, но если корабль с новой экспедицией будет отправлен, то его пошлют к Альфе Центавра. Куда мы и летели. В пути они, возможно, поймут наши сигналы, но повернуть, разумеется, не смогут. Однако из системы Альфы можно достичь нашей злополучной Проксимы – мы же находимся всего в пятой части светового года от нее. Значит, существует вероятность, хотя и слабая, что следующая экспедиция попытается добраться до системы Проксимы. Это займет около года в зависимости от их корабля и приказов. Поймут ли они вообще наши сигналы? Да и колонистами рисковать никто не станет. На выгрузку и основание постоянной колонии уйдет тоже какое-то время...

– Ты же сам понимаешь, насколько мала такая вероятность! Слишком много факторов случайности. Насколько я знаю, на момент старта нашего «Первопроходца» на орбитальных верфях строились всего два корабля – «Европа» и «Азия». Но у них будут иные задачи, чем у нашей исследовательской экспедиции: колонизация! Основание жизнеспособного анклава человечества в другой звездной системе. К тому же «Европа» должна была лететь к звезде Барнарда, до которой почти шесть световых лет, и в противоположном от нас направлении. Так что в обозримом будущем в нашу сторону может отправиться только один корабль. Да и нас они наверняка считают погибшими, и от предписаний полетной программы никто отклоняться не станет, это я знаю наверняка. Был все-таки третьим офицером. Никто не рискнет ввязаться в такую авантюру. Даже не из-за предписаний, а из-за технических и энергетических возможностей экспедиции. Никто не поставит под удар проект колонизации ради призрачного спасения горстки людей. Но это все пустые слова, а реальность – то, что мы замерзнем этой зимой.

– Есть еще одна последняя возможность, – глухо роняя тяжелые, словно камни, слова, сказал Том: – В нижних грузовых отсеках шатла есть еще запасы топлива для реактора. Их хватит надолго...

– Но нижние отсеки заражены больше всего после аварии. Ты же помнишь, чего нам стоило снять хоть какое-то оборудование и машины: двадцать семь человек умерли от облучения, а это были верхние отсеки! Защитных костюмов вообще не осталось, а в нижних отсеках счетчики Гейгера зашкаливают. Без защиты мы там и полчаса не протянем...

– А больше и не надо. Нас девять – получаса хватит.

– Но...

– Дети выживут и без нас и, возможно, дождутся помощи. Они уже большие, знаний им хватит, чтобы выжить.

Ты думаешь, зачем я натаскиваю малыша Стива в радиосвязи? Готовлю себе смену, и не я один. С некоторыми из наших я уже говорил раньше, но теперь ждать нечего – нужно действовать...

Затрещавший сигнал вызова прервал слова радиста. Стиву было слышно, как Том разговаривал с кем-то с базы.

– Да, да, он тоже здесь, – голос Тома стал взволнованным. – Что случилось? Какие выстрелы? Кто слышал? Со стороны холмов?! Нет, это не мы. Наверняка, Джейк. Кто же еще! Мы уже идем.

Стив услышал, как Том шумно вскочил, опрокинув что-то завывающее по полу и крикнул Дэрэку:

– Чего застыл? Скорее к платформам!

И они, громко топая по металлическому полу, выбежали из радиорубки. Стив, юркнувший в одну из темных комнат, осторожно выглянул и пошел следом. Ему не хотелось выдать себя, показав тем самым, что он подслушал разговор взрослых. Это получилось само собой, и он чувствовал себя виноватым. Но сейчас ему еще больше хотелось узнать, что произошло на холмах, а от сознания того, что он знает, что там могло случиться, становилось мутно. Это чувство и погнало его вперед – туда, куда направились остальные.

Выбежав из радиорубки, под свод купола, Стив услышал сухой треск выстрелов, раздававшийся со стороны поля с солнечными батареями. В ту же сторону, поднимая тучи мелкого песка, бежали Том с Дэрэком.

Стив побегал следом, увязая в гребнях песчаных волн. Он добрался почти до крайних пустыющих строений, когда в носу нестерпимо защипало от озона, а волосы словно зашевелились на голове. Вверху затрещало, и, подняв взгляд, Стив увидел извивающиеся, искрящиеся белые молнии, скользящие по каркасу купола.

Через мгновение он выбежал из-под ребер купола и остановился, пораженный увиденным. Над платформами солнечных батарей с огромной скоростью носились серые шары, время от времени плюющиеся разрядами тонких молний. Воздух словно загустел и стал вязким, ожившим до покалывания в мочках ушей и металлического привкуса во рту. Там, куда падали молнии, от платформ с солнечными батареями поднимались тонкие черные столбы дыма. Несколько панелей, чадя, с грохотом упали в оплавившийся песок, рассыпаясь сегментами своих сот. Между столбов дыма стоял Джейк и, вскинув к плечу винтовку, посылал в мельтешищие над головой шары короткие, злые очереди, одновременно уворачиваясь от тонких, как иглы, молний, танцевавших вокруг него. К нему подбежал Том и, схватив за плечо, развернул его к себе, вцепившись огромными ручищами в винтовку.

– Отпусти, я их всех перебею! А вы не верили мне тогда! Я пошел в холмы и там увидел этих. Таких же, но поменьше – расстрелял с десятков, а потом прилетели большие. Этих так не заваляшь – они только искрят.

– Ты – идиот! Посмотри вверх! – закричал Том, указывая одной рукой в небо, а другой мертвой хваткой вцепившись в ствол.

Серые шары крутились в вышине полусотни метров, не осыпая больше землю под собой белыми зазубренными

молниями. Над большими шарами кружился целый рой мелких – словно прячась за ними.

– Они больше не нападают. Это была защитная реакция – ты на них напал. А маленькие шары, наверняка, молодые особи. И ты их убил. Других живых существ – хозяев этого пустынного мира!

– Очнись! Они убили наших товарищей!

– Но почему же они не убили всех нас сейчас? Твоей пукалки испугались? Это совсем иная форма жизни, и мы ей неинтересны. У нас, наверняка, совершенно разные восприятия мира. Да и наши друзья погибли, видимо, из-за того, что тоже стали в них стрелять. Но нам с ними нечего делить!

Скопление серых шаров медленно, как ни в чем ни было, двинулось в сторону холмов. Том отпустил винтовку и, ссутулившись, с болью проговорил:

– Защитная реакция, без сомнения. Они поняли, кто мы, еще тогда, когда оставили тебя в живых. Разобрались и не стали наказывать нас даже за гибель сородичей...

***

Прошел почти полный земной год. Очередной зимний сезон ураганов закончился, уступив место короткому лету. Стив сидел на полузанесенных песком плитах фундамента купола и наблюдал восход красного светила – других он в своей жизни пока не видел.

Ландшафт на плато у подножия белых скал в который раз неузнаваемо изменился. Дюны стали еще выше, захлестнув высокими красными волнами молочно-белый гранит, словно пытаясь обнять высокие пики, устремившиеся в бледно-голубое небо.

Вдалеке по-прежнему торчал почерневшим монументом корпус старого шатла. Где-то там, на краю полусасыпанного песком и выжженного двигателями посадочного поля, появилась цепочка новых могильных холмиков. Планета снова приближалась к перигелию, и ураганы, уйдя в вышину, продолжили там свое вечное противостояние с редкими облаками, накапливая в вышине силы для грядущего холодного сезона. Бледные небеса над куполом приобрели, как и при каждом летнем восходе, холодный темно-голубой оттенок, пропуская сквозь проносящиеся в вышине гроздь растрепанных облачков искорки далеких жемчужин – звезд, усеявших небосвод.

И где-то там, среди них, на границе этой планетной системы, двигалась еще одна, пока еще незаметная звездочка. Она была еще очень далеко, но уже давно оповестила о себе в радиозфере...

Стив поднялся, отряхнул с рук прилипший красный песок и направился к радиорубке. Приближался очередной сеанс связи. Этим утром он впервые с кристальной ясностью, осознал, что впереди его ждет новая жизнь, иные люди и, возможно, Земля. Но он точно знал, что когда-нибудь все равно вернется сюда, на эту планету, замороженную, покрытую инеем и заметенную безжизненным песком. Злую, ветреную и усеянную могилами близких ему людей, отдавших свои жизни ради того, чтоб выжила их случайная колония.

Отныне это был и его мир.

Законы человека

ГОЛОВОЧКА

Транспортный корабль «Веселые земляки» напоролся на гравитационную яму. Встреча с космической аномалией привела к падению внутри транспортника всех незакрепленных предметов. Особенно трагичным столкновение оказалось для камбуза. Кастриюля с борщом взлетела вверх и брякнулась об стенку, выплеснув содержимое куда попало. Со сковороды, закрутившейся в полете, разлетелась по углам жареная на домашнем сале картошечка. Графин с клюквенным морсом просто упал на пол и разбился. Ложки, вилки, ножики и поварешки, весело звякая, распрыгали кто куда.

Сергея, успевший схватиться за крепко приделанный к полу столик, устоял на ногах. На камбузе было очень печально. На душе закипали эмоции. Кроме обиды, к ним примешивалось ощущение грядущей кратковременной голодовки и разочарование от кулинарных утрат.

– Да что это такое! – завопил Сергей, пиная кастриюлю и с чувством невосполнимой потери глядя на рассыпанную по полу картошечку. – Ведь невозможно уже так больше! Я жалобу подам в Земной Совет!

Он сорвал с себя фартук и оскальзываясь на вареных и жареных продуктах, валявшихся на полу, побрел к выходу. Но вспомнил, что забыл выключить плиту. На ее раскаленных докрасна крутящихся корчились остатки борща и картошки, превращаясь в окалину. Казалось, что плита горестно мигает, потеряв посуду.

– Черт! – Сергей вернулся и выключил конфорки. – Все вручную! В двадцать втором веке! Как дикари пещерные. Скоро и телефоны отменят, будем с барабанами бегать, азбуку Морзе учить! Довели Землю луддиты-паразиты.

Войдя в рубку управления, он плюхнулся в штурманское кресло. Командир транспортника Марс Олекович покосился на него и промолчал.

– Консервы на обед, – Сергей, не зная куда выплеснуть злость с души, начал щелкать кнопками на пульте управления. – Консервы. А борщ и картошечка на полу. Я так и знал.

– Ну что же сейчас делать? – Марс Олекович аккуратно убрал серегины руки с пульта. – Поедим консервов. Блуждающая яма. Ничего страшного.

Сергея похлопал ладошками по ручкам кресла, успокаиваясь. Поднялся, криво усмехнулся, глядя на экраны, и вышел.

Поскольку на камбузе есть было невозможно, он открыл банки с консервированной рыбой, мясом, и вывалил их содержимое в чашки, поставив их на поднос. Туда же, к чашкам, Сергей положил свежих овощей, зеленого лука, кинзу, укроп, несколько толстых ломтей душистого пшеничного хлеба и поставил солонку.

Взяв поднос, штурман «Веселых земляков» пошагал в рубку.

– Придется здесь обедать, – сказал он Марсу Олековичу.

Тот молча кивнул, принял поднос и аккуратно поставил его на пульт управления.

– Сейчас попить принесу, – Сергей вышел и вскоре вернулся, неся две кружки с молоком.

Их также разместили на пульте, среди кнопочек и лампочек.

Есть начали молча, придерживая чашки, все-таки пульт – это не обеденный стол.

Вдруг мигнула синяя лампочка, Марс Олекович бросил ложку и потянулся к засиявшим квадратам, но тут вспыхнула красная, снова синяя, корабль содрогнулся и резко дернулся. Вся еда с подноса полетела на пол и на пульт. Разлившееся молоко попало в различные щелки. Контакты стали коротить, в рубке запахло горелым. Вскоре основное освещение погасло, тускло засветилось аварийное. «Веселые земляки» потерял ход.

Сергея ударил кулаком по пульту, вскочил и начал прыгать, топчя продукты.

– Нет, ну это же кошмар! Снова яма! И снова не успели, – завыв он. – Я требую нормальной жизни! Где роботы, где великолепные компьютеры?! Остаемся, или чего?! Я больше не могу-у-у-у!!!!

– Хорошо, – Марс Олекович вздохнул. – Эвакуируемся.

ДОМА

Под Саратовым светило солнышко. Было тепло и уютно. Темная волжская вода шуршала на песчаном берегу. Сергей упер руки в бока, огляделся, сплюнул и пошагал к двухэтажному коттеджику, стоявшему метрах в пятидесяти от берега.

Константин Павлович Бахарев родился 9 августа 1966 года в Перми. Окончил Нижегородскую высшую школу МВД СССР в 1991 году, специальность «юрист». Специальная подготовка – «оперуполномоченный ОБЭП».

Работал оперативником, начальником отделения БЭП, начальником криминальной милиции городского отдела внутренних дел, начальником учебного цикла в школе ГУФСИН. Несколько лет после этого работал старшим государственным инспектором рыбоохраны. Сейчас работает журналистом.

Марс Олекович уже стоял на крылечке и поджидал товарища по неудавшемуся перелету.

– Хватит уже злиться, – командир открыл дверь и зашел внутрь дома. – Давай звони в штаб полетов, пускай ремонтников с тягачом высылают.

– Звони, звони, – пробурчал Серега. – Сейчас я им всю правду скажу.

Он сел на полированный стол из темного дерева и подвинул к себе телефон.

– Вот объясни мне, Олекович, – он слез со стола, подошел к полкам в углу комнаты, и начал там копаться. – Почему телефон-то допотопный такой? Почему надо пальцем, – Серега поднял вверх указательный палец. – Пальцем надо крутить диск. Восемнадцать цифр, между прочим! А ошибся, снова крути. А занято, снова крути. Ведь были раньше телефоны, с кнопками, или вообще на голос реагировали. Ну что за мучения такие! И в штаб вход запрещен, а то бы я им в лицо прямо сказал.

Найдя записную книжку с номерами телефонов, Серега полистал странички, остановился и начал набирать номер, морщась при этом от жужжания, который издавал вращающийся диск.

– Алло, алло, штаб! – завопил он в трубку. – «Веселые земляки». Да, потеряли управление около альфы Бегемота. Груз – гвозди. Да, да, гвозди. Ясно, спасибо.

– Сказали, через неделю вышлют ремонтников, – Серега положил трубку и брезгливо отодвинул телефон. – Нет, надо что-то делать. Я понимаю, законы есть законы, но предел-то должен быть какой-то.

– Нормально все, – Марс Олекович пошагал на кухню. – Ты же знаешь, не нравятся законы сохранения человечества, отправляйся к марсианцам. У них и компьютеры, и роботы. Сиди себе на лавочке, и жирей.

Серега потащился за командиром.

– Нет, ну я понимаю, – он открыл крышку подполья и полез вниз. Из подземелья глухо доносился его голос. – Надо больше шевелиться, соображать самим. А где морковь? А, нашел.

– Так вот, – продолжил он, выставив на пол ящик с картошкой и морковкой. Закрыв за собой подпол, Серега отряхнулся от пыли. – Первая тройка законов нормальная. Не курить, делать по утрам зарядку и есть побольше овощей и фруктов. Но дальше-то садизм идет.

Марс Олекович молча вручил ему нож и пакет для очистков. Серега присел на табуретку и начал скоблить корне- и клубнеплоды. Командир набрал воды в кастрюлю, достал из холодильника мясо и начал резать его на небольшие кубики.

– Нельзя пользоваться приборами для вычисления в личных целях, все столбиком умножать или делить, – загугнил Серега, строгая картофель. – Всю ручную работу надо делать руками. Даже шуруп в стенку, и то отверткой крутить, если в личных целях. Но ты скажи, почему в космосе-то тоже ограничения все эти действуют. Ведь были же раньше пакеты такие, которые кинешь в ящичек. Они согреваются, и еда готова. А сейчас все готовить вручную надо. Картошку чистить, с морковкой и луком.

Он бросил очередную очищенную картофелину в специально подставленную Олековичем кастрюлю и посмотрел на командира.

– А куда тебе спешить, Серега, – Марс Олекович вывалил мясо в воду и сполоснул руки под краном. – Жить тебе еще как минимум тысячу десять лет, да и не только на Земле, вся Вселенная открыта. Прыгать с планеты на планету очень просто стало. Подумал только и там, где хочешь, оказался. К тому же вполне вероятно, что бессмертие изобретут. И что, сидеть на месте и просто жрать все время?

ДИМКА И ПОДВОДНАЯ ОХОТА

Вдруг запищал висевший на стене экран.

Серега вздохнул, встал с табурета, подошел к телевизору и нажал кнопку включения. На экране появилась упитанная физиономия его приятеля – Димки, два года назад ушедшего к марсианцам.

– Привет покорителям галактики, – заорал Димка и помахал рукой. – Все таскаетесь по черным глубинам космоса? Не надоело еще? Слышал, слышал про аварию вашу. А чего вы это делаете?

Серега вернулся на табуретку и продолжил чистить картошку.

– Чего, чего, – ворчливо ответил он. – Картошку с мясом сейчас потушим. А вечером на рыбалку пойдем. Олекович бредень новый связал, испытаем его в заливчике.

– Трудяги, – захохотал Димка. – Делать вам нечего. Эй, бандура железная, иди сюда, – позвал он кого-то невидимого для Сереги. На экране появился робот. – Поджарь мне картошки с луком, и мяса сделай по-венециански. Давай, пошел!

Марс Олекович помотал головой и вышел из кухни. Серега скептически улыбнулся.

– Вот, смотри, Серега, – Димка отвел телекамеру на робота. – Пять секунд, и готово.

Робот вываливал в черную коробочку из пакетиков разноцветные порошки, смешивал их и разводил маслянистой жидкостью. Тщательно перемешав все ингредиенты, он вылил получившуюся бурду на большую тарелку и закрыл пленкой. Через пару секунд пленка лопнула, и на тарелке оказалась горка поджаренного и аппетитного даже на расстоянии картофеля. Робот достал откуда-то еще один пакетик, вскрыл, и высыпал из него на другую тарелку зеленоватый порошок. Также закрыл пленкой, и через несколько секунд там появилось мясо по-венециански.

– Понял, нет, Серега, – Димка начал кушать. – Вот это нормально. Не то что вы, мучаетесь там с сырыми овощами. Давай к нам, не пожалейте.

Серега закончил чистку овощей, промыл их и начал нарезать кубиками.

– Я дельтаплан собрал, – сказал он. – Сам, по чертежам. Завтра облетывать буду.

Димка погрузтел. Понюхав мясо, бросил его на пол. Мелькнула тень робота, ликвидировавшего беспорядок.

– Серега, – Димка медленно вывалил картошку на стол и стал водить по нему вилкой. – Я тоже на рыбалку хочу.

– Жирных не берем, – ответил Серега, моя руки. – Балдей там со своими роботами, жиртрест.

– Серега, – Димка огляделся и заговорил шепотом. – Я зарядку начал делать, чтоб себя в порядок привести. Книжку читаю – «Основы радиотехники». Как думаешь, пустят меня обратно?

– Посмотрим, – сурово ответил Серега. – Уйти к марсианцам легко, а вот вернуться к нормальным людям не так просто. Помнишь правила? Первое – будь здоров и крепок, второе – умей делать все сам, и третье – не кисни мозгами. Как у тебя с этим?

– Пока никак, – Димка вздохнул. – Надоело все. На подводную охоту хочу, а неуклюжий стал, ничего не получается. Ну ладно, пойду на тренажеры, жир скачивать. Пока.

– Ну, пока, – попрощался Серега и начал снимать серую пену с варившегося мяса.

На кухню зашел Марс Олекович. Он принес свежего, только с грядки лука, щавеля и укропа.

– Окрошку будем делать, – сказал он и достал с верхней полки кухонного шкафа большую банку, наполненную темной мутной жидкостью, в которой плавали какие-то комочки. – Кажется, и квас уже готов. Ядреный получился, – похвалил Марс Олекович, отпив глоток. – Еще бы, на черном хлебе, с изюмчиком. Ну, чего, Сережа, к марсианцам пойдешь?

– Да ну их к черту, – Серега достал сито, чтобы процедить квасок. – Без роботов проживем. Вон, Димка уже чуть не ревет, обратно просится. Спортом занялся, книжки читает.

Марс Олекович улыбнулся.

– Нормальные люди должны сами все делать, – сказал он. – А то с этими домашними машинами жиром зарастешь, жиром проживешь, и протухнешь в конце концов.

– Это точно, – подтвердил Серега. – Пойду я чан для засолки рыбы приготовлю. В новый бредешок должно много попасть. Люблю я чехонь вяленую, да с домашним пивом. Красота!

Ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал

УРАЛЬСКИЙ следопыт

73 413											
<small>(индекс издания)</small>											
<small>количество комплектов</small>											
на 2011 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12
Куда											
<small>(почтовый индекс)</small>						<small>(адрес)</small>					
Кому											
<small>(фамилия, инициалы)</small>											

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

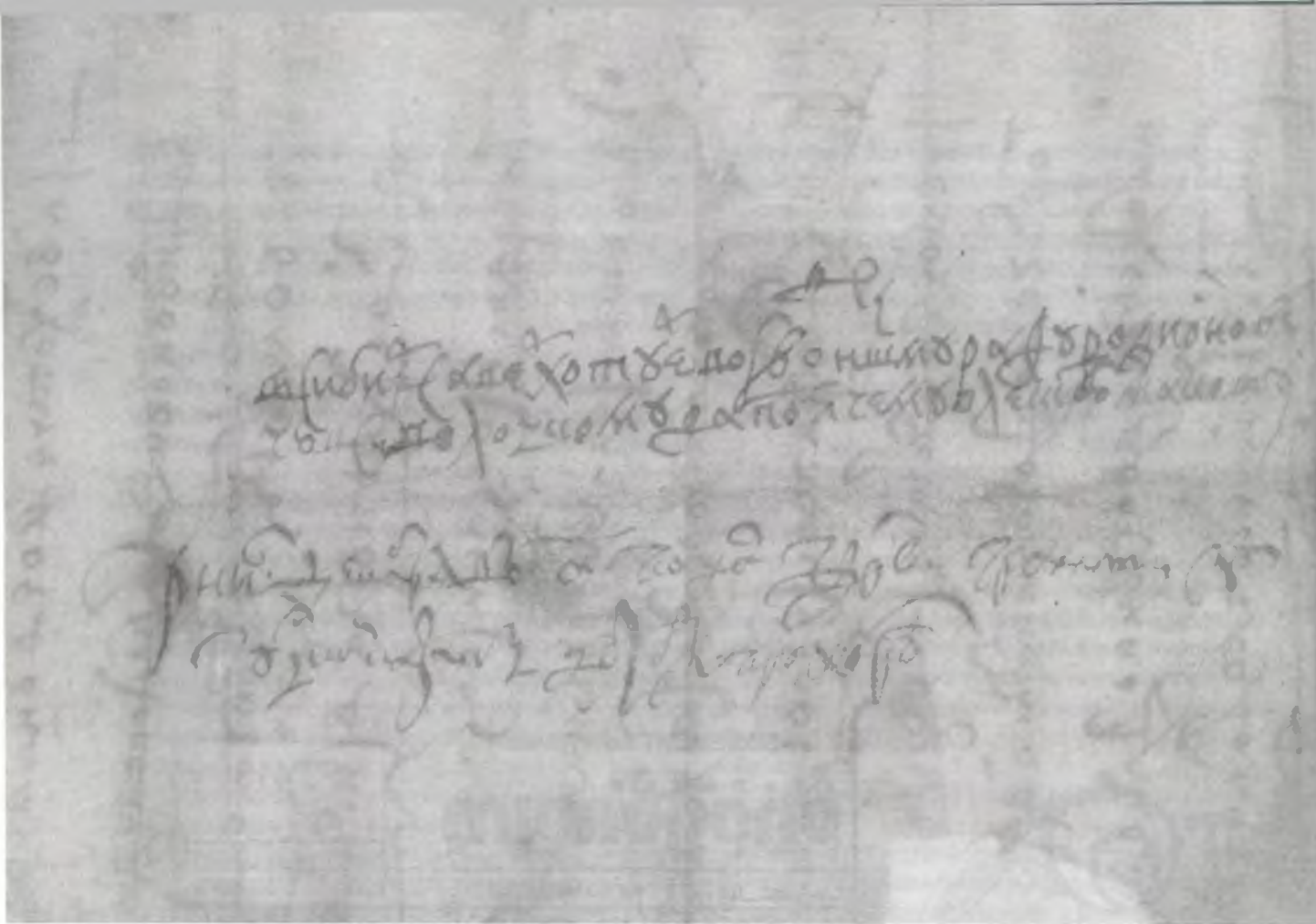
ПВ		место		литер		на журнал		73 413	
								<small>(индекс издания)</small>	

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Стоимость	<small>подписка</small>	_____ рублей _____ коп	<small>количество комплектов</small>								
	<small>пере-адресовки</small>	_____ рублей									
на 2011 год по месяцам											
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда			
<small>(почтовый индекс)</small>		<small>(адрес)</small>	
Кому			
<small>(фамилия, инициалы)</small>			

Свиток Верхотурский дл. 3м 60,5 см (фрагмент, оборот)

Ян КУНТУР

Иллюстрации предоставлены автором

Государево вино

...Речушку, вдоль которой скользит санный обоз, полностью завалило снегом. Определишь ее разве что по каменистым увалам берегов, резко выпирающим из белого... Да уж, зима будет в этом году снежная и морозная, если начало такое... Когда перебирались через Камень, ветрище так и пластал беспрерывно, сбивая с ног коней, обжигая до черной коросты щеки и носы, заметая и без того узкую, так что и двое саней-то не разойдутся, государеву Солькамско-Верхотурскую дорогу (или Бабиновскую – у местных). А потом начались сплошные пустоши и кручи да глухомань таежная со всех сторон... Ну, дикими лесами нас – сургутских казаков – не удивишь: пока до своего острога доберешься, этого добра вдоволь насмотришься. А вот

кручи каменистые – всегда неожиданны и тревожны, так и кажется, что вся эта махина рухнет на головы вместе с вцепившимися невесть как в скалы деревьями... А то вдруг примерещится сквозь метель, что и не круча вовсе виднеется, а будто надвигается на тебя, завывая в ветре, какой-то громадный инородческий демон... Чур его!

Но ничего, не много нам уже осталось на сегодня. Вот и еще одно вогульское селение позади...

Да, Володька Прохоров, вот и подивился ты, наконец, на царев град, будет что порассказать за чаркой в государевом кабаке. Хорошо, что доверяет еще тебе воевода – послал во главе всего ясачного обоза. И ведь везучий же ты, однако, что ни говори, а не в пример другим, на этот раз путь удался без происшествий. Ведь чего только в дороге не навернется, по рассказам своих же, бывалых. Вот и прошлый обоз еле отбил на Яйве от разбойных... Слава Богу, нынче без потерь

Ян Кунтур – литератор, краевед, журналист. Родился и живет в Перми. Окончил Пермский Гос. университет. Работает литературным редактором журнала «Автограф 59».

и царского правежа... А обратный-то путь ведь всегда легче едетя...

Ветер все ноет и ноет, высоко так, с гуканьем, и сани ему подскрипывают, как будто где-то далеко какие-то девки тянут под смычок тоскливую песню... да так далеко-далеко... в прошлом... где сейчас только солнце краснеет... По словам проводника-усольца, как из этого леса выедем, так и бревенчатый верхотурский кремль покажется впереди за пустошью над красноватыми обрывами... Скорей бы уж.

А наши попутчики-то торговые все в тревоге: боятся, что залютуют вдруг сибирские таможенники или воевода себе непомерной мзды потребует... Ну, а мне-то чего бояться, хоть и прикупил я мал-мал, но все ж человек государев, при исполнении, вот грамоты царевы везу. Одну в Устюге оставил, другую – в Соли Камской. Теперь настал черед и для верхотурского воеводы Рафы Всеволожского...

Наудачу эта верхотурская грамота царя Алексея Михайловича 1649 года, доставленная сургутским казаком, сохранилась до наших дней и вместе с другими государевыми посланиями составляет трехметровый «Верхотурский свиток», или, по-другому, «столбец», который находится в Государственном архиве Пермского края в фонде №715 («Архивная коллекция свитков». Оп.1. Д.2), являясь особо ценным объектом. Из других текстов свитка она, вместе с еще одной грамотой того же времени, сохранилась наиболее полно и является любопытным документом, иллюстрирующим царскую винную монополию. Причем в грамоте детально описывается поставка царского вина в Сибирь, четко обозначены главные транзитные точки, например, Соликамск, и те люди, на кого это дело возлагалось.

Но, чтобы лучше понять смысл этих документов, нужно хотя бы вкратце описать историческую ситуацию ее появления. То есть представить, откуда пошла государственная винная монополия в России и что она из себя представляла. Ответив для себя на эти вопросы, можно понять и корень российского пьянства, ведь до появления монополии на изготовление и продажу вина такой проблемы в России в принципе не существовало. Древняя Русь пила умеренно, и местом, где это происходило, была корчма-трактир (сродни западному пабу или греческой таверне), где можно было перекусить, передохнуть с дороги и, главное, пообщаться с приятелями, обменяться информацией. То есть это был своего рода общественный клуб, где напиваться было даже как-то стыдно.

Хмельные напитки на Руси (пиво, медовуха) с древности были одним из лучших источников доходов, чем пользовались первые правители. Например, в 945 году в древлянскую дань киевскому князю входила и «медовая дань». А с XI века русичам приходилось платить подати и с солода, переросшие позднее в бражную пошлину (с солода, хмеля, меда).

Собственно водка (вернее, виноградный спирт), ставшая главным объектом винной монополии, по-

явилась в Европе в Средние века, после знакомства алхимиков с арабскими опытами по перегонке. Она считалась лекарством, и ее производили аптекари. В Россию она попадает от генуэзцев в 1386-1398 годах, но уже в начале XV века официально признается вредным зельем и объявляется запрещенной для ввоза. Отношение меняется в 1448–1474 годы, когда открывается способ перегонки спирта из местной ржи, изобильные урожаи которой следовали несколько лет подряд. Так рождается русская водка, или, как ее тогда называли, «горячее (горящее) вино». Иван III, незамедлительно оценив выгоды этого для казны (высокая цена при дешевизне сырья, легкость транспортировки, долгие сроки хранения) вводит в 1474 году первую российскую алкогольную монополию, причем не только на производство и продажу хлебного вина, но, воспользовавшись случаем, и на мед с пивом. С этого времени производство водки становится важной статьёй государственного дохода и находится под жестким контролем. Хмельное разрешалось варить лишь для домашних торжеств, уплатив «явку» (пошлину), но, если заявленное не использовалось в течение пяти дней, оно могло быть изъято.

Но до старта тотального спаивания россиян государством оставалось еще несколько десятилетий. Начало этому положил один из главных «демонов» русской истории – Иван Грозный. Сначала царь полностью запретил под страхом расправы незаконное производство водки, продажу и употребление ее в Москве (не отказав в этом «благ» себе и своим опричникам). После взятия Казани царь, любопытный до всяких полезных казне нововведений, заинтересовался опытом ханского кабака (татар. – постоянный двор, где продаются напитки и еда). Так в Москве на Балчуге (болоте) только для царских людей был открыт первый русский «кабак» – заведение, специализировавшееся на продаже только спиртного, то есть на пополнении казны за счет спаивания.

Успех оказался значительным, доходы огромны, что подтолкнуло царя к мысли о повсеместной замене частных трактиров «царевыми кабаками». Это поручалось наместникам и воеводам. Выгодный почин был продолжен при Федоре Иоанновиче и Борисе Годунове. Последний даже основал приказ Новой Чети, заведовавший кабаками. После запрета на церковное и боярское винокуренье царский кабак стал единственным местом легальной продажи спиртного, через него все доходы от продажи спиртного шли напрямую в казну.

На местах кабацкими сборами и питейным делом (постройкой кабаков, производством спиртного, его продажей) руководили таможенный и кабацкий головы с «товарищами» (заместителями), выбираемые на каждый год посадско-городскими и уездно-волостными общинами из торговых и первостатейных людей. У них в подчинении были заведовавшие сырьем, товаром и казной целовальники. Все они присягали в церкви и целовали крест за честное служение государю. Выручка хранилась в опечатанном кабацким головой ящике. Плата принималась только медя-

ками и без сдачи. Деньги сдавалась по указу воеводы ежедневно или ежемесячно, после записи в «отпускную книгу». Периодически приходилось являться для отчета в Москву вместе с денежным ящиком, записями и с целовальниками, для очного свидетельства.

Но хотя кабацкий голова и имел неограниченную власть, он ничего не имел от казны – это была как бы общественная почетная служба. Позднее, правда, государством было положено жалование, но оно было мизерным. То есть сама ситуация подталкивала к хищению: и целовальники, и кабацкие головы, и надзиравшие за ними воеводы воровали как могли. Но если доходы были значительны, на прочее закрывали глаза. При этом каждый раз требовали прибыли еще более высокой, чем прежде. За недоборы следовало наказание-правеж, а за увеличение нормы – царский дар – позолоченный кубок, украшенный гербами. Понятно, что все головы и целовальники стремились всеми правдами и неправдами, не брезгуя ничем, заманивать клиентов и выжимать все, что было в их карманах. Клиента старались довести до состояния, когда он уже не обращал внимания на траты. Поэтому в кабаках не подавалась закуска. А для завлечения «питухов» при них находились «записные пьяницы», которые на улице перед заведением, цепляясь за одежду прохожих, соблазняли их зайти, описывая прелесть вина, его дешевизну. Внутри они раззадоривали, ссорили, мирили и подбивали к продолжению выпивки, пока клиент не снимал последнюю сорочку. Если у состоятельного гостя не было наличных – хмельное охотно отпускалось в долг или под заклад. Многие лишились через это нажитого трудом или доставшегося от предков добра, домов, земель. Пьянство тотально росло, а казна богатела.

Во время Смуты царевы кабаки опустели, но их опыт переняли другие охочие до быстрой наживы. Водка стала первым предметом купли-продажи. Пьянство обрело уже чудовищные размеры. Грабежи, разбой, убийства срывали с насиженных мест, вводили народ в смятение и намертво привязывали к кабакам. Сильный находил здесь удовлетворение страстей, слабый превращался в «кабацкую голь», лишенную убеждений и веры. Не прекратилась эта национальная деградация и по окончании Смутного времени, когда «дикие» кабаки снова сменились царскими, уже открыто спаивающими народ. Питейные сборы по доходу были на первом месте среди всех прочих налогов.

Но казне казалось этого не достаточно, и с середины XVI в. стала применяться заимствованная в Византии система «откупов». Частным лицам за плату, вносимую в определенный срок, давалась своеобразная «лицензия» на изготовление и продажу спиртного. Цены и количество они могли устанавливать сами. Это приводило к еще большему пьянству, кабацким задолженностям и обнищанию. Спивались уже целыми деревнями... Но в самом народе наконец-то пришло осознание происходящей катастрофы, пошли челобитные о закрытии кабаков. Патриарх запретил обряд крестоцелования, не веря в клятвы голов и целовальников. Кабацкие долги, срывы из-за пьянства посевных, обнищание населения вылились в 1648 г. в Москве и других городах в «кабацкие» бунты. После их подавления царь Алексей Михайлович в 1649–1650 гг. созвал Земский собор о кабаках, где были отменены откупа, приняты новые законы, и даже само крамольное слово «кабак» заменено на «кружечный двор». Именно ко времени между бунтами и собором относятся публикуемые ниже грамоты.

Царские грамоты

(ГАПК. Ф.715. Оп.1. Д.2. Писцовые копии. Уставная скоропись)

1.

«От царя и великого князя Алексея Михайловича в Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Рафу Родивоновичу Всеволожскому да подьячему Олексею Маркову.

По нашему указу велено послать в Сибирские города из Казани с казанских кабаков две тысячи ведр вина, да из Нижнего Новгорода с нижегородских кабаков три тысячи ведр вина, и обоего – пять тысяч ведр вина горячего – до Соли-Камской – в су[дах]...

Нижегородское вино для отмер[а] с нижегородским целовальником, а казанское вино с казанскими цел[о]вальниками и с провожатыми. А от Сол[и]-Камской то казанское и нижегородское вино – пять тысяч ведр – велено отвезти на Верхотурье усольцам и чердынцам посадским и сошным людям и отдать вам на Верхотурье.

И о том от нас к Соли-Камской к стольнику нашему и воеводе ко князю Петру Прозоровскому писано. И в ны-

нешнем же во 7158-м (1649) году октября в 9-й день писали к нам из Казани боярин наш и воевода Глеб Иванович Морозов с товарищи, что они из Казани казанское вино – две тысячи ведр – отпустили к Соли-Камской с казанцем, сыном боярским, с Прокофьем Барсуковым да с казанскими целовальниками с Ивашком Ивановым с товарищи.

А из Нижне[го] стольник наш и воевода князь Петр Долгорукой да дьяк Иван Чистово писали к нам, что они из Нижнего нынешнею осенью вина послать не успели.

И как к вам ся наша грамота придет, а казанское вино – две тысячи ведр – от Соли-Камской стольник наш и воевода князь Петр Прозоровской на Верхотурье к вам пришлет, и вы б то казанское вино велели от казанских целовальников принять на отмер (между строчек: и в то ведро, которое нами из Казани послано) верхотурским целовальникам. А приняв, велели то вино поставить в нашем казенном амбаре и беречь до нашего указу.

А в которые Сибирские города с Верхотурья то вино послать и о том к вам будет вперед писан на Москве.

Лета 7158-го (1649) октября в 20 день».

2.

«От царя и великого князя Алексея Михайловича в Сибирь на Верхотурье воеводе нашему Рафу Родивоновичу Всеволожскому да подъячему Олексею Маркову.

Писано от нас к вам на перед сего: по нашему указу послано в Сибирские города из Казани с казанских кабаков две тысячи ведр вина горячего [и] в меденой спуск с нашего московского новые чети с приемочного с казенного ведра – до Соли-Камской в судех водяным путем с казанскими целовальниками с провожатыми. А от Соли-Камской велено то вино отвезти в Сибирь на Верхотурье Соли-Камской и чердынским посадским и уездным сошным людям по нынешнему первому зимнему пути. А на Верхотурье то вино велети б вам принять у казанских целовальников верхотурским целовальникам на отмер в то же присыльное меденое ведро и устроить в амбарех до нашего указа.

И ныне указом есме то вино с Верхотурья послать в Тоболеск с верхотурскими же целовальниками. И присыльное меденое ведро, которое с тем вином на Верхотурье из Казани прислано для отмеру, послать в Тоболеск с тем же вином вместе.

А в Тобольску и до всех Сибирских городех и острогах указали есмь то вино продавать тутошним сибирским служилым, и жилецким, и приезжим торговым, и промышленным, и всяким людям по три рубли ведро.

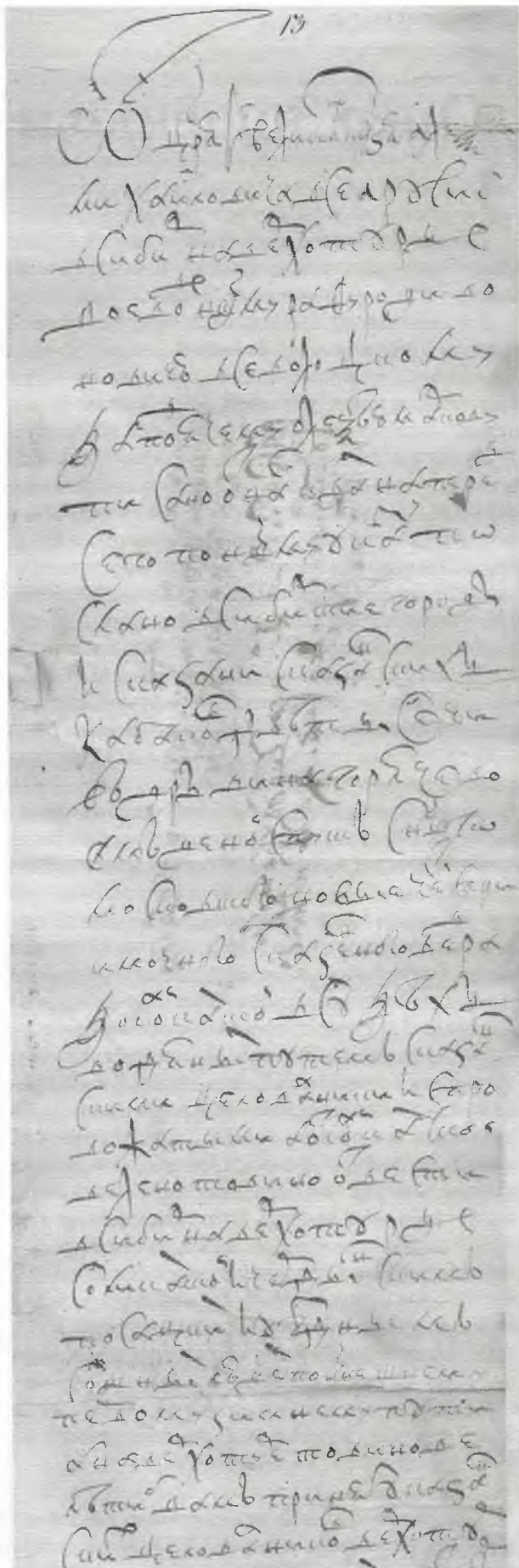
А сколько ведр того вина продать в Тобольску и из Тобольска в иные Сибирские города послать, о том от нас писано в Тоболеск к стольнику нашему и воеводам, к Василью Шереметеву с товарищи, и росписи под нашу грамотою, к ним посланной. А по росписи довелось того вина послать из Тобольска в Туринской острог – восемьдесят ведр, на Пелым – двадцать ведр, на Тюмень – двести ведр.

И как к вам ся наша грамота придет, и вы б того нашего казанского присыльного вина послали нынешним зимним путем с Верхотурья: в Тоболеск с верхотурским добрым сынами боярскими, служилыми людьми и целовальниками – тысячу семьсот ведр; в Туринской – восемьдесят ведр; на Пелым – двадцать ведр; на Тюмень – двести ведр, на ямских подводах незамотчав некоторыми делы.

Да и присыльное меденое ведро послали б есте для отмеру в Тоболеск. А в Туринской, и на Пелым, и на Тюмень с того присыльного меденого ведра послали деревянные спуски заорля и велети то вино в Тобольску, и в Туринском, и на Пелыме, и на Тюмени.

И в Тоболеск к стольнику нашему, и воеводам, и к дьякам о приеме того вина писано ж. А в котором числе и с кем имяны целовальники то вино и меденое ведро в Тоболеск, и в Туринской, и на Пелым, и на Тюмень – спуски пошлете, и вы б о том писали к нам, к Москве. А отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичу Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову.

Писал на Москве лета 7158-го (1649) декабря в день».

Свиток Верхотурский дл. 3м 60,5 см (фрагмент)

Опер Зоценко и сыщик Пушкин

Два с лишним века тому назад, в сентябре 1802 года, было официально провозглашено создание министерства внутренних дел Российской империи.

Его возглавили выдающиеся государственные деятели того времени: министр – граф Виктор Павлович Кочубей, начальник канцелярии – Михаил Михайлович Сперанский. Показательная деталь: тогдашним МВД с 1804 по 1809 годы выпускалось первое в истории России полицейское периодическое издание, носившее название «Санкт-Петербургский журнал». В нем сотрудничали не только руководители министерства Кочубей и Сперанский, но и сам император Александр I. С 1809 по 1819 годы МВД издавало официальную газету «Северная почта», выходившую два раза в неделю. Все это способствовало координации действий низовых подразделений полиции, внедрению в ее деятельность передовых методов криминалистики и достижений других наук.

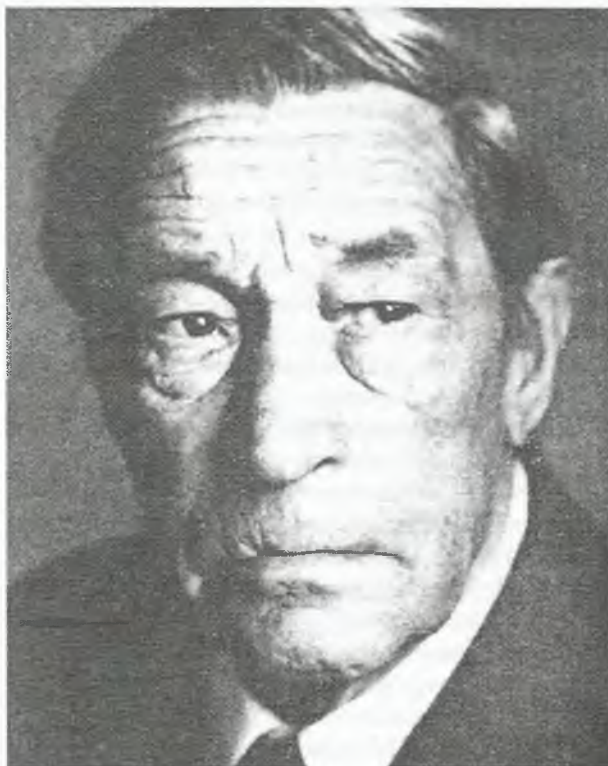
С созданием централизованного МВД в стране значительно улучшилась криминогенная обстановка. В 1853 году на полмиллиона жителей Санкт-Петербурга было совершено всего 5 убийств, 6 ограблений и 1260 краж.

В Екатеринбурге и других городах Урала той поры убийства были вообще большой редкостью.

Во второй половине XIX и начале XX века в нашем Отечестве имелись свои выдающиеся сыщики – такие, как Иван Демидович Путилин, возглавлявший полицию столицы на протяжении 23 лет, и Аркадий Францевич Кошко, при котором Российская сыскальная полиция в 1913 году на международном съезде криминалистов в Швейцарии была признана лучшей в мире по раскрытию преступлений. Немало новшеств из практики работы русских сыщиков той поры взял себе на вооружение английский Скотланд-Ярд. Некоторые из них не утратили своей актуальности и по сей день.

После двухсотосьмилетия со дня создания имперского МВД мне хотелось бы взглянуть на нашу милицию под не совсем обычным ракурсом.

До недавней поры было принято считать, что сотрудник милиции – это некий железобетонный, сухой служака, умеющий только хватать, не пущать да сажать в кутузку. Я попытаюсь опровергнуть это за-

Правнук великого поэта Григорий Григорьевич Пушкин

блуждение. Не все знают, что в двадцатые годы XX века в Одесском уголовном розыске работал один из авторов самых смешных романов «12 стульев» и «Золотой теленок» Евгений Петров. Повседневное общение с далеко не лучшими представителями нашего общества вдохновило его на создание образа наглого, но веселого прохиндея своего времени – Остапа Бендера. В эти же годы в Ленинградском уголовном розыске трудился сыщиком будущий выдающийся советский писатель-сатирик Михаил Зоценко. Сталкиваясь по долгу службы с прототипами своих будущих антигероев, он создал такие произведения, которые еще при его жизни стали классикой. Перед Великой Отечественной войной и после ее окончания в московской милиции служил праправнук великого русского поэта Александра Сергеевича Пушкина – Григорий Григорьевич Пушкин. Сценарий к кинофильму «Место встречи изменить нельзя», являющемуся шедевром советского киноискусства,

Олег Владимирович Чернов – полковник в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, бывший «сын полка». До выхода на пенсию – начальник уголовного розыска Свердловского УВД. Автор книги воспоминаний и отзывов «Исповедь сыщика» (Екат., 2010)

Михаил Зощенко

написал следователь московской милиции, в те годы всего лишь лейтенант, Аркадий Вайнер.

У нас на Урале, в Свердловском уголовном розыске, работал рядовым опером один из основоположников документального детектива Сергей Бетев. Поскольку описанные в его произведениях уголовные дела действительно имели место в городах нашей области, а фамилии сотрудников милиции, установивших и обезвредивших злодеев, не были изменены, книги милицейского писателя Сергея Бетева «Без права на поражение» и «Иду по следу» сразу стали бестселлерами.

В пятидесятые годы в Орджоникидзевском отделе милиции Свердловска набирался жизненного и профессионального опыта молодой лейтенант Борис Марьев, ставший впоследствии широко известным поэтом. Его стихотворение «Я работал в угрозиске» и сегодня можно увидеть под стеклом на рабочих столах сыщиков нашей области.

Следует отметить, что за последние годы милиционеров мужчин начинают серьезно теснить наши очаровательные женщины. Среди них можно назвать Любовь Силантьеву. С ее отцом майором Иваном Михайловичем Силантьевым я не один год проработал в подразделении по раскрытию убийств УВД нашей области. И вот через некоторое время его дочь, тогда мы звали ее просто Любой, после окончания юридического института начала свою карьеру рядовым сотрудником уголовного розыска. А потом по должности и званию обогнала своего родителя. Сейчас хрупкие плечи этой обаятельной, но решительной женщины украшают золотые погоны полковника.

И особую радость всем российским правоохранным ко дню 200-летнего юбилея отечественного МВД преподнесла следователь из Санкт-Петербурга, майор милиции Оксана Федорова, которая в 2002 году официально признана «Мисс Вселенная», т.е. самой красивой женщиной планеты Земля.

Продолжая эту традицию, наша землячка, студентка Уральского финансово-юридического института Ирина Антоненко в 2010 году была увенчана короной «Мисс Россия» и признана «самой обаятельной и привлекательной» девушкой нашего Отечества. Какую профессию изберет Ирина после окончания вуза, покажет время, но ее родословная накрепко связана с российскими правоохранными. Ее отец Игорь Григорьевич, подполковник внутренней службы, возглавляет многочисленную династию Антоненко, посвятивших многие годы своей жизни обеспечению правопорядка на уральской земле. Мама нашей коронованной красавицы Наталья Владимировна Антоненко в звании лейтенанта ведает обеспечением нашей милиции. Бабушка «Мисс России» Людмила Ивановна и дедушка Юрий Васильевич ежегодно в день своего профессионального праздника 10 ноября с чувством исполненного долга перед народом надевают свои парадные милицейские мундиры, на которых ярким пламенем горят заслуженные ими государственные награды и золотые офицерские погоны.

Поступающие на службу в МВД будущие солдаты правопорядка дают милицейскую присягу своему Отечеству, в которой записаны суровые, но жизненно необходимые слова: «Клянусь, не щадя своей жизни, охранять установленный Конституцией и Законами Российской Федерации правовой порядок». Беспрекословно претворяя в жизнь эти требования, за период с 1993 года 144 работника милиции Свердловской области погибли в схватках с бандитами при исполнении служебных обязанностей. Шестерым из них посмертно присвоено высокое звание Героя Российской Федерации. Считаю своим долгом назвать этих офицеров милиции поименно: лейтенант Александр Геннадьевич Монетов, старший лейтенант Дмитрий Борисович Слинкин, полковник Леонид Григорьевич Валов, майор Владимир Евгеньевич Ласточкин, старший лейтенант Олег Евгеньевич Варлаков, майор Виктор Степанович Чечвий.

Склоняясь перед мужеством сотрудников, павших в борьбе с преступниками при защите прав граждан России и Конституционного правопорядка, я посвящаю им эти слова:

*Мы обычные парни, не боги.
Не штурмуем мы звездных вершин.
Но по первому зову тревоги
Мы к вам, люди, на помощь спешим.
Может, ждет нас смертельная схватка,
Но с дороги друзья не свернут,
Ведь солдатами правопорядка
Нас с тобою не даром зовут.*

Чайковский: «хочу своей музыки» (впечатления разных лет)

Иногда перебираю грамзаписи личной фонотеки. Вот он, мой любимый Петр Ильич Чайковский. Почти все его оперы, три восхитительных балета, четыре из шести симфоний, концерты, камерная музыка, романсы...

Слушаю бессмертную музыку и сразу представляю автора на Урале. Не маститого, а юного, совсем еще мальчика Петрушу.

АЛАПАЕВСК. В 1962 году я работал литсотрудником в сельской алапаевской газете «Искра» и каждый день проходил в редакцию мимо особняка семьи Чайковских – каменного здания середины XIX века, где раздавались фортепианные звуки детской музыкальной школы (ныне – дом-музей П.И.Чайковского). Память уносила в 1849 год, когда глава семьи, седоголовый, седоусый отставной генерал-майор с пенсией Илья Петрович Чайковский прибыл управлять Алапаевскими заводами наследников Яковлева. А где же наш Петечка, девятилетний Пьер? Опять заигрался. Ленив, капризен, раздражителен. Предпочитает одиночество. Никакого сравнения с Петей, жившим в Воткинске. Ах да! Уехала любимая гувернантка Фанни Дюрбах, а старшая сестра Зинаида – нелюбимая воспитательница. Даже мать Александру Андреевну Петя ревнует к старшему брату Николаю, петербургскому примерному студенту. А прежний Пьер, «наш общий любимец», «жемчужина семьи», не узнаваем: не учится совсем, доводит мать до слез. Так и слышу в старых стенах дома, как его журит маменька. А он стоит, плачет. Чувствительный донельзя. Чуть что, так в слезы. Ну нет твоей любимой Фанни. Что подделаешь! Нельзя же так убиваться. Вот новая гувернантка приехала, Настасья Петровна Петрова. С новой наставницей он благоразумнее. А еще приехала в Алапаевск семья Шоберт. Их старшая дочь Амалия – любимый товарищ детства Петра Ильича. Вместе с младшими Чайковскими – Александром и Ипполитом – составила компанию Петруше, где он стал заводилой, фантазером игр. Прощай, Петино одиночество! Чего они только не вытворяли! Горные склоны заменили храмы, где сжигались жертвоприношения, доставленные другими детьми, – морковки, огурцы, горох и прочее. Большую часть принесенного жрецы съедали. А еще

Петя так забавно разыгрывал музыкальные пьесы своего сочинения, и так высоко ценили все это маленькие слушатели, что, покидая Алапаевск, Пьер оставил им «Законы игры», коим надлежало следовать в его отсутствие.

Теперь я живу в Туринске, а дом Чайковских после двух лет капремонта преобразился. Новая крыша, новые трубы, новая система вентиляции и освещения. Теперь это музей. Перед одноэтажным домом с двухэтажным серединным возвышением – копия памятника П.И.Чайковскому в Москве перед зданием консерватории работы скульптора В.И.Мухиной. Кажется, будто скульптурный композитор повелительным жестом призывает к тишине, вот-вот взмахнет рукой, и польется музыка. Конечно, макеты прежних комнат Чайковских, сделанные основательницей музея, музыкантом и художником Верой Борисовной Городилиной, лишь условно передают реальность. Но все же попробуем оживить предметы воображением.

В кадках вьется, поднимается кверху плющ, который посадил цветком, покидая Алапаевск, Петя Чайковский, и потом справлялся о нем в многочисленных письмах на Урал. А вот две люльки в детской комнате для маленьких Чайковских – Модеста и Анатолия, родившихся в Алапаевске. Скорее всего, не такие были колыбельки более полутора веков назад, но похожие. Их иногда покачивал Петя. Баюкал малышей. А это что? Механический орган? Прообраз вывезенного отцом из Петербурга. Его звуки – первое сильное музыкальное впечатление Петра Ильича. Слушал и не мог наслушаться. Несказанное наслаждение, святой восторг вызывала музыка Моцарта – ария Церлины и другие фрагменты из «Дон Жуана», творения великих итальянцев Россини, Беллини, Доницетти. Получив от матери элементарные понятия о музыке, Петя с пяти

Юрий Иванович Ключников, историк и краевед, живет и работает в Туринске Свердловской области. Он автор множества очерков, исследующих в научно-популярной форме богатейшую историю Туринского края, ее связь с историей России. Большая часть его очерков украсила страницы «Уральского следопыта».

Дом-музей Чайковского. Вид из сада.

лет верно подбирал на фортепьяно услышанное на оркестрине. Когда запрещали быть около инструмента, на чем попало перебирал пальцами, немым брэнчанием даже разбил стекло оконной рамы, очень сильно поранил руку. Ночью долго не мог уснуть. Возбужденный, с блестящими глазами, плакал. «О, эта музыка! Избавьте меня от нее! Она у меня здесь, – указывал на голову, – она не дает мне покоя! Для чего только он сотворил меня, всемогущий бог».

В нынешнем алапаевском доме-музее Чайковского стоит шикарный рояль со свечами. Такого не было у мальчика Пети, но был тот, о котором десятилетний Петя написал бывшей гувернантке Фанни Дюрбах: «Никогда не покидаю фортепьяно, которое очень радует меня, когда я грустен».

Жизнь в маленьком уральском городке не лишена прелестей. Петино лето проходит в лесу среди грибов и ягод. Купание в студеной Нейве. Переговоры с эхом в скалистом ущелье, обрамленном строгим пихтовым лесом. И будто уже не к старому, а новому, нынешнему роялю окрепший, загорелый Петя сейчас подойдет и переиграет клавиры симфоний Моцарта, Бетховена, Шумана. Рояль не умолкает. В гостиной громоздятся кипы нот. На веселых детских праздниках под руководством неутомимой сестры Зины Петя вместе с другими детьми поет, играет на разных ин-

струментах, показывает домашний театр, читает свои стихи.

Двухлетнее пребывание в Алапаевске – первый самостоятельный шаг к собственному большому музыкальному творчеству.

КЛИН. В Москве я был недолго – месяц на учебе. Но не посетить дом-музей П.И.Чайковского в Клину невозможно. Из подобия зеленолистной ниши, под аркой лестниц мостового перехода в город на перроне вокзала – знакомый образ. В черном металле на охристом мраморе. «Голова дипломата или русского офицера. Бакенбарды и квадратная бородка. Открытый лоб, костистый, углубленный посередине большой поперечной морщиной: выпуклые надбровные дуги; взгляд пристальный, неподвижно устремленный прямо перед собой и в то же время как бы внутрь себя». Удивительно точен Ромен Роллан.

«Здравствуйте, Петр Ильич! Дорогой Чайковский!» – как будто он жив и услышит. Но... Такое ощущение, что смотрит он не на снующих пассажиров электрички, а только на меня.

Подмосковный Клин – весь волнительная, трепетная, проникновенная музыка русского гения. Будто бесконечный нотный стан – решетка металлической ограды дома-музея. И тишина – словно все шумы мира сговорились не касаться укромого парка. Но тишина ли это для музыкальной души? Будто со мной и ни с кем другим переговариваются языком мелодий Чайковского «скрипки» – аллеи из лип, «виолончели» белоствольных берез, «флейты» ландышей, любимых цветов композитора. Доверчивый мир «покойного, тихого угла для работы», сотканный благоуханными цветами, шелестом листвы, щебетом птиц в уснувшем воздухе.

Воздействие подлинности непередаваемо. Кажется, Чайковский вышел, скоро вернется. Ноты, книги, портреты, мебель хранят тепло хозяйских рук. В военное лихолетье они спасались от фашистских оккупантов в Воткинске, на родине чародея музыки. А солдаты рейха держали в мемориальном доме гараж для мотоциклов, шорную мастерскую, казармы? Не сон ли? Не сон. Было. Но все восстановлено с такой любовью, тщательностью, словно и не было.

Иностранцы ездят сюда, как паломники в Мекку. И в тот день я заметил у входа в дом-музей два автобуса Интуриста. Наших тоже немало. По крайней мере, «моя» пестрая компания экскурсантов-учащихся и взрослых слушала экскурсовода с тем жадным вниманием, с каким поклонники внимают любимому артисту.

Я же, обутый в мягкие музейные тапочки, бесшумно скользил по половицам, допытываясь у вещей о жизни их владельца. Голубой двухэтажник, с балконом-фонариком, увенчанный островерхой башенкой с чешуйчатой крышей, затаил дыхание. Зато предметы... Они так многоречивы! Простой некрашенный стол из березы у окна с видом на парк

Рояль композитора.

– в левом углу спальни на втором этаже. Совсем, как в те времена, когда торопливая нервная рука гения писала на нем корректуры партитур оперы «Иоланта» и балета «Щелкунчик», набрасывала музыку на стихи Д.Ратгауза и вокального квартета «Ночь».

Знаменитый «Беккер», подаренный петербургской фирмой музыкальных инструментов в 1885 году, – в кабинете гостинной. Расскажет ли, как отзывались его струны на зов пианиста-композитора «прочсть» вдвоем 18 пьес для фортепиано и только что созданную гениальную Шестую симфонию? Дирижерская палочка другого гения-композитора А.Мендельсона. Только не говорите, уважаемый Петр Ильич, что дирижерская эстафета от него не перешла к вам! А серебряные туфельки с незабудками на носках и нотными строчками по бокам – подарок известной ювелирной фирмы П.Овчинникова? Ах, какие у них воспоминания о премьере оперы «Черевички» 19 января 1887 года в Московском Большом театре! Чернильница, украшенная миниатюрной копией статуи свободы. Ей ли, свидетельнице, не помнить триумфальную поездку Чайковского в США?

Свежий ветерок мелодично (мне кажется, что мелодично) напевает Анданте Петра Ильича с террасы и распахнутого балкона второго этажа. Ловлю аро-

маты солнечной поляны перед мемориальным домом (сколько в ней меланхолии!), провожаю взглядом дорожку, ведущую к беседке (ее доверчивая песня завораживает!) Вторгаюсь в обстановку гостевого домика, напоенную мелодиями его аборигена – С.И.Танеева, любимого ученика и друга Петра Ильича. Мысленно противлюсь роскоши кабинета Модеста Ильича, брата композитора. Неужели ему так уж обязательны были дорогие шторы, искусные интерьеры, чтобы написать трехтомную «Жизнь Петра Ильича Чайковского»?

Насколько же не ценил домашнюю роскошь автор «Пиковой дамы»! Зато каким вдохновением питали его парковые красоты! «Отчего это? Отчего простой русский пейзаж, отчего прогулка летом в России, в деревне по полям, по лесу, вечером по степи, бывало, приводила меня в такое состояние, что я ложился на землю в каком-то изнеможении от наплыва любви к природе».

Не знаю, что и ответить вам, Петр Ильич. Для меня таинство такого рода тоже загадка. Вы простите, что я беседую с вами, как с живым. Но для меня вы живой. Навсегда. К тому же экспонаты мемориального дома столь музыкальны. «Я люблю вас, Ольга», – мысленно поет мне неповторимым голосом С.Я.Лемешева черный изящный

фрак Ленского, в котором великий певец выступал в опере «Евгений Онегин». Очарование «Лебединого озера» исходит от балетной пачки Одетты великой Анны Павловой. Бессмертный «Щелкунчик» звучит в costume Маши знаменитой Екатерины Максимовой.

Продолжать ли? Табличка на входной двери «П.И.Чайковский. Прием по понедельникам и четвергам от 3 до 5 часов». А я приехал в воскресенье. К тому же есть другая надпись «Дома нет. Просят не звонить». Но любоваться природой можно и в неприятные дни. Верно? Хорошо тут у вас! Усадебные постройки. Огородик вскопан. Всюду золотые россыпи солнца среди изумрудов листвы. Свежесть и чистота воздуха не испорчены выхлопами автомашин. А берега извилистой речки Сестры? Прелесть!

«Чем ближе подвигаешься к старости, тем живее чувствуешь наслаждение от близости к природе». Ваша правда, Петр Ильич. Притом вы сами признали: «Жить в деревенском уединении, работать. Много ходить и дышать чистым воздухом – вот условия, необходимые для моего благосостояния».

А все-таки вы рассеяны, дорогой Чайковский. Сами ушли, а дорожные вещи – коробки, сундук, шляпу, перчатки и трость забыли в прихожей. Ну да бог вам судья. Знакомство наше, полагаю, состоялось. Библиотека, рукописи, переписка для меня ценны лишь как прикосновение к вашей жизни, уважаемый Петр Ильич. Главное – незримое очарование вашего творчества, царящее здесь.

Экскурсанты нашей группы, в основном детвора, с удовольствием смотрят в музейном центре видеозапись мультфильма «Щелкунчик» с музыкой Чайковского. Мог послушать его сочинения в зале: приглашали. Почему отказался? Потому что видел, слышал? Как легко объяснить! А если хочется просто побыть мыслями с

замечательным человеком? Для этой цели вполне годится машинально рассматривать буклеты, открытки, значки с видами дома-музея, грамзаписи музыкальной классики в холле музейного центра. И при этом думать о другом. Например, о том, что имела в виду женщина-экскурсовод, рассказав, как внезапно упала от старости, чуть не повредив мемориальный дом, одна из трех любимых берез композитора, вызывавших прилив его творческих сил. Намек на скоротечность бытия, неизбежность забвения? А, может, символ торжества жизни, воспетой необыкновенным мастером? Береза погибла. Но остались еще две. И еще много молодых березок, посаженных новыми поколениями в мемориальном парке.

АЛАПАЕВСК. Как жаль, что нет уже парка на территории алапаевского музея, где любил гулять Петя Чайковский, где родились его первые замечательные мелодии. И Клин напомнил мне о них. Там я увидел музыкальные приложения к журналу «Нувеллист» с нотами фортепианных пьес «Времена года». Откуда столько поэзии в этой музыке сродни народному творчеству? Игривый огонек в камельке гостиной алапаевского дома Чайковских (январь), шумный пестрый масленичный хоровод (февраль), заливиная

песня жаворонка (март), блестит на солнце подснежник (апрель), белые майские ночи чаруют ароматом (май). Хорошо в летний день брести по лесным окрестностям Алапаевска, вбирая в себя солнце, ветер, запах цветущих трав (июнь), слушать долетающие издали песни жнецов и косарей (июль), видеть уборку поспевших хлебов (август); трубят охотничьи рога (сентябрь), осенняя грусть о промелькнувшем лете мальчика из алапаевского дома, под капельный шорох дождя (октябрь); мчится лихая тройка с заливиными бубенцами (ноябрь), веселые святки (декабрь).

В детской комнате алапаевского музея – деревянные солдатки, настольные игры малолетнего Пети, его братьев и сестер. Они напоминают нам детские пьесы для начинающих пианистов, посвященные племяннику автора Володе Давыдову, так называемый «Детский альбом» Чайковского. Слышите в этом «альбоме»? Хлопанье дверей, детский топот, журчащий смех, веселые голоса в алапаевском доме Чайковских. Как на параде, маршируют Петины деревянные солдатки. А вот у сестры Сашеньки глаза на мокром месте, кукла Мари, черноглазая, темноволосая, подаренная тетушкой Настасьей Васильевной, долго болела и умерла. Грустно.

В гостиной хлопнула крышка рояля, льется печальный вальс. Матушка, нарядная, пахнущая пармской фиалкой, с доброй улыбкой на милом задушевном лице играет на фортепьяно, просит детей разделить веселье. Солнечные зайчики разгуливают по дому, пынут жаром растопленные печи, пахнет сосновыми поленьями, мочеными яблоками. Мурлычет в кресле кошка Мурыска, вылизывая своих котят. Как образно эти картинки показаны в музыкальном «Детском альбоме» Чайковского! Белый, как лунь, автор с поредевшими волосами, небольшой ухоженной бородкой, в свежем костюме, бодрый, живой, энергичный для своих лет вдруг превратился в озорного, вихрастого алапаевского мальчика Петю.

Еще раз пахнул на меня Алапаевск Петра Ильича, когда я, будучи туристом, на теплоходе подплывал к берегам Валаама на Ладожском озере. Вдруг раздалась над берегом в грамзаписи мелодия первой симфонии Чайковского, где дыхание сурового туманного края перемежалось с манящим ароматом алапаевской природы.

Вот и все, что я, как житель Урала, хотел поведать о своем любимом композиторе.

фото 1854 г.

Дом композитора в середине XIX века

Инна ГЛАДКОВА

Иллюстрации подготовил Эдуард Гильман

Командировка с непредсказуемыми последствиями

Еще смолоду я мечтала, чтобы каждый день передо мной открывалось много дорог, лучше семь. Прямо пойдешь, влево пойдешь, вправо, чуть правее, как в вещи сказке: если не будешь двигаться и вертеться, что узнаешь о мире, в котором тебя прописала судьба?

И вот весна 1966 года. Меня командировают не куда-нибудь в край непуганых райкомов, а в столицу, да еще на десять дней. Инициатором этой поездки был Свердловский обком комсомола. Готовился съезд молодых передовиков производства Среднего Урала. И кому-то пришлось в голову пригласить в наш город на этот слет знаменитых полководцев Великой Отечественной и всех космонавтов, слетающих к тому времени в Космос. Вот был размах!

Однако кто-то сверху, из Москвы, несколько охладил этот горячий пыл. Только не до конца. Взыграло типичное комсомольское упрямство. Приветствия тех же: Конева, Буденного, Лелюшенко, Малиновского, под чьим началом в разные годы храбро сражалось много уральцев, решили записать на магнитофонную пленку. Само собой – и космонавтов тоже.

Пригласили меня в обком ВЛКСМ. Тебе, мол, и надо всего-то выполнить механическую работу – записать слова знаменитостей. Они – люди говорящие, вспомнят схватки боевые... Ты – профи. Потом эти интервью мы поставим на большой магнитофон, и они по громкоговорящей связи прозвучат здесь у нас на весь зал.

Отказываться от редакционного задания было нелепо. К тому же десять дней погулять по Москве, посетить музеи, концерты и театры!.. Словом, поехать хотелось, но я все-таки поставила условие. Звукозаписывающая техника в то время была на грани фантастики: отказывала в самых ответственных случаях. К тому же магнитофон с микрофоном и комплектом батареек весил 10 килограммов. От постоянного ношения у меня до сих пор одно плечо ниже другого. Но я потребовала для гарантии даже два магнитофона и кого-нибудь в помощь. В качестве «оруженосца» выделили мне крепкого парня

– Александра Тихомирова – сотрудника молодежной газеты. Имя его теперь в журналистском мире довольно известно.

Прибыли мы в столицу, отметились в ЦК ВЛКСМ, поселили нас в гостинице «Юность». Согласно заданию командировки, мы разделили наши обязанности: я договариваюсь о встрече с намеченными людьми, Саша просто гуляет по друзьям-товарищам, а когда надо, срочно доставляет мне в двух вариантах нашу чудо-записывающую технику. Ах, не ведала я тогда, не гадала, в какую авантюру влипла!

В первый же вечер мы попали на грандиозное мероприятие: то была встреча с прославленными военачальниками – участниками битвы за Москву – первого крупного сражения Великой Отечественной, где полки и батальоны Западного, Калининского, Брянского и Северо-Западного фронтов с сентября 1941-го по апрель 1942-го стояли насмерть. Это была важнейшая победа над немецко-фашистской армией – был развеян миф о ее непобедимости, сорван план молниеносной войны. И Гитлер, который за считанные дни покорил несколько стран Европы, позднее признался, что войну с Россией он проиграл уже под Москвой.

Зал был полон, собралось много молодых людей из поколения послевоенных. Но это было время, про которое говорят: «Память о войне еще не отшибло». Выступавших ветеранов слушали и слышали. Один из командармов военного времени – генерал бронетанковой армии, дважды Герой Советского Союза, которого в армии называли – генерал «Вперед!» Дмитрий Данилович Лелюшенко – рассказал с упоминанием имен героев, как они дрались за каждую пядь родной земли, как наступали, как гнали фашистов. Какое мужество являли прибывшие с Востока страны полки, особо выделил храбрость уральских танкистов. И вдруг выкрикнул: «Если есть здесь уральцы, встаньте!» И мы с Сашей Тихомировым встали. Зал аплодировал. Минуты той никогда не забыть. В горле перехватило. Я не уралка, родилась на Смоленщине, была в оккупации, у меня свой счет к фашистам, которые жестоко прошлись

Инна Марковна Гладкова – тележурналист, автор публицистических рассказов и эссе об истории Урала. Лауреат премии губернатора Свердловской области 2001 года за телесериал «Екатеринбургские тайны». Автор многих очерков в нашем журнале. В тандеме с ней работает ее супруг – Эдуард Гильман. Он – и первый дотошный читатель, и ответчик за иллюстративный ряд. Ныне супруги живут в Германии.

Родион Малиновский

по моей детской судьбе. И зал салютовал, конечно, не нам, а безмерной храбрости уральских ребят – живым и мертвым. Мы принимали эстафету их памяти.

По окончании встречи я подошла к Лелюшенко, сказала ему о сути моей командировки. Попросила интервью. Без уговоров он согласился и даже сказал, что приедет на запись ко мне в гостиницу сам. Что собственно и сделал в оговоренное время.

Несмотря на возраст, он легко взбежал на четвертый этаж, удивив молодецкой прытью всех гостиничных барышень. Свой заранее написанный спич к уральской молодежи он, как и требовала тогда жесткая цензура, особенно военная, – «залитовал». И свой рассказ наговорил мне в микрофон. Мы с Дмитрием Даниловичем долго потом беседовали, он напомнил мне, что в 1958 году был также командующим Уральского военного округа. В конце встречи мы сердечно распрощались.

Что касается маршала Ивана Степановича Конева – с каким-то осложнением он лежал в то время в Кремлевской больнице.

С Семеном Михайловичем Буденным тоже не все было по протоколу. У него началось серьезное заболевание горла. Он сильно хрипел, каждое слово произносил трудно. Поэтому ни о какой магнитофонной записи – приветствии ударникам труда – не могло быть и речи. От имени уральцев мне оставалось только пожелать легендарному командиру Красной Армии скорейшего выздоровления.

А время, указанное в командировке, таяло. И тут я подхожу к самому главному, хотя с этого, собственно, начала свою жизнь в Москве: как испросить интервью у Р.Я. Малиновского, который был в то время не просто ветераном всех войн, но и действующим министром обороны

страны? Мой старший коллега, сотрудник «Литературной газеты» Никита Яковлевич Болотников, посмотрел на меня с сожалением:

– Ведь я тебя, Инна, держал за умную. Наша «Литературка», заметь, популярная газета, уже полгода ждет статью от Малиновского, а ты – откуда, с какой стороны Луны свалилась? Да за десять дней!

Отчитал за легкомыслие, но все-таки стал прикидывать, искать варианты, как спасти от позора мою неразумную голову. Составил список своих московских коллег и знакомых, занимавших влиятельные посты в оборонном ведомстве. Получилась цепочка из нескольких звеньев. И начал названивать. И спустя два дня назвал мне имя чиновника по особым поручениям в Министерстве Обороны СССР:

– Звони ему сама. Если убедишь, что без этого интервью домой тебе никак нельзя, он сведет тебя с Родионом Яковлевичем. Ни пуха!

Посчитав до десяти и обратно – для успокоения – и сказав: «пропадай моя головушка!», я набрала номер, и, назвав себя, попросила: «Пожалуйста, только не перебивайте, я уложусь ровно в одну минуту». И сбивчиво начала убеждать, как важно молодым рабочим услышать голос министра обороны, которому принадлежит похвала моим землякам, что лучших воинов, чем сибиряки и уральцы он не знает. А я с того самого края, который в войну еще слал на фронт оружие победы: танки, «катюши», пушки, снаряды. Сейчас там работают сыновья тех людей. Им тоже нужна похвала. Посодействуйте встрече!

Тот, кто все это слушал, оказался остроумным человеком. Это был полковник Петр Васильевич Миронов. Под конец моего спича он расхохотался и спросил:

- А текст Малиновскому вы заготовили?
- А разве он несколько фраз сходу не скажет?
- Не солидно! Чин обязывает! Должна быть речь.

Или что-то вроде.

- Тогда как быть?

– Приезжайте завтра с утра к нам, на Фрунзенскую набережную, я закажу пропуск, и мы начнем творить историческую речь. Малиновский все равно в отъезде, мы успеем к его возвращению.

Как мы готовили эту речь – песня отдельная. Был поднят на ноги и наш областной комсомол (там за голову хватались и небось кляли меня), и весь политотдел Уральского военного округа. Как потом оказалось, в то время впервые были рассекречены некоторые документы военных архивов. Искали в списках уральцев – забытых героев войны, истории их подвигов, награды. Представлено было также несколько знатных рабочих, кто в нашем опорном крае бесперебойно обеспечивал фронт оружием, боеприпасами, продовольствием, теплой одеждой. В этой речи мы назвали и тех уральских парней, кто в это время нес срочную службу. Это были, без сомнения, отличники боевой и политической подготовки. А началась речь с перечисления танков-памятников, а их несколько десятков на дорогах Победы подняты на постамент на родной земле и в освобожденных от фашизма странах Европы.

Владимир Комаров

Словом, речь получилась красивая, но длинная. Несколько раз ее сокращали, понимая, что будет звучать она не на плацу для солдат, а из репродуктора, в зале съезда, для гражданской молодежи, а ей не скомандуешь, как в армии, «Смирно!»

Но мы, создавшие на документальной основе, как нам показалось, интересный рассказ или страницу славной уральской истории, наконец, облегченно вздохнули, дело было сделано. В запасе у меня оставалось еще четыре дня. Малиновский уже возвратился в Москву. Его согласие получено. Осталось ждать сигнала: когда прибыть с магнитофонами на запись.

А вот новость следующего утра заставила меня схватиться за сердце. Миронов мне сообщил, что интервью не состоится. Почему? Оказывается, на выступление Министра обороны СССР обязательно нужна резолюция Политбюро. А когда оно, эти пожилые мужи, соберется, сие никому не известно.

Тут меня такая злость взяла. И вправду – в России «трудно без нагана», а в столицу лучше ехать с пулеметом. Зачем резолюция на воспоминания бывалого солдата, ну – министра теперь? В речи ничего угрожающе международно-го. Спокойно спите, капиталисты!

Что-то еще подобное наговорила я в трубку, зная, что она (трубка) мои слова поймет верно:

– Петр Сергеевич, лично Вам: «Огромное спасибо»! Вы, соблюдая армейскую субординацию, где приказы не обсуждаются, рискуя многим, пытались помочь мне в моем

безнадежном деле. Но как намекнуть «этому Политбюро», если там забыли: уральцы, защищая Москву, умирали, но не сдавались!

П.С.Миронов, конечно, тоже был огорчен таким поворотом дела, пока просил не покидать гостиницы до контрольного звонка, он еще министру создавшуюся обстановку не доложил.

И телефон вскоре зазвонил: «Завтра в 8.30 за вами придет машина. Министр Обороны вас примет! Подробности при встрече. Везите свою записывающую технику!» Конечно, утром машина прибыла точно. Причем шикарная. Марки не помню, возможно, ЗИЛ. До Фрунзенской набережной ехали по белой полосе. Я, счастливая, на переднем сидении. Верчу головой. Народу на улицах много, но хоть бы кто из знакомых! Как не вспомнить знаменитый итальянский фильм «Ночи Кабирии» с Джульеттой Мазина.

В приемной министра толпа, и все – из генералов генералы. Все ждут своей очереди. Ждем и мы с «оруженосцем». Наконец нас приглашают. Обвешанные магнитофонами, заходим. С нами несколько человек в звездных погонах, должно быть, охрана. Кабинет огромный, ноги утопают в ковре, шагов не слышно. Хозяин в глубине кабинета, за столом, невысокий, седой и весь в сияющем мундире. Первый вопрос, который он, не Александру, а почему-то задал мне:

– Вы в армии служили?

– Нет, – говорю, – не служила, но у меня муж только что со срочной вернулся. И все мужчины в семье воевали: отец, брат, дядя, мать погибла на Смоленщине.

А он снова будто не слышит:

– Надо, надо послужить!

Не помню уж, как мы с Тихомировым перевели разговор на интервью. Малиновский просмотрел заготовленные ему заранее «его мысли об уральцах». Показалось, что вспомнил он и нечто другое. Неспроста переспросил: из какого мы города?

Я включила один из магнитофонов, проверить, как идет запись, нет ли каких помех, и с ужасом обнаружила, что пленка записывает сплошной треск. Включаю второй магнитофон – эффект тот же. По спине озноб. Помеху давала какая-то связь. Пытаюсь объяснить это, предлагаю перейти в другой кабинет. В результате несколько минут министр обороны, мы и шлейф его охраны ходим по зданию, напрочь нарушив в нем весь ритм работы, но помехи на пленке все те же.

Меня начинает бить дрожь. Кидаюсь почти на амбразуру, спрашиваю: «А нельзя, Родион Яковлевич, пока вы будете читать, а мы записывать, то есть, минут на десять вашу правительственную связь отключить?»

– Скомандуй! – сказал он кому-то из охраны.

Спустя минуту мои магнитофоны будто подменили. И речь Малиновского была записана в лучшем виде. Правда, с русским языком у него были нелады. Например, слово «постамент» он произносил с ударением на второй слог, в другой обстановке один на один я бы тактично попросила его перечитать эту или другие неграмотные фразы, а здесь как можно: учить главного маршала, когда вокруг толпа подчиненных!

Но все это пустяки по сравнению с тем, что из-за какого-то, в общем, мало значимого интервью в главном здании Министерства Обороны СССР десять или даже пятнадцать минут не работала правительственная связь. А если бы тогда, не дай Господь, в мире что случилось?

А тем временем в шумную суматошную Москву нагрнула весна. Рано в тот год. Тепло дохнуло уже в начале марта. Улицы тут же, как по волшебству, превратились в модельный подиум, женщины расцвели. Чтобы не портить столичный весенний пейзаж, я тоже сделала красивую прическу, обвязала шею модным шарфом, кокетливо подняла воротник старенькой шубы и гордо влилась в толпу.

Свой «военный» поход я, считая, уже закончила. А вот с космонавтами встреча все откладывалась. В Королев пробиться было нереально, а курировавшие мое задание юноши из ЦК ВЛКСМ долго ничего определенного сообщить не могли. Одно было ясно: космонавтов в Центре сейчас нет. Юрий Гагарин и Герман Титов где-то гостят за рубежом. Возможно, со дня на день придет только Владимир Комаров. Мне на всякий случай с записывающей техникой надо утром 15 марта прибыть в ЦК ВЛКСМ.

На радостях, что завершилась эпопея с Министром Обороны, с упомянутыми выше моими рыцарями, к слову, в прошлом военными журналистами Петром Васильевичем Мироновым и Никитой Яковлевичем Болотниковым, попали в театр. У вахтанговцев смотрели комедию А.Фредро «Дамы и гусары», где главную роль блестяще играл Юрий Васильевич Яковлев. На программке у меня даже сохранился его веселый автограф. Для документальности прилагаю: «И жить хорошо! И жизнь хороша! И Вы – хороши! Ю.Яковлев 14. 3. 66 Москва»

В ЦК комсомола ехали со слабой надеждой. Но по оживленному гулу в приемной поняли, что космонавта, и именно Владимира Комарова, уже ждут и другие журналисты. Но «счастливый билет» имели только мы. Тогда коллеги попросили нас хотя бы присутствовать в зале во время интервью. Причем важный дядя в штатском всех нас предупредил: никаких вольностей, резких

движений – с космонавтом будут телохранители.

Ровно в полдень в зал вошел знакомый уже по кино- и фотохронике молодой мужчина, невысокого роста, красивый, подтянутый. Всем нам очень по-доброму улыбнулся, поздоровался. Вообще держался скромно, извинился, что времени на эту встречу у него мало.

Я решила перестраховаться, поэтому у меня в «боевой готовности» стояли оба магнитофона, надо было только нажать кнопку «пуск». Но прежде показала Владимиру Михайловичу присланный мне из Свердловска «текст его спича» на трех страницах. А он сразу спросил:

– Где это будет звучать? По радио?

– Да, но прежде в зале, где соберутся передовики производства.

– Вы не находите, что текст велик? Я не народный артист – кто это дослушает?

И мы тут же добрую половину отбросили и в лучшем виде на два магнитофона записали. Техника на этот раз не бастовала. Я, честно, так волновалась, что забыла после записи выключить второй магнитофон. А он, что слышал, то и продолжал фиксировать. Прощаясь, я достала приобретенную заранее в одном из киосков фотографию Комарова и попросила автограф. Он написал: «Инне Гладковой самые добрые пожелания во всех славных делах. На память о встрече в ЦК ВЛКСМ В.Комаров 15.III. 66.»

Дмитрий Данилович Лелюшенко

Я, конечно, была счастлива. Не каждый день даже журналисты встречаются с космонавтами, и призналась, что у меня сегодня еще и день рождения.

– Вот это да! Как интересно! У меня день рождения – завтра!

И мы, нарушив «протокол», обнялись. Он мне к первой записи добавил: «Примите сердечные поздравления с днем рождения. Много радости Вам в жизни».

Зная, что заранее не поздравляют, я просто пожелала ему богатырского здоровья, которое, судя по внешнему виду, у него было в порядке. И спросила, не назовет ли он, если это не государственный секрет, свою тайную мечту?

– Я выбрал себе профессию совсем не легкую и мечтаю в ней еще что-то сделать. Для начала очень хочется еще раз слетать в Космос.

На этом мы сердечно распрощались. Весь этот наш разговор, как сказано уже было выше, записался на пленку второго магнитофона. Было это 15 марта 1966 года.

На Всеуральском съезде молодых передовиков производства, где в зале звучали записанные мною приветствия Р.Я.Малиновского, В.М.Комарова и Д.Д.Лелюшенко, я не присутствовала. Мне передали: мол, все было нормально.

Была ли вознаграждена моя журналистская работа? Хвастать нечем. Гонорар на радио был весьма скромнен. Моему «оруженосцу» Александру Тихомирову повезло больше – газета «На смену!» отстегнула ему солидный куш. Но все это пустяки. А вот год спустя эхо той командировки в Москву аукнулось, если сказать непредсказуемо, значит, ничего и не сказать.

Все было так: в День Советской армии 23 февраля в праздничной радиопередаче я повторила обращенную к уральцам ту, «историческую», речь Малиновского. К тому времени уже прочла один закрытый для печати документ времен Гражданской войны, который обожания к этому высокому военному начальнику мне как-то не добавил. Уже поняла: какую жестокую страницу его лихой молодости своим визитом мы ему напомнили. Дело в том, что Малиновский в двадцатых годах возглавлял созданные в Екатеринбурге Всеуральские курсы красных командиров: артиллерийские, кавалерийские, пехотные и хозяйственных работников. И вот этот легендарный теперь маршал очень даже хорошо приложил руку к уничтожению нашего Ново-Тихвинского монастыря. Подробно об этом – о последних трагических днях некогда крупнейшей на Урале обители и ее обитателях – можно почитать в пухлом деле, которое хранится ныне в ГАСО.

Но шли и шли десятилетия, никто, Боже упаси, советскую историю критике не подвергал. Столпы не рушились. Наступило 1 апреля 1967 года. Страна в первый раз готовилась пышно провести День смеха – планировались на весь день веселье гулянья, по радио и телевидению с участием мастеров смеха – передачи сатиры, юмора и розыгрыши. Но... прямо с утра диктор начал зачитывать длинное правительственное сообщение, из которого следовало, что на 69-м году скончался Р.Я.Малиновский, министр обороны. И далее, как принято было, длинный перечень его перед государством заслуг. А в знак скорби в стране повсеместно объявили траур. Даже если это и грешно, но многим было несколько досадно, что из-за одного человека, не вовремя

почившего в бозе, отменили долгожданный веселый весенний праздник.

Тот апрель запомнился, и не только мне, еще двумя событиями.

23 апреля с Байконура стартовал космический корабль «Восход» слетчиком-космонавтом Героем Советского Союза Владимиром Михайловичем Комаровым. Напомним, что в 1964 году он вместе с К.П.Феокистовым и Б.Б.Егоровым на трехместном корабле успешно совершил коллективный полет в Космос. Но сейчас Комаров летел один. Что творилось в моей душе, передать не могу. Гордость за него, но больше – страх за очень близкую мне душу.

24 апреля для вечернего выпуска «Областных известий» я подготовила рассказ о нашей встрече годичной давности в Москве, выбрала именно тот фрагмент записи, где он тогда мечтал снова слетать в космос. И мечта эта как бы сбылась.

Этот мой репортаж прозвучал в 7 вечера, а часом позже Москва по всем радиостанциям и телевидению объявила, что при спуске на землю при завершении полета космонавт Владимир Михайлович Комаров... погиб.

Почти месяц я работать не могла, душили слезы. Мозг сверлила мысль: я что – черный ангел? Получается – спустя год две аудиозаписи повторила и... двух людей не стало.

Третье интервью с Д.Д.Лелюшенко, чтобы с ним дурного не произошло, подарила музею Уральского военного округа, а автору отправила теплое письмо. Позднее вообще с магнитофоном, дабы не причинить кому беды, на записи ходить боялась. А коллеги мрачно шутили: «Знаешь, запиши-ка ты нашего редактора!»

Но жизнь продолжалась, надо было работать. В то лето привез в наш город премьеру своего чудесного фильма «Айболит-66» талантливейший наш актер и режиссер Ролан Быков. По редакционному заданию иду к нему с опаской и напрямик ему выкладываю: мол, так и так – пришла за интервью, но дама я, как выяснилось, «черная», и рассказала о своих переживаниях, связанных с уходом Малиновского, и особенно – Комарова.

Он серьезно и сочувственно посмотрел мне прямо в глаза. Бывает же так, что люди умеют говорить молча. Даже если бы он вообще ничего не произнес тогда, этот сеанс доброго гипноза меня бы исцелил.

– Я примет не боюсь. И порчу с Вас сниму. В сказке по началу Бармалей тоже очень страшный, и все меня боялись. К слову, смотрят ли наш фильм?

Конечно, фильм был выше всяких похвал. На премьеру дети ехали со всей области автобусами, электричками. Фраза «Приличные герои всегда идут в обход!» тут же стала крылатой.

Интервью Ролана Быкова о фильме я записала. Захватывающе интересное. У него был великий дар: он умел, как никто, говорить с детьми. К слову, позже его единственная умно говорящая с подростками телевизионная программа «Спор-клуб» собирала у экранов страны многотысячные ребячьи аудитории.

Когда отведенное мне время истекло, я упростила гостя взять открытку с моим адресом и бросить ее в почтовый ящик в Москве – как знак, что он благополучно прибыл домой. Спустя несколько дней открытка из столицы, конечно, пришла.

Алексей ЯЛОВЕНКО

Иллюстрации предоставлены автором

Родственники Гитлера: уральский финал

РЕКА ВРЕМЕНИ

Потомки Шикльгруберов и их родственники в Вальдфиртеле (родина Гитлера) для Третьего Рейха официально не существовали. «Мы были для него пустым местом», – заявил внучатый племянник Гитлера из Вальдфиртеля Йоханн (Йоган) Шмидт летом 2003 года в интервью австрийскому журналу «Profil».

Фюрер избегал контакта почти со всеми своими родственниками: «Я абсолютно внесемейное существо». Может, такому отношению способствовало раскрытие одной семейной тайны. Еще во время фронтового отпуска 1918 года в Шпитале Гитлер узнал, что его клан был отягощен инцестом. Йоган Непомук Хюттлер, брат его деда Йогана Георга Хидлера с отцовской стороны, был одновременно дедом его матери Клары Полцл. Значит, Клара приходилась отцу Адольфа как супругой, так и племянницей. От подозрения в кровосмешении родителей Гитлера освободил некий документ Ватикана. Но тем не менее фюрер опасался разоблачений. Вся родня хранила об этом полное молчание.

Особенно чурался Гитлер своей тетки Йоганы и кузена Эдуарда Шмидта, которые были горбаты. Они тщетно добивались с ним встречи во время Мюнхенской сельскохозяйственной выставки в 1937-м, а также в Нюрнберге в 1939 году. Лишь кровная сестра Паула, которой было запрещено носить свою фамилию (записывалась Вольф), еще поддерживала нить между рейхсканцлером и остальными родственниками. Через нее фюрер оплатил погребение Терезы Шмидт, подарил

Адольф Шикльгрубер (Гитлер)

ущербному Эдуарду дом и назначил 50 рейхсмарок ежемесячно. Сводный брат вождя – Алоиз, владелец маленького ресторана на Виттенбергской площади Берлина, постоянно боялся, что сильный родственник лишит его лицензии. Только свою племянницу Гели Раубаль фюрер держал рядом с со-

бой – она была его любовницей: похоже, синдром инцеста передался по наследству.

Ни один щит в Шпитале не указывает на бывшие дворы родителей «великого земляка», ни одна мемориальная доска не напоминает о том времени 1938 года, когда кровный дом фюрера был укра-

шен гирляндами и свастиками, и распорядились об этом не кроткие власти Австрии, а сам вождь Третьего рейха: в ноябре 1938-го он заявил, что не желает никаких мемориальных досок и прочих знаков в память о своих предках или в честь пребывания тут себя самого.

После войны на родине фюрера стали уничтожать следы его корней. На кладбище деревушки Доллерсхайм исчезла могила бабушки Марии Анны, урожденной Шикльгрубер, плита с могилы ее сына Алоиза и, наконец, сама деревушка Доллерсхайм и девять соседних с ней деревень были расселены: их принесли в жертву гигантскому проекту вермахта – 162,5 квадратных километра стали самым крупным в Западной Европе боевым полигоном. Австрийские войска используют эту местность для своих маневров. Сегодня здесь можно увидеть руины долларсхаймской церкви Святого Петра, распятие на которой в ночь аншлюса 1938 года сменилось свастикой. Рядом находится могила священника Цанширма, это он в 1876-м изменил в документах фамилию отца Гитлера Алоиза, и потому миллионы немцев в свое время потрясали мир возгласом «хайль Гитлер», вместо того, чтобы кричать «хайль Шикльгрубер». Неподалеку, в предместье Линца Леондинге, находится могила родителей фюрера, императорско-королевского офицера таможни Алоиза Гитлера и его жены в третьем браке Клары. Здесь же покоится умерший в 1979 племянник Гитлера Лео Раубаль. Местный священник Йозеф Хольцман на много лет вперед оплатил уход за его могилой.

Из всех родственников Гитлера в войне участвовал только Йоханн Шмидт-младший, тем не менее, арестованы и обвинены в боевых преступлениях были вместе с ним еще трое. В конце мая 1945 года советские агенты службы «Смерш» арестовали Эдуарда Шмидта. Кузен Гитлера сообщил в Москве на допросе, что он страдал тяжелым

Верхнеуральская тюрьма: в камере на третьем этаже обитала двоюродная сестра Адольфа Гитлера.

искривлением позвоночника, не мог работать в полную силу, и поэтому Гитлер подарил ему 8000 рейхсмарок на покупку домика. В результате Эдуард Шмидт был осужден за получение привилегий от Гитлера. Он также признал себя виноватым в том, что, «как родственник Адольфа Гитлера, одобрял его военно-политические планы, направленные против Советского Союза». В протоколах всех допросов стояло: «Политику главы фашистской Германии, моего родственника Адольфа Гитлера, одобряю».

Потом был арестован еще один двоюродный брат Йоган, умерший сразу после ареста, и двоюродная сестра Мария Копенштайнер. Она родилась в 1899 г. в селе Шпиталь, в 15 километрах от австрийского города Гмюль. Ее мать, Терезия Шмидт (в девичестве – Пельцеп), и мать Адольфа Гитлера – Клара Пельцеп, – были сестрами. В 1938 г., будучи матерью троих детей, Мария вступила в фашистскую организацию «Союз национал-социалистических женщин». Но дальше выплаты членских взносов дело не зашло: крестьянка была равнодушна к политике и вместе с мужем Игнацем жила сельскими заботами. Когда Марию арестовали, ее муж Игнац Копенштайнер сам последовал за женой в СССР и умер еще в следственном изоляторе.

Мария (несмотря на то, что своего кузена она видела всего один раз в жизни – в 1907 году, будучи в восьмилетнем возрасте), Эдуард и Йоханн-младший получили по 25 лет лагерей.

Недавно были раскритикованы относящиеся к этому аресту акты секретного архива КГБ. После длившихся целый год допросов арестованные подписали признание, в котором они подтверждали свое соучастие в «развязывании Второй мировой войны». Вопросы дознавателей были бесхитростными: «Назовите своих родственников» – «Мой родственник Адольф Гитлер, прошлый рейхсканцлер Германии». После этого от арестантов требовали сообщить сведения о «неприятельской деятельности своего родственника Адольфа Гитлера». Ответ был записан в протоколах заранее: «Мой родственник Адольф Гитлер спланировал и развязал мировую войну».

Советские следователи требовали от арестованных сознаться в своих «боевых преступлениях». После четырех лет заключения пленники стали обвинять друг друга. Самая черная тень пала на Йогана Шмидта-младшего – он воевал в дивизии СС «Норланд» в Хорватии. Согласно его показаниям, он был всего лишь посыльным и никогда никого не убивал. Но его дядя Эдуард утверждал на допросах, что Йоган участвовал в

Мария Коппенштайнер в Верхнеуральском политизоляторе.

карательных экспедициях против партизан.

Особую изощренность уральские следователи проявили в отношении тайной узницы Марии. Судьбу этой женщины определило не только родство с Гитлером. На одном из допросов Мария обмолвилась, что управляться с большим хозяйством ей помогают украинцы. Советская контрразведка тут же подвела ее под статью — незаконный наемный труд. Над кухней Гитлера в верхнеуральском изоляторе глумились постоянно. Это подтверждали бывшие надзиратели, например, Василий Селявин, работавший в те годы в тюрьме. Несколько зим она проходила в тапочках на тонкой подошве. На слезные просьбы вечно простуженной женщины выделить ей валенки начальник Верхнеуральской тюрьмы отписал: «Ни х..., перетопчется в тапочках!» После того, как Мария Коппенштайнер начала терять зрение, и ей необходимы были очки, последовало следующее решение: «Выдавать, но только в ночное время».

Следователи колоритно описывали предметы личной гигиены, размер нижнего белья и женские прелести узницы преклонного возраста. Из чего можно сделать вывод: на допросах женщину заставляли раздеваться.

Русского языка Коппенштайнер не знала, а все ее письма, адресованные мужу в «Лефортово», выбрасывали. По словам надзирателей, в первый год заключения она отчаян-

но «качала права», за что постоянно привлекалась к черной работе, а также подвергалась издевательствам сокамерниц.

Газета «Челябинский рабочий» приводит рассказ Ивана Мещерякова, который работал в Верхнеуральской тюрьме с 1951 по 1969 годы и еще застал Марию Коппенштайнер. Он рассказывает, что однажды пришла фельдшерица и попросила открыть дверную форточку одной из камер, чтобы передать лекарства заключенной. На тюремной койке лежала очень худая женщина и тяжело дышала.

Вскоре, по словам бывшего надзирателя, Мария «сломалась». Ее организм был ослаблен до предела. Незадолго до смерти прежде крепкая женщина походила на воскресшего покойника — весила как 15-летняя девочка-подросток. Слепая, она передвигалась «по стеночке», часто падала, а кости у пожилой женщины срастались плохо...

Дело Марии Коппенштайнер под №2326 велось несколько лет. Каждые два месяца в тюрьму приходили постановления с резолюцией: «Продолжить следствие». Закончилось оно в начале 50-х годов прошлого столетия. Марию приговорили к 25 годам.

Итак, в 1949-м в тюрьме КГБ «Лефортово» умер муж Марии Игнац Коппенштайнер, официально — от «кавернозного туберкулеза легких». В 1951-м в лагерной больнице Верхнеуральска скончался Эдуард Шмидт,

согласно акту — от туберкулеза. Там же, в Верхнеуральском политизоляторе, 18 декабря 1953 года умерла и Мария Коппенштайнер. Диагноз: «декомпенсированный удар сердца». Ее мучили удушье и жажда. Последние три часа к ней никто не подходил. Когда фельдшер, наконец, догадалась напоить больную водой, Мария была уже мертва.

Место их захоронения точно неизвестно. Похоронили в окрестностях Верхнеуральска, во рву между мусульманским и православным кладбищами.

Судьба детей Марии и Игнаца неизвестна.

Полстолетия спустя родственники Гитлера были посмертно реабилитированы Российской боевой прокуратурой.

Йоханн Шмидт-младший — единственный родственник Гитлера, оставшийся в живых. Более десяти лет он провел в тюрьмах СССР. Был заключенным «Бутырки», «Лубянки» и «Лефортово», лагерей Верхнеуральска и Иркутска. Знал несколько слов по-русски, овладел игрой наших зеков — нардами, научился чинить часы и разжигать огонь при помощи ватных тампонов и кусочков серы со спичек. В его памяти остались лагерная дизентерия и вши, желтуха из-за испорченных консервов — из резерва разбитого африканского корпуса Роммеля. В 1955-м его освободили согласно секретному соглашению Аденауэра по военнопленным.

Последний потомок Гитлера по материнской линии, возможно, жив и сейчас, и если он жив, то генетический анализ может подтвердить, действительно ли череп, хранящийся в Москве, принадлежал его предку. Но тезка одного из самых главных злодеев XX века был в то время не согласен на эту экспертизу, он опасался, что вместе с ДНК оставит в России и свою голову.

Человек, называющий фюрера дядей, не очень разговорчив с чужаками, он живет степенной жизнью пенсионера в домике с садом в Вальдфиртеле, области на севере Нижней Австрии. Здесь обитают бережливые на слова люди, и никто не спрашивает Йоханна Шмидта о его «коричневом» родственнике.

Мастеровые Орудийного завода. 1914 г.

Юний ГОРБУНОВ

Иллюстрации из заводского музея

Пасынок Литейного проспекта

Два события колоссального масштаба предстоит нам, читатель, вместить в очередную главку, в этот исторически короткий отрезок времени – 1914-1918 годы. Эти два события изменили судьбу страны и даже мира и так или иначе коснулись не только Орудийного завода, но и буквально каждого, кто трудился в нем, кто отдавал ему свое время, силы, способности – т.е. дыхание и пульс своей жизни. Ведь никому не дано ее повторить и прожить заново.

Война и Революция. Революция и Война.

Сколько обнажилось перьев, сотряслось трибун над этой темой! Судьба и история завода неизбежно мелькают в свете этих событий, становятся всего лишь зернышками в их гигантских жерновах.

Но, чтобы этого не произошло, чтобы мы не потерялись и не сбились с той неширокой стези, по которой шли, постараемся смотреть на Войну и Революцию, как бы сфокусировав их на малюсенькой точке России, кварталчике Литейного проспекта северной столицы, на Орудийном заводе, у которого тогда даже не было оснований, чтобы именоваться таковым.

Сколько было стран-участниц Первой мировой, столько было и ее причин. При этом правительство каждой страны какие-то доводы делало достоянием общественности, а какие-то держало при себе. И Россия далеко не исключение.

А война (28 июля 1914 – 11 ноября 1918) была одной из самых широкомасштабных в истории человечества. Военные действия шли в Западной и Восточной Европе, в Италии, на Балканах, на Кавказе и Ближнем Востоке, в Африке, Китае и Океании. Ну и, конечно, на морях.

Тройственному союзу – Антанте (Россия, Великобритания, Франция) – противостоял блок центральных держав (Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария).

Противоречия накапливались давно. Сравнительно молодая Германская империя жаждала передела колониальных владений. Антанта стремилась противостоять этим гегемонистским устремлениям. Австро-Венгрия хотела удержать при своем лохмотном одеяле Боснию и Герцеговину, а Россия выступала защитником всех славян на Балканах и в этом держала сторону Сербии как объединительного центра. Словом, правительства устали жить в мире, медленными и нудными переговорами решать свои внешние и внутренние проблемы и ждали только, где вспыхнет спичка, чтобы запылал мировой пожар и разных калибров и систем пушки, вместо засидевшихся дипломатов, принялись бы «наводить порядок».

Спичка вспыхнула в столице Боснии и Герцеговины – Сараево. 28 июня 1914 года 19-летний сербский студент Гаврила Принцип из террористической орга-

низации «Млада Босна» убил наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда и его жену Софию Хотек.

Страны – одна за другой – принялись нарушать свои мирные договоренности, объявлять мобилизации, переходить границы.

1 августа 1914 года Германия объявила войну России. 6 августа то же сделала Австро-Венгрия.

Французский философ и социолог Альфред Фулье, не доживший, правда, до Первой мировой, писал так: «Война может иметь хорошие последствия у дикарей, способствуя отбору наиболее сильных и стойких, но на цивилизованные народы влияние ее обыкновенно самое пагубное: она ведет к взаимострелблению самых лучших и самых храбрых».

К этому, правда, следует добавить, что за громом пушек и дымом пожарищ очень трудно было разглядеть лица и голоса «цивилизованных народов». Да и был ли хоть один цивилизованный? Ни одна страна из обеих воюющих коалиций не могла без зазрения совести сказать, что ее война была только оборонительной и не преследовала иных целей. Сейчас Интернет сообщает нам следующие итоги той Первой мировой человеческой бойни, считая только военных: погибло 4 043 397 солдат и офицеров; ранено 8 465 286; пропало без вести 4 000 676. 16 миллионов умерших не своей смертью, калек и инвалидов, а также потерявших Родину!.. И это, повторяем, только военных. Есть, правда, и другие цифры, но они мало отличаются от названных.

Эти цифры надо держать в голове всегда. Даже тогда, когда вытачиваешь на станке мельчайшую деталь пушечного затвора.

Первая мировая, по мнению военных историков, стала триумфом артиллерии. Опять приведем красноречивые и кощунственные цифры. Если в предыдущую Русско-японскую на огонь артиллерии приходилось не более 15 процентов потерь в живой силе, то в 1914 году славная артиллерия воюющих сторон унесла 75 процентов жизней, а в 1918-м – хотя уже появилась смертоносная авиация, было впервые применено губительное химическое оружие, а полевая фортификация, напротив, увеличила свои защитные свойства – до 68 процентов! Артиллерия, как видим, испытала свой звездный час.

К маневренной и недолгой войне российская «богиня войны» была готова. Самой губительной для противника в первые месяцы была, конечно же, «трехдюймовка» – 76-мм скорострельная пушка образца 1902 года. По своим тактико-техническим данным она превосходила современные ей 77-мм немецкие и 75-мм французские полевые орудия. Генералитет русской армии вообще считал «трехдюймовку» и ее шрапнель панацеей, таким универсальным типом артиллерийского вооружения. Единство калибра и снаряда удешевляло производство, упрощало обучение стрельбе и использование артиллерии в бою. Тем более, что все воюющие страны рассчитывали на кратковременные военные действия.

Поначалу открытые пространства на границе России и Германии позволяли вести маневренные бои. Мишенями «трехдюймовок» были только живая сила и легкие полевые укрепления. Боеприпасов пока хватало. За считанные минуты пушка уничтожала пехоту врага, а уцелевших прижимала к земле.

Но губительная жатва «косы смерти» тотчас же вынудила вражескую пехоту зарываться в землю, создавать защитные сооружения. Война из маневренной превратилась в позиционную. Шрапнель «трехдюймовки» не могла поразить противника, укрывшегося в окопе. Она не в силах была разрушить даже земляной его бруствер, не говоря уже о появившихся железобетонных сооружениях. Не могла противостоять глубоким полосам обороны. Кажущаяся панацея превратилась в слабое звено. А русской дивизии, даже корпусу, по уставу не полагалось иметь полевую тяжелую артиллерию, в то время как каждая германская дивизия была вооружена 8 тяжелыми гаубицами, а австрийская – четырьмя. То есть в условиях позиционной войны русские лишены были наступательной инициативы, которая предполагала разрушение заградительных и оборонительных сооружений. Фронт настоятельно требовал дальнобойных пушек, орудий навесного огня, минометов и бомбометов, способных «выкурить» противника из укрытий. Война в одночасье скорректировала потребности, они возросли, как считают исследователи, в 12-15 раз! Артиллерию пришлось не только наращивать количественно, но и множить типы и образцы орудий, разнообразить их боекомплект.

Быстро в ходе войны «поменять лошадей» ГАУ не могло. Тому были разные причины. Армия стала терпеть поражения. Еще бы: на каждое орудие разрешалось расходовать не более пяти-десяти снарядов в день (Опережая события, можно привести такие цифры: за всю войну русские израсходовали около 50 млн. снарядов, тогда как англичане – 170, французы – 200, а немцы – 272 миллиона). Военное министерство и правительство Николая II запросило помощи у союзников. Через Архангельский порт в Россию стали прибывать французские, английские, американские и даже японские дальнобойные пушки и гаубицы. Не у Круппа же просить, в самом деле!

Но и все отечественные заводы были поставлены на военный режим работы – Путиловский, Обуховский, Мотовилихинский, Златоустовский, Брянский, Сормовский... Они в 2-3 раза увеличили производство артиллерийских систем разного назначения и калибра. И поэтому объем зарубежной помощи не надо преувеличивать. Историк Маниковский сообщает нам, что за время Первой мировой войны союзники доставили в Россию 5 625 единиц орудий, а собственные заводы изготовили 17 869, т.е. более 76 процентов. К этому следует добавить, что ремонт всех орудий производился исключительно отечественными заводами. И главная в этом заслуга – Петербургского орудийного.

Итак, Петербургский орудийный. Его производственные мощности в годы войны резко возросли. Численность персонала увеличилась с 900 до 4 тыс.

122-мм гаубица Круппа.

человек. А количество оборудования на тех же ограниченных площадях – более чем вдвое. Мастерские теперь работали круглые сутки.

Как бы ни нуждался фронт в тяжелых орудиях, основную повседневную работу войны выполняла артиллерия средних калибров. А именно на этих пушках и специализировался все эти годы Орудийный завод. На поток наряду с «трехдюймовками» были поставлены горные пушки Шнейдера того же 76-го калибра, 107-мм пушки образца 1910 года и 122-мм гаубицы Круппа.

Гаубица Петроградского орудийного заслуживает того, чтобы о ней сказать подробнее.

Тактика боя, как мы уже знаем, в ходе войны менялась, что называется, на глазах. Противник зарывался в землю, строил укрепления. Глубина обороны, прежде не превышавшая полутора километров, достигала уже десяти. Подчас приходилось вести огонь через головы своих, а пушки с настильной траекторией этого «не умели». Боекомплект в спешном порядке стали усиливать фугасными гранатами. Но и 76-мм гранате оказывались не по зубам блиндажи и огневые точки с козырьками: малый угол падения транжирил энергию взрыва и изрядную долю осколков. Надобился снаряд, который бы падал как можно отвеснее и нес бы большой разрывной заряд. Словом, фронт ждал и требовал гаубицу.

И они у нас на вооружении были. Военные инженеры ГАУ еще в самом начале XX столетия выбрали очень эффективный и оптимальный их калибр

– 122 мм. Мало того, с гаубицами связан исключительный и загадочный эпизод: с разницей всего в один год на вооружение отечественной артиллерии были приняты сразу две 122-мм гаубицы с одинаковыми тактико-техническими данными. С одной лишь разницей. Первая была создана конструкторами заводов Круппа и требовала клинового затвора, а вторая – детище концерна «Шнейдер-Крезю» (Франция) – ей подавая затвор поршневым. И вот теперь эти две гаубицы двух стран-сопротивников – «немка» и «француженка» – мирно сопроизводились в мастерских двух российских заводов: Петербургского орудийного и Обуховского сталелитейного (позднее их освоила и Мотовилиха). Мастерские этих заводов доводили орудия до испытаний и отправляли на фронт. Оба эти орудия навесного огня наши инженеры приспособили под русские гильзы, под фугасный снаряд с взрывателем, и под шрапнель с 45-секундной трубкой – эта шрапнель не теряла убойной силы, даже попадая в окоп противника сверху!

Загадка двух однотипных гаубиц, одновременно принятых на вооружение русской армии, до сих пор тревожит умы военных историков. Думается, что сыграли здесь свою «детективную» роль и интересы частных производителей пушек, и правительственный «административный ресурс». Приведем такой, например, факт: Крупп и Шнейдер, эти пушечные короли, соглашались передать России патенты на изготовление орудий только при условии исполнения первого валового заказа или на их собственных

заводах, или на частном Путиловском, с которым эти фирмы вошли в частное соглашение. А еще, сообщают историки, вел. князь Сергей Михайлович, тогдашний генерал-инспектор артиллерии, имел небескорыстную связь с французской фирмой «Шнейдер-Крезю»... То есть пушки пушками, а свой карман дорожке.

Необходимость «гаубизации» артиллерии ощущалась уже в ходе Русско-японской войны. Предвидя предстоящее валовое производство новых систем, ГАУ ходатайствовало перед министерством о переносе завода в более подходящий для развития район. Уже перед самой войной были даже выделены средства (800 тыс. руб.), но опять-таки не на строительство новых помещений, а на расширение завода на прежнем месте. К этому и приступили в конце 1913 года. Так что война застала Орудийный в самый разгар этого одновременно геркулесова и сизифова труда. Пытаясь как-то расширить площади, не располагая ни литейными, ни даже достаточными ковочными средствами, не имея и некоторого другого оборудования, завод к началу войны не был готов к большим и сложным объемам.

Итак, гаубицы были, но неповоротливость военного ведомства, его вера в универсальность «трехдюймовки», а самое главное – отсутствие в распоряжении ГАУ крупного орудийного завода, способного быстро реагировать на запросы фронта, привели к тому, что только к середине 1915 года действующая артиллерия стала регулярно получать горные пушки образца 1909 года и 122-мм гаубицы. А они оказались куда эффективнее немецких дивизионных 105-мм. Их фугасный 2-килограммовый снаряд действовал вдвое мощнее гранаты трехдюймовой пушки и был настоящей грозой блиндажей и других укреплений.

К слову сказать, в 1920-х годах, когда модернизировался парк советской гаубичной артиллерии, первой была приспособлена к новым условиям именно гаубица Шнейдера. Это орудие с поршневым затвором, который почему-то считали устаревшим, выпускала Мотовилиха, а потом и Уралмашзавод. В 1937 году была модернизирована и прошла всю Великую Отечественную и 122-мм гаубица

Крупна. Словом, орудия навесного огня счастливого 122-го калибра выпускаются в России до сих пор!

О горных пушках Шнейдера 76-мм калибра мы уже говорили в предыдущей главе. Скажем только, что их производство и ремонт были основательно налажены заводом еще до войны, и Петербургский орудийный оставался (наряду с Путиловским заводом) главным их производителем.

И, наконец, четвертым орудием, коему с самого его рождения давал жизнь Петербургский орудийный, была 107-мм скорострельная пушка Шнейдера образца 1910 года.

По дальности стрельбы и площади поражения осколочным снарядом она успешно конкурировала даже с «трехдюймовкой». Стреляла унитарными патронами с зажигательными и фугасными снарядами, а также шрапнелью, выпуская аж более 600 пуль! Относительно небольшой для данного калибра вес орудия позволял легко транспортировать его конной тягой. Ствол пушки, состоящий из трубы и кожуха, неподвижно соединялся с салазками, скользящими при откате по направляющим люльки. В корпусе салазок помещался гидравлический компрессор и гидропневматический накатник. Пушка оборудовалась поршневым затвором. Эта «французенка» с российской пропиской отлично показала себя на полях Первой мировой.

Начало ее производства на Орудийном опять хорошо характеризует завод. Распределение заказов по заводам было непростой эквилибристикой. Военное ведомство могло распорядиться только своим – Орудийным. Даже казенные заводы, не говоря уже о частных, блюли свои ведомственные интересы. Вот и с этой пушкой. Ее производство логичнее всего было наладить на казенном сталелитейном Обуховском заводе. В его активе было уже более полутора сотен гаубиц Шнейдера. А гаубицы эти по своей конструкции имели много общего со 107-мм пушкой, уроженкой того же завода. Тем не менее начальник Обуховского не пошел навстречу военным и не стал затевать новое производство.

ГАУ ничего не оставалось, как вновь обратиться к «своим», которые шнейдеровской гаубицы не знали и производство пушки Шнейдера вынуждены были начинать с нуля. Шел год за годом, а из Крезо, где располагался завод Шнейдера, никак не поступали чертежи. А ведь в них надо было еще разобраться. Специалисты знали, что любой иностранный чертеж при его реализации требовал доработки. Чтобы на месте изучить производство новой системы, в Крезо был командирован военный инженер Орудийного завода полковник Самойлов. Только в 1912 году завод получил заказ на 100 пушек системы Шнейдера, предназначавшихся для крепостей.

Но были у этой пушки и слабые места. Прежде всего – однокорпусный лафет. Он ограничивал сектор горизонтального обстрела 6-ю градусами. Максимальный угол подъема ствола не превышал + 37. И тем не менее после Первой мировой пушка была оставлена на вооружении и Красной Армии. В 1930-м ее

модернизировали – на 10 калибров удлинители ствол, оснастили дульным тормозом, камору расточили под новый снаряд, увеличив дальность стрельбы. Пушка-«французенка» участвовала даже в начальных боях Великой Отечественной.

Находясь в крайне стесненных, по сравнению с другими заводами, условиях, не имея подчас самого необходимого, Петроградский орудийный тем не менее за три года войны отправил на фронт 1450 новых орудий четырех систем и калибров. Эта цифра сопоставима с производительностью других пушечных заводов, исключая, разумеется, Путиловский (он дал почти половину всех новых пушек) и служит показателем не только мастерства заводских рабочих, инженерно-технического персонала, но и чрезвычайной интенсивности их труда. Целая группа из пяти частных заводов, насыщенная оборудованием, сумела раскачаться только к 1916 году и сработала куда слабее, чем единственный Орудийный – пасынок Литейного проспекта.

И что еще заметно и выгодно выделяет его из прочих. Взгляд на войну у каждого завода разный. Тот же Путиловский, например, с его материальными возможностями и амбициями смотрел, наверно, по-генеральски, через головы солдат, творил стратегию вооружения. А наш Орудийный по-другому чувствовал войну, ну как, скажем, мать чувствует и понимает малейшие нужды своего дитя, и не бывает для нее мелочей. Как разведчику без компаса и удобного миниатюрного фонарика? А командиру без бинокля и телефонной связи? И целой уймы других всевозможных надобностей? Делали на Орудийном и пулеметные станки системы Соколова, и большой мощности прожекторы, осветительные и сигнальные фонари для крепостной артиллерии, оптические приборы для 152-мм пушек Канэ. Именно мастеровые Орудийного обеспечивали отечественную артиллерию средствами телефонной связи – кабелем, коммутаторами, катушками для провода, специализировались на производстве измерительных и прицельных приспособлений: угломеров и буссолей. А еще: насосы для шнейдеровских систем, малофугасные гранаты, приборы для снаряжения патронов, большие и малые стереотрубы, монокуляры и даже специальные очки с цветными стеклами, тысячи и тысячи компасов... Наверное, проще было бы назвать тот артиллерийский атрибут, к производству коего завод не имел отношения. Едва ли не втрое возрос выпуск запасных частей к пушкам и гаубицам.

Казалось бы, война была сравнительно далеко даже от Санкт-Петербурга, а вот с Орудийным заводом она оказалась рядом, стояла практически к нему вплотную. Каждый день конной тягой на завод прибывали опаленные и израненные войной орудия, еще горячие от боя. Иные были узнаваемы – хороший мастер свою работу видит, а иные – чужих рук дело. Приходилось восстанавливать и орудия вовсе не знакомых заводу систем – те же, например, гаубицы Шнейдера. Не только, конечно, Петербургскому

орудийному: все отечественные пушечные заводы и арсеналы в эти военные годы были заняты их восстановлением. Но единственному предприятию военного ведомства досталась львиная доля этой работы.

Дать орудию вторую жизнь – это ведь целая отрасль, спровоцированная войной. Ее предстояло обеспечить и кадрами, и новым оборудованием, заставив потесниться и без того скученные мастерские. В пушечной, например, на один тяжелый станок приходилось только 6,6 кв. м. площади; в компрессорно-люлочной – 4,3, а в прицельно-затворной и того меньше – 2,5-3 кв. м. К компрессорной пришлось надстроить еще один этаж. Соорудить времянки для полировки пушек и электросварочных работ. На электростанции умудрились смонтировать 250-сильный дизельный двигатель и его отработанными газами обогревать помещения всех мастерских.

Завод первым в России наладил перестрелку (замену поврежденных стволов новыми) «трехдюймовок» и гаубиц Круппа, обновлял и «лечил» все, что ему поступало, – вплоть до орудий устаревших систем 1870-1890-х годов.

Для организации ремонтных работ были выделены специальные техники. При Петроградском арсенале орудийцы организовали учет и осмотр орудий, пострадавших на войне, и распределяли их по заводам – кого куда сподручнее. Орудийный помог наладить ремонт «трехдюймовок» Киевскому и Брянскому арсеналам, а для Балтийского и Брянского заводов изготовил мерительный, проверочный и другой инструмент, разработал детальные инструкции по устранению поломок. На центральном орудийном складе заводские техники осматривали все орудия, поступающие из-за рубежа. Многие, например, английские траншейные пушки Маклина, приходилось разбирать и собирать вновь, чтобы сделать их боеспособными. Эти же техники принимали и проверяли обновленные орудия, поступающие из других заводов России.

За время Первой мировой завод вернул на боевые позиции 1480 «трехдюймовок», 260 гаубиц Круппа, 190 76-мм полевых пушек, 80 горных того же калибра, 56 гаубиц и 107-мм пушек Шнейдера и даже какое-то количество тяжелых 152-мм гаубиц. С двумя последними приходилось особенно трудно из-за нехватки, а то и вовсе отсутствия мощных фрезерных, строгальных и сверлильных станков для отделки люлек, салазок и веретен к этим системам.

Словом, Петроградский орудийный был главным артиллерийским «госпиталем» страны. Только Мотовилихинский пушечный мог соперничать с ним в этой кропотливой восстановительной работе.

А еще Орудийный был школой. В буквальном смысле этого слова. Мы не случайно сказали о «детальных инструкциях по устранению поломок». Многие отечественные оборонные заводы, такие, например, как Брянский, Петроградский металлический, Сормовский и другие именно здесь осваивали приемы и способы изготовления пушечных люлек, салазок, затворов и прицелов. Да и многое из прочего, например, угломеры, изготавлилось на Орудийном технологически более совершенно, чем на каком-либо ином предприятии, где эти пушечные атрибу-

ты работали эпизодически или в порядке совмещения. Так, первые полтора года войны прицелы и затворы и некоторые другие детали, требующие особой точности, для всех заводов страны готовили орудийцы Петербургского.

Завод за годы своей вынужденной уникальности сформировал замечательный коллектив мастеров-инструментальщиков, которые обеспечивали все заводское производство точнейшими измерительными приборами и режущим инструментом. Возможности мастерской были таковы, что позволяли изготавливать инструмент не только для заводов других ведомств, но даже выполнять заказы частных. Эти факты так много говорят о мастерстве и опыте заводских инструментальщиков, ведь многие из них отдали предпринимательство по 15-20 лет непрерывного труда!

Любая война для оружия, что называется, мать родна. Под залпы орудий, неисчислимыми людскими жертвами она вносит коррективы, исправляет ошибки от беспечности и недогляда мирного времени. Не стала исключением и Первая мировая. Главной «виновницей» на это раз стала авиация, проникавшая едва ли не «черным» ходом на театр военных действий.

Почему «черным»? Да потому, что никто ее здесь не ожидал. Вот как внушал, например, завтрашним офицерам-артиллеристам лектор Академии генерального штаба Е.К.Смысловский: «Нельзя согласиться, что для борьбы с воздушными целями необходимы специальные орудия с большим вертикальным обстрелом и большой подвижностью. Даже при том скромном предельном угле возвышения, который принят для 3-дм пушки обр. 1902 г. (16 гр), и предельной скорости шрапнели (5 верст) цель, движущаяся на высоте 1 версты, будет находиться в сфере поражения 2,5 версты. А разве можно рассчитывать, чтобы не только современные, но и воздушные цели ближайшего будущего двигались... выше 1 версты?»

И то сказать, по воздушным целям эта «панацея» стреляла еще в конце XIX века и в начале XX-го. Но этими целями были красивые и нестрашные воздушные шары, которые весело тянула по воздуху тройка лошадей. Пальба по ним из «трехдюймовок» была признана вполне успешной.

Мало того, в 1901-м военный инженер М.Ф.Розенберг даже предложил проект 57-мм противозенитного орудия, но его не приняли в расчет. Мобилизационное расписание 1910 года, с которым российская армия начала войну, не предусматривало ее оснащение каким-либо зенитным оружием.

То есть неподражаемая русская «трехдюймовка», по мнению военных специалистов, оставалась спасительницей и в бою с военными аэропланами. А настоящие «воздушные цели», стремительно набиравшие высоту и скорость, уже стояли за дверью и не замедлили появиться на сцене войны – неожиданными и губительными.

Военные специалисты и сами солдаты под огнем с воздуха стали искать хоть какие-то меры защиты. Сама по себе «трехдюймовка» оказалась практически не

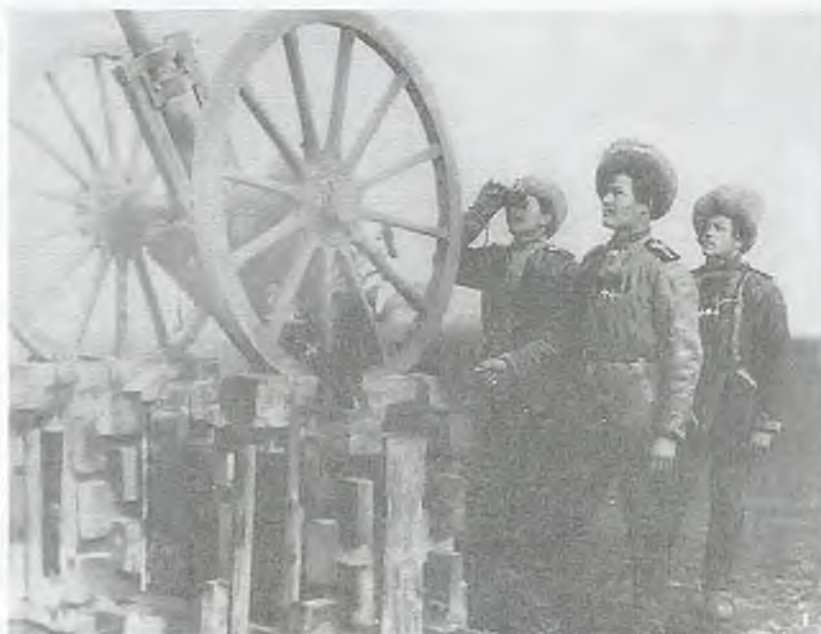

у дел. Пока ее настраивали и вели примитивные расчеты, военный аэроплан, сбросив свой смертоносный груз и опустошив пулеметный запас, уже оказывался в «мертвой воронке» – недоступной для пушки зоне. Фронтовики изошрялись как могли. Рыли ямы и опускали туда хобот пушечного лафета, пытаясь увеличить угол вертикального наведения. Пробовали разные способы установки орудия на деревянных тумбах, причем водружали на них не только безотказные «трехдюймовки», но и горные пушки, и даже гаубицы.

Голь на выдумки хитра. Одну такую установку конструкции Б.И.Иванова даже приняли на вооружение. Солдаты умудрялись за 20 минут подготовить «самиздатовскую» зенитку к воздушному бою. На безрыбье, говорят, и рак – рыба. Только к самому завершению войны фронт допросился настоящих зенитных орудий.

Немало лет длилась эпопея создания отечественной зенитки. Военные спецы задолго до войны поняли опасность воздуха. Группа военных инженеров, в которую, кстати сказать, входил и недавний небрежитель воздушных целей Е.К.Смысловский, разработали тактико-технические требования к противоаэропланной пушке. А в 1913-м капитан Офицерской артиллерийской школы В.В.Тарновский предложил проект 76-мм орудия на автомобильном шасси. ГАУ тогда было почему-то не до него, и оно свой завод этим проектом не озаботило. Видимо, потому, что на вечном пасынке Литейного проспекта началась очередная реконструкция, и освоение новых систем не предусматривалось.

А вот Путиловский завод не дремал. Его традиционно сильный конструкторский коллектив ухватился за идею Тарновского. Руководитель артиллерийского отдела военный инженер Франц Францевич Лендер принял идею близко к сердцу и с участием ее автора за несколько дней до начала войны приступил к проектированию зенитной пушки. Для «автопушки» Тарновского он изобрел специальный механизм,

Зенитная установка Б.И. Иванова

увеличивший ее скорострельность. При откате ствола он автоматически открывал клиновой затвор и выбрасывал гильзу, а получив очередной снаряд, так же автоматически закрывал затвор, взводя ударник. Это были первые в мировой практике полуавтоматические клиновые, а затем и поршневые затворы, запатентованные в России, Англии, Франции, США. В историю отечественной артиллерии новое орудие вошло под названием «зенитки Лендера», хотя в создании его, помимо Тарновского, участвовал известный конструктор артиллерии П.А.Глазков и инженеры Путиловского завода Ф.М.Гарковский, А.Я.Навядовский, В.И.Бирюков.

Франц Лендер уже и в советское время много сделал для создания отечественной зенитной и качественно новой полевой артиллерии, и тем не менее Большая советская энциклопедия не удостоила его своим вниманием.

Вернемся, однако, к его зенитной пушке. Ее рабочие чертежи были закончены и в августе 1914 года переданы в производство Путиловскому заводу. Испытания не совсем удовлетворили заводских инженеров. В 1915-м пушку модернизировали, увеличив угол возвышения до 75 градусов. Завод получил заказ ГАУ на изготовление опытной партии – 12 гаубиц Лендера.

Еще 20 пушек заказало морское ведомство.

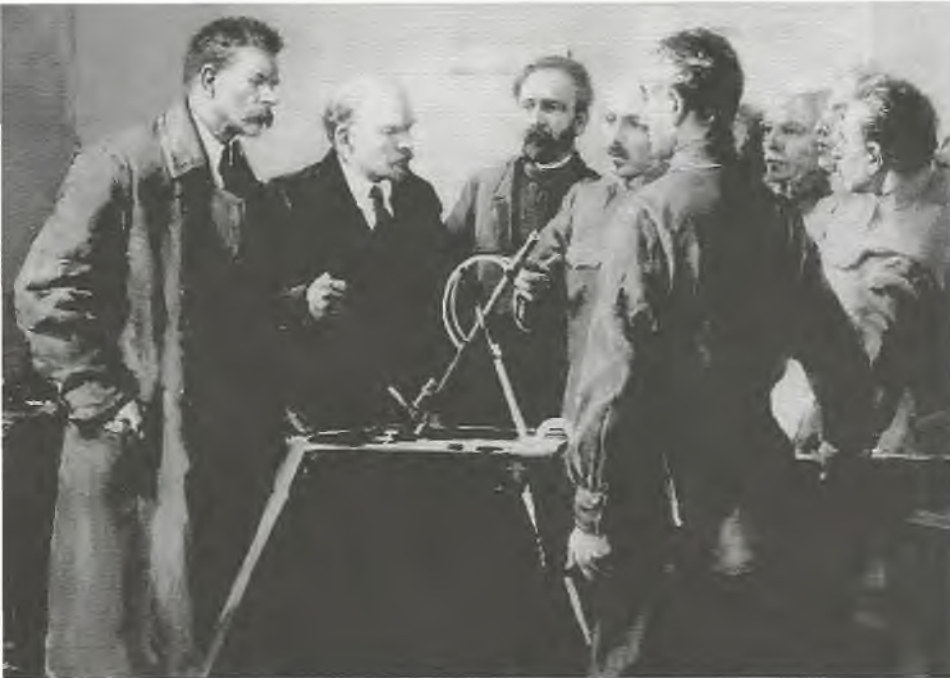
В марте 1915 года при Офицерской артиллерийской школе была сформирована первая в России специальная артиллерийская батарея для борьбы с воздушными целями. Ее возглавил все тот же штабс-капитан Тарновский. Это был, конечно же, поступок: сам изобрел орудие – сам и проверь его в бою.

Батарея являла собой целую колонну, бронированную стальными щитами. Помимо четырех орудий, установленных на бронированных же автомобилях – американских грузовиках Уайта и отечественных Руссо-Балт-Т, ее сопровождали четыре броневика с зарядами, бензином и маслом; три легковых автомобиля для офицеров и команды связи; четыре мотоциклетки разведчиков и автокухня-цейхгауз. 25 марта батарея Тарновского была отправлена на Северный фронт Первой мировой войны.

А что же наш Петербургский орудийный? В зенитной эпопее начального периода ему досталась хоть и эпизодическая, но очень характерная роль.

Она связана с именем выпускника Петербургского университета Александра Игнатъева (1879-1936). Будучи студентом, он принял участие в революции 1905-07 годов, познал тюремный застенок и по этой причине только 36-летним окончил естественное отделение физико-математического факультета. Когда

А.М. Игнатьев демонстрирует свой прибор В.И.Ленину. Москва, 1920

началась Первая мировая, его, как прапорщика запаса, призвали в действующую армию и отправили на Юго-Западный фронт, во 2-ю артиллерийскую бригаду. Здесь то на собственном опыте он и познакомился с зениткой Лендера. Стрельба по немецким самолетам показалась ему в боевых условиях хлопотной и малоэффективной. Пункт командира батареи был обставлен курсомерами и скоростемерами, поправочниками и табличными планшетами, и он стал обдумывать идею специального оптического прицела. Здесь же, в бригаде, в полевой обстановке его прибор был изготовлен и опробован. Чертежи прапорщика отправили в артиллерийский комитет ГАУ. От оптимальности прицела там пришли в восторг: он позволял определить высоту полета аэроплана и одновременно выдавал исходные данные для стрельбы, рассчитанные с упреждением. Все прежние прицельные атрибуты оказывались ненужными.

Артиллерийский комитет признал оптический прибор Игнатьева для корректировки стрельбы по воздушной цели самым оптимальным и удобным из существующих, а ГАУ поручило его изготовление Петербургскому орудийному.

Некоторые историки утверждают, что зенитки Лендера, сбившие первые вражеские самолеты, как раз и были снабжены оптическим прицелом Игнатьева.

Первый русский зенитный оптический прицел завод изготовлял десять последующих лет.

В дальнейшем Александр Михайлович Игнатьев стал создателем самозатачивающегося режущего инструмента, сварочного пресса, лентосварочной машины и других уникальных новинок. Его изобретательский дар, проявившийся в боевых условиях, с годами набирал силу.

А эпопея совершенствования зениток Лендера позднее была продолжена уже в новых условиях бытования Орудийного.

Между тем положение уникального завода военного ведомства в густонаселенной и ограниченной территории столицы требовало принять, наконец, решительные меры. Ни о каком расширении и реконструкции уже нельзя было даже заикаться. Вблизи предприятия не было свободной и дешевой жилплощади для рабочих, и они вынуждены были селиться далеко от места работы. Зрели планы переноса Орудийного на окраину города. Продажа лакомого участка земли на Литейном сулила хорошие деньги для строительства новых помещений. Но разразилась война. Планы надолго отодвинули. Однако война же их и возобновила.

Наступление германских войск на Северо-восточном фронте, оккупация Риги создали в Петрограде продовольственные затруднения, расстройство транспорта. Да и сама северная столица оказалась под угрозой германского вторжения. Уже не

об окраине города шла теперь речь, а о передислокации военного завода вглубь страны. Была спешно создана комиссия в составе начальника завода по технической части полковника П.И.Петрова, инженера Г.А.Карганова, архитектора А.И.Самойлова и трех представителей завкома.

Комиссия побывала в Перми, Саратове, Царицыне, Таганроге. Выбрала Таганрог. Тамошний котельный завод, принадлежащий бельгийской компании «Альберт Нев и Вильде», был «на ходу» и располагал всем необходимым. А Орудийный к этому времени сильно обезлюдел, катастрофически терял кадры, почти не финансировался. Общее собрание заводчан 3 октября 1917 года согласилось с выбором комиссии и приняло резолюцию о переезде в Таганрог. В тот же день начальник завода генерал-майор С.Я.Нарушевич обратился с рапортом к начальнику ГАУ. «Орудийный завод, — писал Семен Яковлевич, — как отдельную высокоорганизованную техническую единицу, имеющую совершенно определенное значение для государственной обороны, желательно эвакуировать в первую очередь и в таких условиях, чтобы перерыв в его деятельности... как можно меньше отразился на порядке и своевременности снабжения армии».

Поддержал начальника завода и завком. Опасаясь канцелярских затяжек, он в том же октябре обратился прямо к А.А.Маниковскому, временно исполнявшему тогда должность военного министра: «... размещение завода в металлургическом и угольном центре страны даст ему возможность значительно расширить производство в связи со светлым будущим России».

Маниковский, как мы знаем, близко знакомый с положением и заслугами завода, просил Временное правительство оказать содействие: «Никаких других конкурентов на заводе АК «Альберт Нев и Вильде» нет, поэтому дело лишь в вагонах».

И быть бы, наверно, Орудийному в Таганроге. Но дело оказалось вовсе не в вагонах. На следующий день, 25 октября 1917 года, грянула «Великая Октябрьская социалистическая революция».

14–17 АПРЕЛЯ 2011

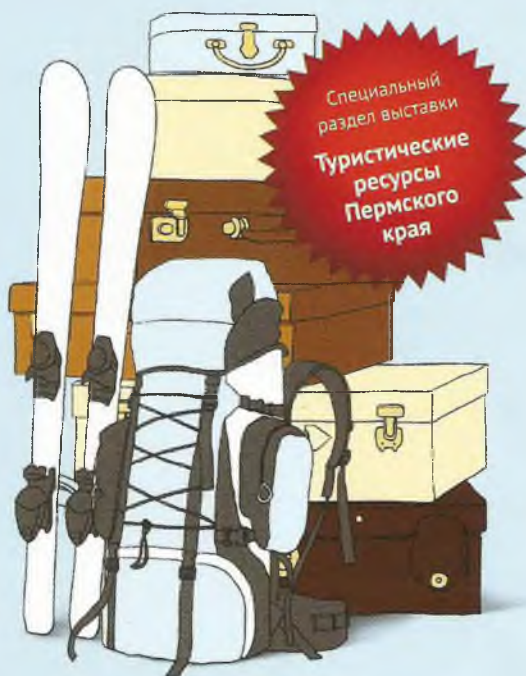
ТУРИЗМ И ОТДЫХ

14-я межрегиональная выставка путешествий, санаторно-курортного отдыха и туристических маршрутов по всему миру и экскурсионных достопримечательностей регионов России

www.59tour.ru

Официальная поддержка

Министерство развития предпринимательства и торговли Пермского края, администрация города Перми, Пермская туристическая гильдия

Специальный
раздел выставки
Туристические
ресурсы
Пермского
края

Выставочный центр

**ПЕРМСКАЯ
ЯРМАРКА**

Место проведения
Специализированный
выставочный комплекс
«Пермская ярмарка»

614077, Россия, Пермь,
бульвар Гагарина, 65
(+7 342) 262-58-58
www.expoperm.ru

Время работы выставки
14 апреля 12:00-18:00
15-16 апреля 10:00-18:00
17 апреля 10:00-15:00

ОБРАЗОВАНИЕ ЮГРЫ

ВЫСТАВКА - ФОРУМ

Апрель 2011
г. Ханты-Мансийск

Выставка-форум «Образование Югры - 2010»
посвященная Году учителя в России

год
УЧИТЕЛЯ
2010

628000, Россия, г. Ханты-Мансийск, ул. Студенческая, 19; КВЦ «Югра-Экспо»
Тел./факс 8(3467) 359-598, 363-010, e-mail: expo_expo@mail.ru

Фото Евгении РОКОТЯН, Екатерины ФИРСОВОЙ

УРАЛЬСКИИ СЛЕДОПЫТ

ежегодный зимний фестиваль
ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ 2011

В этом году фестиваль ЛЕДОВЫЙ ШТУРМ прошел без ставшего привычным ледолазания – пиломатериала в ледовом городке на центральной площади Екатеринбурга было значительно больше чем льда, а высота конструкций позволяла видеть всех посетителей из любой точки.

Традиционный зимний фестиваль журнала УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ переместился на городской пруд к спортивному комплексу «Динамо». Вот где оказалось раздолье! Рыболовы с прошлого года уже рогчили крючки для участия в ристалище на льду в центре Екатеринбурга. И не мудрено: отсутствие сетей на водоеме очень благоприятно отражается на иктиофауне, что и показали результаты рыболовных состязаний. 98 участников из Челябинской, Курганской и Свердловской областей соревновались в течение 4 часов. В личном зачете уверенно победили гости из Челябинска. И это при том, что сборная Свердловской области, вернувшаяся накануне с Чемпионата России, где обновила все уральские команды, принимала участие в фестивале в полном составе!

Наши проекты

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

УРАЛЬСКИЙ
СПЕДГОЛЫМ

ISSN 0134 - 241X

www.uralstalker.com

ПОКА ЖИВЕШЬ – БЕЙСЯ

ПОЛЯРНЫЙ АВТОПРОБЕГ

СНЕЖНОЕ САФАРИ

ЦАРСКИЙ ПОЕЗД

март
2011 (№645)